

БЕЛОРУССКИЕ МИФЫ
ОТ МАРЫ
И ДОМАШНЕГО УЖА
ДО ВОЛКОЛАКА
И ЗЛЫДНИ

ЕЛЕНА ЛЕВКИЕВСКАЯ

МИО



Мифы от и до

ЕЛЕНА ЛЕВКИЕВСКАЯ

БЕЛОРУССКИЕ МИФЫ
ОТ МАРЫ
И ДОМАШНЕГО УЖА
ДО ВОЛКОЛАКА
И ЗЛЫДНИ

Москва

МИФ

2025

УДК 82-343.4(476)
ББК 82.3-440(4Бєи)
Л37

Левкиевская, Елена

Л37 Белорусские мифы. От Мары и домашнего ужа до волколака и Злыдни / Елена Левкиевская. — Москва : МИФ, 2025. — 320 с. : ил. — (Мифы от и до).

ISBN 978-5-00250-038-3

Ученый-славист, доктор филологических наук, профессор Елена Левкиевская знакомит с мифологией Беларуси. Вы узнаете, во что верили ее жители, каким видели окружающий мир и природу, как относились к людям, обладающим магическими способностями. Вы познакомитесь с обычаями и традициями Беларуси, услышите живую речь в многочисленных быличках и окунетесь в сложную, многогранную картину мира белорусов.

УДК 82-343.4(476)
ББК 82.3-440(4Бєи)

Все права защищены.
Никакая часть данной книги
не может быть воспроизведена
в какой бы то ни было форме
без письменного разрешения
владельцев авторских прав.

ISBN 978-5-00250-038-3

© Левкиевская Е., 2024
© Оформление. ООО «Манн, Иванов
и Фербер», 2025

ОГЛАВЛЕНИЕ

Предисловие

Несколько слов об этой книге 8

Глава 1

Косmogонические, этиологические
и эсхатологические легенды 17

Начало сотворения мира 19

«Тот свет», рай и ад 29

Создание человека и животных 32

Множественность дьяволов 37

Мифологическое время и великаны (волаты) 40

Время, когда Бог ходил по земле 42

Что будет в конце света? 45

Глава 2

Мифологические персонажи,
происходящие из умерших людей 49

Души предков 54

Дети, умершие некрещеными 62

Кикимора 64

«Ходячий» покойник 66

Русалка 76

Глава 3

Люди с демоническими свойствами и результаты их деятельности 93

Ведьма	99
Колдун	113
Знахари	120
«Знающие»	125
Волколак	132
Сглаз	140
Порча	149
Залом	157
Колтун	160

Глава 4

Духи домашнего и природного пространства 167

Домовик (хатник) и хлевник	172
Ласка	182
Домашний уж	185
Мара и стрига	188
Духи домашних построек	191
Водяные духи	193
Лесные духи	201
Полевой дух	208

Глава 5

Мифологизированные явления и персонификации человеческих состояний 213

Цветение папоротника	218
Вихрь	223
Клад	229
Персонификация Страха	234

Персонификации судьбы (Доля и Злыдни)	238
Духи болезней	243
Смерть	249
Персонажи, которыми пугают детей	253

Глава 6

Нелокализованные персонажи	259
----------------------------	-----

Черт	262
Летающий змей	277
Доброхожие	280
Блуждающие огни	285
Персонификации праздников и дней недели	287

Приложение 294

Об изучении белорусской мифологии и «боге луны» Кляскуне	294
---	-----

Примечания	310
Библиография	316
Источники иллюстраций	318

ПРЕДИСЛОВИЕ

НЕСКОЛЬКО СЛОВ ОБ ЭТОЙ КНИГЕ

В этой книге рассказывается о низшей белорусской мифологии в том виде, в котором она известна нам по фольклорным и этнографическим записям последних примерно полутора веков. Более-менее регулярные исследования восточнославянской традиции начались со второй половины XIX века, а в наше время постоянные фольклорные экспедиции, фиксирующие состояние современной народной культуры, стали неотъемлемой частью фольклористики. Что же касается пантеона высших божеств, то о нем здесь не говорится по той причине, что все известные нам по древним письменным памятникам и не слишком многочисленные факты о высших божествах восточных славян (боге-громовержце Перуне, скотьем боге Волосе/Велесе, женском божестве Мокоши и некоторых других) относятся к древнерусскому дохристианскому и раннехристианскому периоду, то есть к эпохе, когда еще не началось формирование самостоятельного белорусского этноса^{*}. С принятием христианства представления о высших божествах относительно быстро исчезли из актуальных восточнославянских верований, отчасти заместившись народным культом христианских святых, однако остатки этих представлений до сих пор сохраняются в белорусском языке и народной традиции. К примеру, стоит вспомнить, что молнию у белорусов называют по имени

^{*} Формирование белорусского этноса относится к периоду XIV–XVII вв.

верховного божества восточнославянского языческого пантеона — *пярун*, а в мифологии живы поверья о том, что во время грозы Бог (или святой Илья) бьет своими молниями-перунами в «нечистика», то есть в черта. Некоторые ученые (в частности, В. В. Иванов и В. Н. Топоров) считали это поверье отголоском главного восточнославянского мифологического сюжета о борьбе бога-громовержца Перуна с его хтоническим противником Велесом (так называемая теория основного мифа, которая в настоящее время подвергается достаточно обоснованной критике).

Белорусские (как и вообще славянские) этиологические легенды (о сотворении мира, земли, людей и всего сущего) в основном содержат христианизированные версии представлений о первых временах творения, в частности народные интерпретации библейских и евангельских сюжетов на эту тему. Но некоторые из этих сюжетов являются подлинной древностью и относятся даже не к индоевропейскому, а к более раннему наследию и принадлежат к мировому фольклору. Речь идет об известной во многих культурах дуалистической легенде о двух демиургах — Боге и Его помощнике (который почти сразу же оказывается и Его антагонистом) — и о сотворении суши из горсти земли, поднятой помощником Бога (чертом, дьяволом, Сатаной) со дна океана (в научных исследованиях ее часто называют мифом о ныряльщике, поскольку по Божьему указанию помощник ныряет за землей на дно океана). В белорусском (как и вообще в славянском) фольклоре эта древняя легенда оказывается сопряжена с библейским сюжетом об одном из ангелов, попытавшемся организовать восстание против Бога, и о свержении восставших ангелов на землю. Кстати, именно из этих павших ангелов, по народным воззрениям, и произошли многочисленные мифологические персонажи. Отношения Творца и его помощника-антагониста описываются в этиологических легендах как постоянное противостояние из-за гордыни

последнего, все время пытающегося доказать, что он равен Богу и также способен творить, но его творения, в отличие от Божьих, оказываются убогими и несовершенными или вредными и опасными. Наиболее известный круг белорусских этиологических легенд собран в первой главе настоящей книги, тогда как остальные главы посвящены персонажам низшей мифологии.

Низшая мифология — это прежде всего система мифологических персонажей (духов и демонов), наделенных в традиции собственным набором признаков и характерных действий. Белорусская мифологическая система, складывавшаяся не одномоментно, но в течение многих веков, содержит в себе как очень древние элементы, восходящие еще к праславянскому периоду*, так и сравнительно поздние, возникавшие в то время, когда из восточнославянской общности формировались отдельные русский, белорусский и украинский этносы, каждый из которых привносил свою специфику в доставшееся ему общеславянское наследие. А это наследие достаточно велико и вполне ощутимо прослеживается даже в современных мифологических представлениях, пусть и в довольно преображенном состоянии. Речь идет прежде всего о наборе персонажей, происходящих из разного типа покойников и составляющих, пожалуй, ядро белорусской (как и всей славянской) мифологической системы. Мифологизация умерших — один из наиболее продуктивных способов формирования поверий о демонических существах — в разных вариантах они известны во всех славянских традициях и восходят, вероятно, к наиболее древнему кругу представлений о «правильной», «чистой» и «неправильной», «нечистой» смерти, заимствованных праславянами еще из индоевропейского

* Праславянский период — период существования славянских племен с момента выделения их из индоевропейской общности до V–VI вв. н. э., когда начались постепенный распад праславянского единства и формирование отдельных славянских этносов.

прошлого. В белорусской народной культуре эти представления реализовались, с одной стороны, в образе *дедов* — почитаемых душ предков, культ которых традиционно силен в Белоруссии, а с другой стороны, в образах различных персонажей, происходящих из «нечистых» покойников, умерших «неправильной» смертью, по разным причинам не проживших положенный им срок жизни: *детей, умерших некрещеными, «ходячих» покойников, русалок, кикимор*. Всем этим персонажам посвящена вторая глава.

Общеславянские корни имеют в белорусском фольклоре и широко распространенные поверья о людях, наделенных колдовскими способностями и демоническими чертами, — *ведьмах, колдунах, знахарях*. Это не мифологические персонажи в прямом значении этого слова, но реальные люди (часто соседи, односельчане), которые могут с помощью магии творить как зло, так и добро. Основные результаты их вредоносной деятельности — это различные формы *сглаза* и *порчи*, к которой также принадлежат *залом* (особым образом скрученные или надломленные колосья в поле) и *колтун* — спутанные пряди волос на голове, вызывающие болезненное состояние. К этой же категории людей с демоническими свойствами принадлежит значительное число лиц, которых можно назвать *знающими* и которые в силу своей профессиональной деятельности наделяются в народном сознании магическими чертами, — это музыканты, гончары, пасечники, пастухи, кузнецы, повитухи. Подобные свойства приписывают и социальным маргиналам — всевозможным странникам и нищим, которые обладают способностью предвидеть будущее и вступать в контакт с «иным» миром. Белорусская мифология (наряду с украинской, карпатской и южнославянской) хорошо сохранила представления о людях-оборотнях, способных превращаться в волков, — *волколаках*. Весь этот обширный круг людей и явлений, связанных с колдовством и магией, описан в третьей главе.

Четвертая глава посвящена духам домашнего и природного пространства. На первый взгляд может показаться, что белорусская мифологическая система в этой области очень похожа на русскую, — в ней также присутствуют представления о мифологических хозяевах дома, хлева, бани, овина, а за пределами усадьбы — леса, водоемов и поля. Однако это ощущение похожести ложное: при более внимательном подходе оказывается, что белорусская традиция обладает (если вспомнить слова Е. Баратынского) «лица необщим выраженьем» и что по целому ряду мотивов и сюжетов, а также по «устройству» якобы похожих персонажей (даже таких, как домовый или водяной) она значительно отличается от русской.

В чем же эти отличия? Во-первых, в том, что представления о духах — хозяевах усадебного пространства (*домовике* или *хатнике*, *хлевнике*, *лазнике*, *евнике*, *пуннике*), а также природных लोकсов (*лесовике*, *водянике*, *багнике*, *полевице*), в русской мифологии занимающие центральное место, в белорусской традиции существуют в основном в восточных и северо-восточных районах, примыкающих к русской территории, тогда как на юге и юго-западе Белоруссии (в том числе в белорусском Полесье) они практически не известны. Их место занимают типологически другие персонажи (очень часто это черт), которые хотя и обитают в этих пространствах (в доме, в лесу или в водоеме), но осмысляются не как их хозяева, а просто как находящиеся там существа. Например, если в Витебской области мифологический хозяин дома *домовик* (или *хатник*) по своим характерным признакам и действиям очень похож на русского *домового* (он есть в каждом доме, который опекает, и это является нормой), то в Брестской или Гродненской областях находящийся в доме персонаж мыслится как опасное и вредное существо, от которого надо избавляться и защищаться оберегами (иногда это черт, посланный ведьмами и колдунами, иногда «ходячий» покойник). Во-вторых, эти типологически иные персонажи

часто называются теми же самыми именами, что и духи-хозяева. К примеру, слово *домовик* на востоке Белоруссии обозначает почитаемого мифологического хозяина дома, а в брестском Полесье — насланную в дом нечистую силу или приходящего туда «ходячего» покойника. Точно так же слово *водяник* в восточных районах обозначает хозяина водоема, а в западном Полесье — злобного утопленника, обитающего в воде. В-третьих, система белорусских домашних персонажей не ограничивается только антропоморфным домовиком, в ней также присутствуют и зооморфные существа — *домашний уж* и *ласка*, как правило, связанные со скотом.

Важно понимать, что мифологические персонажи отнюдь не одинаковы по своему «устройству» и по степени демоничности. Одни из них (например, черт, русалка, ведьма, домовик) представляют собой развернутые образы, наделенные и узнаваемым внешним обликом, и обширным набором приписываемых им устойчивых мотивов и функций. Другие же мифологические элементы слабо персонифицированы и представляют собой не образы, а мифологизированные явления и состояния (в частности, вихрь, цветение папоротника, персонификации смерти, болезней, судьбы, календарных праздников и подобное), а также таких животных, как *змеи*, наделяемых мифологическими свойствами. Из перечисления этих разнообразных явлений понятно, что белорусская (как и любая другая славянская) мифологическая система — это многоуровневое образование, разные уровни которого организованы по-своему и различными способами выражают мифологические смыслы. К примеру, в белорусских — как и в русских — представлениях хорошо известна способность некоторых персонажей (как правило, лесовика или черта) сбивать человека с пути, заставлять блуждать, заводить в непроходимые места. Если в восточных районах Белоруссии, соседствующих с русскими, эта функция входит в состав характерных действий мифологического

хозяина леса, то в западных областях, на границе с Польшей, она может существовать самостоятельно, как некое обезличенное и слабо персонифицированное образование под названием *страх*, *ляк*, *ляковка*. Весь этот круг мифологизированных природных явлений, состояний человека и персонификаций описан в пятой главе.

Шестая глава посвящена трем персонажам, отличительная особенность которых — способность перемещаться из одной пространственной сферы в другую, находиться в разных местах. Сюда относятся сведения о *летающем змее спарнике*, проявляющем себя в двух пространствах — воздушном и земном. В белорусской традиции (в восточном Полесье) этот персонаж связан прежде всего с функциями духа-обогаителя, живущего у ведьм и колдунов на положении помощника и приносящего им богатство, которое ворует у других людей. Характерно, что в некоторых случаях такой персонаж может называться *домовиком*. Обширный пласт сведений, публикуемых в этой части книги, связан с чертом. Для белорусской (особенно для полесской) народной традиции фигура черта имеет особое значение — в юго-западных районах, где сильно ослаблены представления о духах — хозяевах пространств (лесовике, водянике, полевике, болотнике), многие функции этих персонажей закреплены именно за чертом (например, он заставляет человека блуждать, сбивая его с дороги, как леший; заманивает в воду с целью утопить, как водяной, и т. д.). Черт — многогранная фигура, осмысляемая, с одной стороны, как воплощение нечистой силы в целом, а с другой — как персонаж, обладающий собственным набором признаков. Кроме того, на народный образ черта повлияли книжные христианские представления об антагонисте Бога-творца. Если представления о черте — это важная и древняя часть белорусской традиции, то поверья о *доброхожих*, записанные в последние десятилетия на белорусско-русском пограничье, — относительно новый элемент, находящийся в стадии формирования.

Мифологическая система не есть нечто постоянное и неподвижное, она способна эволюционировать и изменяться, в том числе и под влиянием соседних традиций (для белорусской мифологии — это прежде всего русская, украинская, польская и отчасти литовская мифологии). И это неудивительно, если вспомнить историю белорусских земель, которые (вместе с украинскими) с XIV века по конец XVIII века существовали в рамках сначала Великого княжества Литовского, а затем и Речи Посполитой и только с конца XVIII столетия оказались в составе Российской империи. Локальные мифологические системы разных регионов Белоруссии дают прекрасную возможность увидеть следы этих взаимовлияний, создающих сложную диалектную картину белорусской традиции. Мифология востока Белоруссии по своему составу и набору мотивов близка соседствующей с ней западнорусской традиции, составляя с последней, по сути, общую ареальную систему. На западе Белоруссии столь же очевидны следы влияния польской мифологии, о чем, в частности, свидетельствуют поверья о *колтуне* и *блуждающих огоньках*, а также о водяном духе *топельнике*. Особыми чертами обладает белорусская часть Полесья, которая вместе с украинским Полесьем образует общую ареальную традицию со своим набором мотивов и сюжетов.

ГЛАВА 1



КОСМОГОНИЧЕСКИЕ, ЭТИОЛОГИЧЕСКИЕ И ЭСХАТОЛОГИЧЕСКИЕ ЛЕГЕНДЫ

НАЧАЛО СОТВОРЕНИЯ МИРА

В славянских народных традициях сложилось собственное представление о том, кто и как сотворил Землю, как на ней появились люди, животные, нечистая сила и когда наступит конец исторического времени. На все эти вопросы отвечают космогонические легенды (происхождение мира в том виде, в каком мы его знаем сейчас), этиологические легенды (сотворение живых существ и культурных предметов), а также эсхатологические легенды (о конце света). В белорусской традиции эти легенды опираются не на дохристианские верования (от которых сегодня сохранилось очень мало), а на трансформированные библейские сюжеты. В традиционной культуре они получили собственное толкование, иногда



Orbis fabrica .

Сотворение мира. Гравюра, 1606

достаточно далекое от первоисточника. Их часто называют «народной Библией», поскольку в рамках космогонии и эсхатологии описано все земное существование человечества.

Сотворение Земли в основном представляет собой пересказ известного библейского сюжета об отделении Богом тверди от воды.

Но на чем стоит свет? В западно-белорусской легенде из окрестностей Слонима утверждается, что «свет на куриной ноге стоит». Известны и распространенные у славян версии о большой рыбе или нескольких китах, которые держат на себе землю:

«Земля стоит на четырех китах, но это, может быть, неправда, потому что где тем китам удержат такую тяжесть и махину»¹.

Когда рыба или киты начинают шевелиться, на земле случаются землетрясения. Счастливые люди заранее знают, где оно произойдет, и идут на это место вместе со священником, чтобы попросить Бога и рыбу, на которой стоит земля, избавить их от напасти, и тогда землетрясения удастся избежать. Однако если рыбе надоедает лежать на одном боку, и она решает изменить положение и перевернуться на другой бок, то и мир переворачивается кверху ногами (Гродненская обл.)².



Кит. Рисунок, XVI в.

Считается, что мир сотворил не один только Бог (как об этом свидетельствует христианское богословие), а Бог совместно с его напарником, который почти сразу же стал противником (в этой роли могут выступать черт, дьявол, Сатана, Антихрист, отпавший ангел), который стремился утвердить себя в качестве главного творца и все делал наперекор Богу. Несмотря на противостояние, они вместе создали землю, ее ландшафт, природные объекты, живых существ и растения. Перед творением земли в мире не было ничего, кроме моря, над которым пребывал (по которому ходил, плавал на лодке) один лишь Бог. На вопрос, откуда у Бога появился помощник, когда вокруг ничего не было, разные варианты легенды отвечают по-своему, но чаще всего, что тот возник сам по себе из ниоткуда. В одних повествованиях говорится, что Бог увидел плывущий по морю мутный пузырь; по другим вариантам легенды он увидел его висящим в воздухе. Бог приказал пузырю остановиться и лопнуть, что тот и сделал, а затем оттуда выбрался черт, который и стал ему «товарищем» в творении.

По приказу Бога черт погружается на морское дно, чтобы достать оттуда немного песка для творения суши. В большинстве сказаний черт ныряет за землей трижды и первые два раза неудачно, поскольку из-за своей гордости пренебрегает указанием Бога сказать: «Беру во имя Божье!» или «По Божьему благословению!» — или пытается разными способами исказить формулировку (например, произнеся: «Во имя мое и Божье!»). В третий раз, сказав все правильно, черт мухлюет и часть добытой земли прячет себе за щеку. Когда из добытого чертом песка Бог создает сушу, она начинает расти и расширяться, как и песок, спрятанный у черта за щекой. Пытаясь избавиться от песка, черт плюется, и на ровной земной поверхности, созданной Богом, появляются горы, холмы, возвышенности, овраги — весь земной рельеф.

По одной из легенд западной Белоруссии, земной рельеф образовался после Всемирного потопа. Уходящие в землю потоки воды сделали ее неровной, прочертив на ней горы и низменности. Считается, что в то время камни росли подобно живым существам, и происходило это так быстро, что они могли покрыть собой всю земную поверхность. Рост камней прекратился, когда Бог (Христос, Богородица) заклинали их.

Раньше камни были большие, как хаты. Один раз шла Матерь Божия и сбила себе палец о камень, так заплакала горько и сказала: «Ах, дай Боже, чтобы вы уже, этакие, не росли!» И уже с этой поры они хотя и растут, но уже понемногу, и они не-большие (Гродненская губ.)³.

Камни могли образовываться и из людей, которые окаменели в результате родительского или Божьего проклятия. Существуют легенды о пахаре, который захотел проверить, действительно ли Пасха такой великий (по продолжительности) праздник, что в него можно успеть сделать гораздо больше дел. Пахарь запрягает волов, едет пахать в поле, но в итоге вместе с ними превращается в камень.

Сюжет о создании земли двумя творцами, один из которых погружается за землей на дно океана, известен во многих культурах как «миф о ныряльщике». У разных народов мира ныряющим персонажем может выступать не только противник Бога, но и множество других существ, такие как водоплавающие птицы (утка, гоголь) или животные (например, бобер)⁴.

Так, в Минской области известна легенда о сотворении земли двумя творцами, в которой функции дьявола выполняет великан, чье существование также относится к мифологическому времени образования земли. В этой версии Бог, идя по синему морю, видит самозарождение великана, который находится в середине поднявшегося со дна водяного столба. Поскольку тот

не может выбраться, Бог вытаскивает его на берег и берет в помощники. Бог удивляется красоте великана (явная параллель с необычайной красотой Люцифера). Затем великан поднимает бунт против Бога и подговаривает ангелов на неповиновение: когда Бог творит человека, великан заявляет, что и сам может сделать такого же. Вместе с отпавшими ангелами он мутит в водоемах воду, но так им удастся создать лишь различных насекомых; загрязненные водоемы превращаются в болота, а лица бунтовщиков от работы чернеют, точно уголь. Тогда Бог приказывает отпавшим от него ангелам поселиться в болотах — они превращаются в чертей и различную нечистую силу.

Общеславянское представление о непрерывном противостоянии Бога и его противника (черта, Сатаны) находит свое отражение и в белорусском сюжете о споре Бога с чертом. Еще один вариант — преследование Господом (или святым Ильей) нечистой силы, которую он поражает стрелами молний, а та последовательно прячется под камень, коня, корову, дом и человека, но укрыться все же не может.

Бог [иногда святой Илья] спорил с нечистиком: «Я, — говорит, — тебя убью!» — «А как ты меня убьешь? Я спрячусь!» — «Куда?» — «Под человека». — «Я человека убью, грехи ему отпущу и тебя убью». — «А я под коня!» — «А я коня убью, человека за это награжу, а тебя убью!» — «А я под корову!» — «А я корову убью, хозяина за это награжу, а тебя убью!» — «А я под дом!» — «А я дом сожгу, человека за это награжу, а тебя убью!» — «А я под дерево спрячусь, там ты меня не убьешь». — «А я дерево разобью и тебя убью!» — «А я под камень спрячусь!» — «А я камень разобью и тебя убью!» — «А я уйду в воду, под корягу, под колоду!» — «Вот там и сиди, там твое место!» Так что там, где ударит *пярун*, то это *Бог нячиссика бьець*. А нечистик стремится спастись, превращаясь то в собаку, то в свинью или другое животное, которое норovit куда-нибудь спрятаться⁵.

Во время грозы важно следить за тем, чтобы рядом с человеком не было никаких мелких птичек или животных, в которых может превратиться черт в стремлении спрятаться за человека.

По преданиям, Бог убивает черта особой громовой стрелой, которую люди потом могут найти в земле, — как правило, это белемнит или орудия каменного века, в народе именуемые «перуновыми стрелами». Громовая стрела, которой Творец поражает противника, в легендах называется *перун* (*нярун*), что совпадает с именем главного языческого божества древнерусского пантеона — Перуна-громовержца. Примечательно, что схожий сюжет сохранился и в литовском фольклоре о Перкунасе и его противнике. Белорусские сказания связывают божьи стрелы с происхождением на земле огня. Согласно материалам из центрального Полесья, Бог послал огонь на землю в виде молнии, отделив частицу солнца, чтобы поразить ею нечистую силу. Тогда нечисть спряталась в воду, а когда огонь решил отдохнуть, похитила часть его и устроила пекло — с тех пор огонь стал служить и людям, и лиху. По другой легенде, Бог дал огонь первому человеку в помощь после изгнания из рая, чтобы люди почитали его и боялись. Для этого Господь послал на землю молнию, которая подожгла дерево, — с этого момента люди научились пользоваться огнем и добывать его.

Близко к земле Бог сотворил небо, на которое можно было всходить, но, когда люди согрешили, Господь отдалил его, закрыв этот путь. Согласно преданиям, чтобы узнать расстояние от неба до земли, нужно зарезать трехгодовалого быка, ощипать с его шкуры все шерстинки и сложить их одна за другой по прямой линии — это и будет искомая величина. Материал же, из которого состоит небо, очень твердый, крепкий и яркий — мотив твердого неба является интерпретацией библейского образа «тверди небесной» (Библия, Книга Бытия 1:8). В белорусских, как и в других славянских сказаниях, сохранился



Архангел Михаил, попирающий Люцифера. XVI в.

мотив семи небес, из которых человек видит только первое, а на седьмом живет Бог. Иногда в затянутом облаками небе образуется просвет, через который счастливый человек может увидеть Бога. Что касается солнца, то оно также создано Богом в момент творения мира, чтобы людям было светло. Оно находится далеко от земли — если бы птица летела до него три дня и три ночи без остановки, и то не долетела бы. В Гродненской губернии в окрестностях Волковыска известно предание, слегка напоминающее античный миф об Икаре: один королевич захотел узнать, что происходит на солнце. Он поймал огромную хищную птицу и несколько мелких пташек (скворцов), сел на большую птицу и полетел к солнцу,

а скворцов посадил на длинную палку, которую держал перед ней в качестве приманки. Летел он три дня и три ночи, пока птичьи перья не начали трескаться от жара, а крылья обугливались. В конце концов птица упала вместе с королевичем на землю — он и до солнца не долетел, и бока как следует отшиб⁶.

Луну Бог создал в помощь солнцу, но временами она выглядит ущербной, потому что черт, желая навредить людям, подлетает к ней, грызет ее и пытается сбросить с неба. Однако, когда от нее остается небольшой огрызок, солнце направляет на черта свои лучи, и тому приходится спасаться бегством. В легенде из белорусского Полесья Бог назначил месяц ночным светилом, но тот плохо выполнял свои обязанности, из-за чего был приговорен к ежемесячному перерождению. Помимо того, на Луну Бог в наказание сослал Каина — этим объясняется природа лунных пятен:

«Как Каин Авеля забил, то Бог до скончания света поместил их на месяц. И по сегодняшний день, когда месяц полный, мы видим, как брат брата на вилах держит. Потому и потомство авелево господствует на земле, а каиново вынуждено ему служить»⁷.

Общеславянское представление о лунных пятнах как о помещенном на луну Каине (одного или совместно с Авелем) или двух других братьях, отправленных туда Богом за нарушение запретов, восходит к апокрифическим сочинениям типа «Разумник-Указ»⁸.

Звезды на небе — это своеобразные двойники человеческих душ: когда рождается человек, Бог зажигает на небе его звезду, которая горит до тех пор, пока тот жив. Яркость и величина звезды, по одним поверьям, зависит от праведности или греховности человека: звезды грешных людей светят слабо, потому что им стыдно за их грехи. По другим сказаниям, яркость звезды зависит от социального статуса человека: звезды бо-

гатых людей крупнее и ярче, чем звезды бедняков. На западе Белоруссии, где были известны католические представления о чистилище, считалось, что падающая звезда означает душу, которая прошла чистилище, очистилась от грехов и теперь летит на небо.



Бог создает Луну, Солнце и звезды. Гравюра, XVI–XVII вв.

Млечный путь в белорусском фольклоре осмысливается как Божья дорога. Этот мотив соответствует южнославянским представлениям о Млечном пути как о «соломенной дороге» (у болгар, македонцев, сербов Млечный путь называется *кумова слама*, *попова слама*). Известно и поверье о Млечном пути как дороге душ на небо:

«Дорога до Бога. Души умерших идут по этой дороге» (с. Ровбицк Пружанского р-на Брестской обл., 1990 г.)^{*}.

^{*} Здесь и далее, если не обозначено иное, былички цитируются по изданию: Народная демонология Полесья: Публикации текстов в записях 80–90-х гг. XX века. Т. 1–4. Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. — М.: Рукописные памятники Древней Руси, 2012.

По Млечному пути осенью птицы летят в вырей (в поздних версиях — в теплые края), а весной возвращаются обратно. В пинском Полесье Млечный путь называют буськовой дорогой («аистойвой дорогой»).

Вырей или *ирей* (бел. *вырай*) — в восточнославянских представлениях мифическая страна за морями, куда осенью улетают перелетные птицы и уползают змеи, а также уходят души умерших. Очевидно, в прошлом это слово обозначало первоначальные, еще дохристианские представления о потустороннем мире — стране мертвых, общей для всех умерших, куда птицы и души умерших летят по Млечному пути, а змеи ползут по деревьям, но куда также можно попасть и через водное пространство, в частности через омут или водоворот. Это поверье подкрепляется белорусскими рассказами о том, что на зиму ласточки и другие мелкие птицы прячутся в колодцы, омуты и водовороты. Например, на юге Гродненской области сохранилось верование, согласно которому птицы осенью сбиваются в большой шар и опускаются в море. Это согласуется с этимологией слова *вырай* (*ирей*, *вирей*), которая возводит его к индоевропейскому корню **iur-* — «водоем, море». Предположение о том, что *вырей* представляет собой «тот свет», куда попадают все души мертвых, тесно связано с общеславянскими поверьями о птицах как воплощениях душ умерших, что ярко отражается в белорусских погребальных причитаниях. Например, в плаче по умершему отцу говорится: «Все пташечки в вырей полетели, и ты вслед за ними». В причитаниях также содержится мотив ожидания умерших родственников весной из вырея, например в плаче матери по умершей дочери: «Моя пташечка милая, ты же будешь с пташечками встречаться и лететь из вырею с ними». Интересно, что разделение «того» света на рай для праведников и ад для грешников появилось у славян только с приходом христианства.

«ТОТ СВЕТ», РАЙ И АД

В белорусском фольклоре рай — это большой и зеленый сад, который находится на небе за высоким стеклянным забором. Там не бывает ни зимы, ни плохой погоды, ни грозы и всегда светит солнце, которое не жжет, а только согревает. Кругом большое количество зелени и разнообразных цветов, а деревья вокруг такие высокие, что приходится задира́ть голову, чтобы увидеть их вершины. В раю живут разные звери и птицы — дикие и домашние, местные и заморские, — но хищные звери не причиняют им никакого вреда, медведи не разоряют пчелиные ульи, волки не убивают ни лошадей, ни овец. Поют райские птицы прекрасней и громче, чем земные. В раю вечно живут праведные души, облаченные в белые одежды, и между ними никогда не бывает ни ругани, ни ссор. Они почивают на подушках из лебединого пуха и ничем не занимаются, поскольку Бог заботится об их потребностях и не жалеет для них ни хлеба, ни другой еды — даже птичьего молока там хватает, о котором у нас говорится только в сказках. Везде, куда только можно глянуть, видны разные чудесные, дивные вещи, но чудеснее всего ангелы в солнечных и небесных одеждах и венках из райских цветов, — они водят хороводы и поют песни, а ночью переодеваются в одежды из лунного света и венки, перевитые серебряными нитями. Когда ангел приносит на небо душу, там звонят серебряные колокола и играют золотые трубы. Вечерами Бог, одетый в белые кружевные одежды, созывает все души к себе и рассказывает им райские сказки, прекраснее которых нет на свете⁹.

Ад (пекло) обычно описывают как огромный темный погреб в глубине земли. В центре его сидит прикованный к железному столбу Сатана (по другим вариантам — Антихрист, Люцифер), под руководством которого вокруг больших железных котлов

орудуют дьяволы. В котлах, под которыми пылают дрова, кипит смола, где варятся души самоубийц. Как только черт приносит душу умершего грешника или она сама приходит по Божьему приказу, одни черти хватают ее железными вилами и бросают в тот или иной котел в зависимости от ее грехов, а другие подкладывают под него дрова.



Грешники в аду. XVI в.

В пекле есть один самый большой котел, в котором смола горячее: в нем варятся самые страшные грешники — кровопийцы, богачи-миroeды и безбожники. Недалеко от погребца (собственно пекла) находится темная долина, где избывают наказание другие грешники, приговоренные к большему или меньшему сроку. Каждый из них получает наказание в зависимости от своего преступления: например, воры носят в зубах то, что они украли; тех, кто при жизни бил других, черти по утрам и вечерам секут розгами; пьяницы и ведьмы, которые отбирали молоко у чужих

коров, пьют смолу; те, кто грязно ругался при жизни, ходят с высунутым языком, за который их кусают оводы и комары, и не могут их отогнать, потому что руки у них связаны. Дорога в пекло широкая и удобная, и по обе ее стороны растут яблони и груши со спелыми плодами, но, как только грешная душа, идущая в пекло, пытается что-то сорвать, ветки тотчас поднимаются вверх в насмешку над грешником, чтобы он знал, что дорога эта ведет в ад, а не в рай. Для тех, кто уже отбыл свое наказание за грехи, сзади пекла есть узкая, кривая и петляющая через колдобины тропинка, ведущая на небо. Все души, где бы они ни находились, в пекле или в раю, в поминальные дни (на *деды*) отпускают на землю, чтобы заглянуть к себе домой и навестить родных¹⁰.

В белорусских легендах встречается и сюжет, хорошо известный по восточнославянским источникам: Сатана (Люцифер, Антихрист), которого Бог (или архангел Михаил по Божьему поручению) посадил на цепь. В течение года она истончается от человеческих грехов, но на Рождество и Пасху, в момент, когда в церкви провозглашают: «Христос родился!» или «Христос воскрес!», снова становится крепкой и нерушимой. Обычно в легендах Сатана сидит на цепи в пекле, но в одном из гомельских рассказов Бог строит специальный дом, чтобы заточить его там.

Бог начал строить дом. Приходит лукавый и спрашивает: «Что, Господи, делаешь?» «Вот, — говорит, — строю хату». Лукавый снова идет: «Хорошую хату сделал? А залезть можно, чтобы посмотреть?» А Бог ее и строил, чтобы змей самый старший там был. «Можно». — «Я посмотрю». Черт влез, а Бог тут: «Во имя Отца, и Сына, и Святого Духа — аминь!» Замкнул [черта] на двенадцать замков — раз! И лег черт и лежит. Уже он никогда не вылезет. И год сидит, всё эти замки грызет. И да все про все остается один замок. А как скажешь: «Христос воскрес!» — раз! Замкнутся на двенадцать замков. И так навечно ему (с. Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

СОЗДАНИЕ ЧЕЛОВЕКА И ЖИВОТНЫХ

В рассказах о создании человека черт также пытается соперничать с Богом, но в результате или портит все, что Господь создал совершенным (в частности, человека), или порождает опасных и вредных существ (например, волка). На каждое полезное творение Бога черт создает свое, противоположное: Бог — равнину, черт — горы; Бог — полезные злаки, черт — сорняки; Бог — пчел, черт — мух, ос и шершней; Бог — овец, черт — коз. Именно он сотворяет табак и вино.



Господь создает животных. Гравюра, XVI-XVII вв.

Бог сотворил человека из глины, а черт сотворил волка. И стали они между собой спорить. Бог говорит: «Мое лучше», а недобрый: «Мое лучше». Спорят, и Бог говорит: «Ты сам свою работу будешь прогонять, а моя работа будет всему свету радость. Вот только погляди на мою работу — с нее весь свет заведется, а вот отступи и глянь на свою». Недобрый отступил, а волк вскочил и побежал, и змеи за ним поползли.

Тогда черт отвернулся и крикнул: «Кыш!» А Бог засмеялся: «Разве я не говорил, что ты сам будешь на свою работу кричать?» Ну и весь век все волка криком отгоняют (Витебская губ.)¹¹.

В другом варианте легенды, когда черт выплевывал растущую у него во рту землю, та отравилась его слюной и попала на плодородную почву. Бог же, готовя земное пространство для наилучшей жизни человека, посеял жито, пшеницу, овес, посадил плодовые деревья, целебные травы, но часть семян попала на землю, отравленную чертовой слюной, и вместо полезных там выросли вредные и даже ядовитые растения: вместо ржи — сорная трава, вместо груш и яблонь — терновник, а вместо целебных трав — белена и другие вредные растения. Когда Бог создал полезных животных — лошадей, коров, овец, кошек, собак, — некоторые из них, не умея отличить добрых трав от вредных, наелись ядовитых растений и превратились в медведей, росомех, волков. Так происходило до тех пор, пока звери не научились отличать полезные растения от вредных¹².

Некоторые животные, по поверьям, происходят от людей, которых Бог лишил человеческого облика в наказание за серьезные проступки. Широко известное у восточных славян сказание, согласно которому медведь когда-то был человеком, встречается и в белорусской традиции.

Появление на земле вредных насекомых (комаров и блох) — тоже результат соперничества Бога и его противника. По легенде (существует аналогичная литовская), Бог и черт боролись друг с другом, напуская друг на друга комаров и блох¹³.

Представления о сотворении человека в основном повторяют библейский канонический сюжет о создании сначала Адама из праха земного, а затем Евы из его ребра.

Бог, создавая Адама, его «написал перстом» — эта деталь напоминает другие варианты сказаний, где Господь, прежде

чем приступить к очередному творению, сначала рисует его изображение на земле (такой мотив встречается на Русском Севере). Впрочем, черт и здесь ухитряется испортить Божье совершенство, в результате чего человек получает «склонность ко злу». Согласно минской легенде,

«слепил Бог из земли человека, и человек зашевелился, оживился, <...> пришел черт и также дохнул на него — и вселился в человека злой дух, и получил человек склонность ко злу»¹⁴.

В народной традиции считается, что Еву сотворил Бог из ребра Адама, но кое-где — к примеру, в окрестностях Слонима Гродненской губ. — бытовало представление, что Ева появилась из его хвоста, потому что изначально Бог сделал первого человека хвостатым¹⁵.

Первоначально Бог дал людям прочное роговое тело — то есть на ощупь оно напоминало ногти, — но после грехопадения человеческое тело ощутимо изменилось. Роговая оболочка слезла и осталась только на кончиках пальцев, и человек приобрел дополнительные части как напоминание о своем грехе — икры и массивные бедра, которые утяжелили тело и лишили его первоначальной легкости. У мужчин появилось адамово яблоко, или кадык, своеобразный знак греха. Считается, что он вырос из застрявшего в горле у Адама остатка яблока, которое дала ему Ева и которым он подавился.

В белорусских народных поверьях Бог часто лепит мужика из земли или глины — прочного, надежного материала, а для создания других сословий и народностей использует непрочный (творог, пшеничную муку или тесто), из-за чего с ними происходят разные злоключения. Например, по преданию, шляхтича Бог создает из пшеничной муки, из-за чего тот оказывается съеден собакой.



Создание Евы из ребра Адама. XVI в.

Бог сотворил свет: небо, землю, зверей, птиц и все, что есть на свете, кроме людей. Видит Бог, что все так хорошо, захотел сотворить и людей. Вот он взял пшеничной муки, и сотворил шляхтичей, и поставил на солнце сушиться, а сам пошел

на глиняную гору мужика творить. А тем временем откуда ни возмись прибежала собака и всех шляхтичей поела. Бог сделал из глины мужика, поставил и его на солнце, чтобы просох, а сам пошел посмотреть, не просохли ли уже шляхтичи. Приходит Он — ни одного шляхтича нет, только стоит собака. Бог понял, что шляхту поела собака. Как схватил Бог собаку да как стукнул ее о камень — и выскочил один шляхтич и стал называться Каминский, ударил об осину — Осинский, об ольху — Ольховский, о дуб — Дубовский, о березу — Березовский (белорусы Виленской губ.)¹⁶.

В минской версии этой же легенды Бог создает шляхтичей из творога, и их ожидаемо съедает собака. Тогда, рассердившись, Бог прогоняет собаку и предрекает, что в том месте, где она за что-то зацепится, из нее выскочит шляхтич. Так появляются на свете Березовские, Хомутовские, Каменские и подобные шляхтичи.



Польский шляхтич. XVII в.

Легенда о человеке, слепленном из творога и съеденном собакой, из которой он потом выскакивал, известна и у украинцев, однако в ней говорится об их соседях-литвинах (как раньше называли белорусов, живших на территории Великого княжества Литовского). Согласно этому преданию, когда Бог творил разные народы, святой Петр спросил Его, почему среди них нет литвинов. Тогда Господь велел апостолу сделать литвина из пшеничной муки, но того съела собака. Петр стал бить собаку и выбил из нее столько литвинов, что Бог испугался, что их некуда будет девать: «Куда ты их всех денешь?» Петр ответил: «Найдется им место и над Десною, и за Десною»¹⁷.

Когда на земле появились люди, Бог и черт попытались разделить их между собой — этот мотив вполне согласуется с концептом греха в народной версии христианской этики и с представлениями о разной посмертной участи праведников и грешников. Согласно ей, Бог позволяет черту завладеть душами тех грешников, которые покончили жизнь самоубийством, погибли в пьяной драке, лишали жизни грудных младенцев, курили табак, играли в карты, вели разгульный образ жизни. Черт же, стараясь выпросить себе как можно больше людей, просит у Бога тех, «кто умывается, но не утирается», но Господь решает, что таких может быть слишком много, поэтому отдает ему только тех, «какие утопятся, зарежуются или повесятся». Предвидя будущую порчу нравов и предстоящий конец света, Бог говорит черту: «Обожди немного, за тобой скоро-скоро пойдут все люди».

МНОЖЕСТВЕННОСТЬ ДЬЯВОЛОВ

По Библии, после изгнания из рая Адам с Евой произвели на свет достаточно многочисленное потомство, от которого и произошел человеческий род. В белорусской традиции сюжет о детях Адама и Евы имеет свою трактовку. Так, у Адама и Евы

родилось очень много детей, и, когда Бог попросил их показать, они предъявили Ему лишь половину, а вторую половину спрятали где придется: в лесу, в подполье, в банях, овинах и других местах. Причины такого поступка имеют разные трактовки: по одним поверьям, им стало стыдно перед Богом за свое слишком многочисленное потомство, по другим, дети были грязными, и они успели вымыть только часть из них, которых и показали Богу, а остальных спрятали. Как бы то ни было, именно те дети, которые предстали перед Богом и получили его благословение, стали прародителями современных людей. Другие же дети превратились в нечистую силу, а затем и духов различных пространств: спрятанные дома стали домовиками, в лесу — лесовиками, в поле — полевиками, в бане — банниками и так далее.



Изгнание Адама и Евы из рая. 1740

Нечистая сила вот откуда. У Адама и Евы было двенадцать пар детей. Так приходит к ним Бог: «Где ваши дети, покажите мне своих детей». Ну так они шесть пар показали Богу, а шесть пар под дуб спрятали. Бог их взял, благословил: «Растите», — говорит. Адам с Евой пошли к дубу: «Давай мы и этих так же благословим». Пришли к дубу, а там никого нет, их и сейчас не видно. Так вот: как мы от этих [благословленных Богом] шести пар произошли, так те [духи пространств] от тех шести произошли. И их столько же, сколько нас. Только их не видно, потому что их от Бога прятали. Ну вот же, на утрени на Пасху иди с крашеным яйцом в лес к бурелому да скажи три раза: «Христос воскрес, хозяин полевой, домовый, водяной, лесовой с хозяйшкой и с детками!» Так и выйдет христосоваться (Могилевская губ.).

Вторая популярная у всех славян версия происхождения нечистой силы связана с апокрифическими легендами книжного происхождения о грехопадении ангелов, низвергнутых Богом с неба за гордыню:

«Они были самыми главными ангелами у Бога. Возгордились, и Бог сбросил их на землю. В этом месте, где они упали, запеклась земля. И если человек простой ступит на это место, то его будет мучить нечистый — сумасшедшие поэтому есть» (с. Луково Малоритского р-на Брестской обл., 1977 г.).

В народной традиции этот сюжет в разных вариантах объясняет появление на свете различных локальных духов — домовых, леших, водяных и прочих.

В белорусской мифологии весьма популярно общеславянское представление о том, что ряды нечистой силы могут пополняться душами грешных людей. Прежде всего такая участь уготована самоубийцам, которые превращаются в демонов.

МИФОЛОГИЧЕСКОЕ ВРЕМЯ И ВЕЛИКАНЫ (ВОЛАТЫ)

Белорусские предания о начальных этапах существования земли и человечества содержат общеславянский сюжет о трех сменяющих друг друга эпохах и соответствующих им трех поколениях людей — великанах, обычных людях и карликах. Первым поколением считаются великаны (*волаты*, *асі́лкі* — производное от «сила») — первый и не очень удачный опыт Бога в сотворении людей: они были медлительны, ленивы и непослушны, поэтому в конце концов Господь истребил их за гордыню и вредительство. На великаньей ладони свободно размещалась упряжка волов, а от свиста такого существа валились самые большие деревья. Сохранившиеся на территории Белоруссии курганы считаются могилами великанов (особенно в Полоцком районе, где курганные захоронения называются *валатоўки*) — там нередко находят гигантские кости, а отдельно стоящие крупные камни или группы камней — их окаменевшими останками.

Современные люди, согласно белорусским легендам, — это второе поколение людей, сотворенных Богом, на смену которому должно прийти третье — карлики, которые будут столь малы, что, собравшись по семь или двенадцать, смогут свободно помолотить зерно в устье печи, как на гумне:

«Великие люди были. Мы им по колено. Еще придет время, что нам [люди] будут по колено — и в печи двенадцать человек будет молотить. А будут жить, как мы живем» (с. Спорово Березовского р-на Брестской обл., 1974 г.)¹⁸.

Первоначально земля была плоской, как кленовый лист. Великаны участвовали в сотворении земного рельефа: не зная, куда девать свою силу, они прокопали реки, воздвигли горы, пораскидали повсюду большие камни.

Великаны часто осознаются как предки белорусов или русских. По брестским преданиям, великаны — «из белорусов это, потому что на белорусской земле это было дело» или «это просто русские люди такие были, сами видели — кости, головы как чугузки большие». Обнаруженные в земле большие кости также могли связывать и с воинственными чужаками: шведами, татарами, а в редких случаях даже с румынами.

Великаны могли здороваться друг с другом за руку, находясь на разных берегах реки, и перебрасывать друг другу топоры и другие инструменты из одного городища в другое, сидя на разных холмах или курганах: «крикнет бывало один великан другому: “Топор давай!” Тот возьмет его и кинет. Такая у них была сила, поэтому и назывались осилками». Кроме того, по легендам, они могли бросаться друг в друга камнями и топорами во время битв — такой вариант этого мотива существовал в Могилевской области.

Исчезновение великанов связывается с их неподчинением Богу и прямым конфликтом с ним («они стали у небо шибать камнем»), а также нарушением запретов, особенно на работу по большим христианским праздникам. Гомельская легенда объясняет появление группы камней около села Бибикив Мозырского района следующим образом: Бог превратил семью великанов в камни за то, что на Пасху муж вместо того, чтобы соблюдать праздник, поехал пахать в поле, а жена понесла ему обед. Возвращаясь домой, она оглянулась, чтобы посмотреть на пахущего мужа, и окаменела, а вслед за ней превратились в камень и муж, и упряжка волов, на которых он пахал.



Великан. Ок. 1818

Мифологическое время отличается от обычного исторического, к которому принадлежат современные люди, еще одним обстоятельством: тогда «Спаситель еще не родился» и земля была некрещеной, неосвященной, незаклятой, поэтому на нее свободно проникала нечистая сила, такая как русалки, ведьмы и всевозможные гады:

«Как свет еще только начинался, говорили, земля была некрещеная, и всякие ходили. А потом, говорят, что покрестили, все унялось, и русалки унялись» (с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Считается, что в ту пору у людей не было никакой морали. В некоторых поверьях это нецивилизованное, доисторическое время смешивается с эпохой до установления советской власти: «Девки косматые, голые, страшные [ходили]. До Советской власти они были» (с. Головки Речицкого р-на Гомельской обл., 1991 г.).

ВРЕМЯ, КОГДА БОГ ХОДИЛ ПО ЗЕМЛЕ

В древней истории человечества отчетливо выделяется время, когда Бог, Богородица и Иисус Христос ходили по земле среди людей, — золотой век человечества, когда оно еще не знало греха. Из-за многочисленных прегрешений людей Бог, Богородица и другие сакральные лица покинули землю и удалились на небо, что отражено в предании из белорусского Полесья: «Сначала Бог ходил по земле, потому что тогда люди не грешили, а теперь Бог живет на небе посреди ангелов». Собственно, это и было временем обучения культуре и морали: «Давно, когда люди еще не были такими грешными, то Бог сам ходил по земле и научал их, как жить на свете, как продавать да доставать кусок хлеба».

Теперь же «при нас грешных уже Бог не ходит по широкому свету и ни с кем не разговаривает, как раньше бывало».

По легендам, в то благословенное время человек, увы, не мог и не хотел оценить по достоинству все то благо, которое даровал ему Бог. Из-за своего упрямства и своенравия не слушался Бога и постоянно нарушал установленные Им правила жизни и морали. В белорусской традиции хорошо сохранилась общеславянская легенда о хлебном колосе. В те времена, когда Бог еще ходил по земле, хлебный колос был очень большим: зерна на нем начинались от самой земли, а на одном стебле росло по нескольку колосков — поэтому хлеба было много, и люди жили сытно. В конце концов люди перестали это ценить, относились к хлебу без должного почтения: дети бросали его на пол, а недоеденные куски валялись на земле. Однажды Бог (по другим вариантам — Богородица) увидел, как женщина осквернила святой продукт: подтерла обмаравшегося ребенка блином или (в других версиях) куском хлеба — разгневался и лишил людей хлеба, и на земле наступил голод. Тогда кот и собака пошли к Господу и упросили его вернуть хоть немного, и Он отдал колосок назад, но уже не такой большой, как раньше, а с меньшим количеством зерен. Люди должны помнить, что едят кошачью и собачью долю хлеба, и всегда кормить этих животных.

В белорусской традиции существует свой вариант легенды о ящике Пандоры, которая, как мы помним, пренебрегая запретами античных богов, открыла запретный короб, выпустив на свет различные беды и несчастья. По восточнославянским представлениям, разные гады (лягушки, ящерицы, змеи, ужи — существа, имеющие хтоническую символику) и вредные насекомые появились на земле из-за того, что человек ослушался Бога. Когда Господь захотел избавить людей от этих тварей, он собрал всех змей, жаб, лягушек в большой мешок, завязал его покрепче и поручил одному человеку (в некоторых преданиях — Адаму) отнести его к морю и утопить, чтобы все эти

неприятные существа не докучали людям. При этом он запретил человеку заглядывать внутрь, но тот, будучи излишне любопытным, нарушил запрет и развязал веревку, и все змеи, ящерицы и прочие гады полезли обратно на землю. Увидев это, Господь превратил человека в аиста, приказав ему до конца жизни собирать их назад, — с тех пор аист ходит по болотам и полям, поедая лягушек, змей и жаб.

Был один человек. Да собрал Бог всех насекомых, ужей, змей, гадюк, жаб. Все чисто собрал, завязал в один мешок и сказал человеку: «Неси в некую яму, высыпь и по дороге не развязывай». А тот человек и не выдержал. Нес-нес, сел на пенек и думает: «Я уже посмотрю, что в этом мешке». Он не успел развязать, оно все повыскакивало. Бог разозлился, сделал человека аистом, чтобы собирал все это (с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).



Аист. XVIII-XIX вв.

В некоторых вариантах легенды Бог так рассердился на ослушника, что толкнул его в грязь, этим объясняется тот факт, что задние перья у аиста черные. В поверье из Гродненской области говорится, что, когда черт творил из дерева волка, он оставил после этого много стружек. Бог собрал их в мешок, завязал и приказал Адаму бросить его в реку, но не развязывать. Тот, конечно, нарушил запрет, открыв мешок, и из него полезли гады. В наказание Бог превратил Адама в аиста и сказал: «До тех пор будешь их собирать, пока не соберешь все до конца, а когда соберешь, снова станешь человеком». Поскольку аист когда-то был человеком, убивать эту птицу и вообще причинять ей и ее птенцам зло, разорять гнездо строго запрещено — ведь аист может отомстить за причиненную ему обиду: поджечь дом обидчика, принеся горящую головню.

ЧТО БУДЕТ В КОНЦЕ СВЕТА?

Белорусские легенды о конце света, как и похожие сказания других славян, в основном опираются на христианские тексты, содержащие описание «последних времен». Прежде всего, на Апокалипсис, рассказывающий о приходе в мир Антихриста. По западно-белорусским легендам, Антихрист родится в «конце времен» у женщины после семилетней беременности, а сразу после рождения начнет ходить, сделает себе воз с железной печью и будет ездить по свету, обращая людей в свою веру. Тех, кто не согласится, он будет бросать вилами в печь, а тем, кто согласится, даст свой знак¹⁹.

Один из наиболее известных эсхатологических мотивов — это набор признаков приближающегося конца света: солнечные и лунные затмения, войны, распри между родными людьми («когда пойдет сын на отца и брат на брата»), моровые болезни, летящие по небу птицы с железными клювами, опутывающая

мир железная паутина. Они означают, что Антихрист уже явился и завладел всеми людьми:

Когда солнечное затмение было, говорили старые люди, что оказия будет, что Бог пошлет войны, болезни на людей. И будут железные аисты летать с железными рогами и людей будут убивать (с. Новый Двор Пинского р-на Брестской обл., 1976 г.).



Страшный суд. XVI в.

В некоторых народных представлениях Господь дает семь чаш ангелам, чтобы те вылили их содержимое в разные земные пространства для умерщвления всего живого. Традиционно в таких рассказах жидкость из второй чаши, вылитой в море, окрашивает его воды кровью, однако в гомельском предании оно приобретает разные цвета.

По земле пойдут мерзость и запустение, земля, и вода, и облака будут гореть, а потом очень хорошая жизнь [настанет], и ангелам семь чаш дал Бог, чтобы в море вливали. Седьмую влили, то по морям пошли разные цвета [то есть вода станет разноцветной], все, наша жизнь [закончится], а теперь не знаем, чем оно кончится (с. Грабовка, Гомельского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

О скором наступлении конца света говорят и астрономические приметы: это или безлунье (отсутствие луны на небе), выпавшее на Пасху, или, напротив, появление в небе молодого, нарождающегося месяца:

«Как молодой месяц на Пасху, то конец света» (с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Принято считать, что в конце света людей ждет Страшный суд, на котором праведники будут отделены от грешников. Это соответствует евангельскому пророчеству, согласно которому «...изыдут ангелы и отделят злых от среды праведных»²⁰. Страшный суд начнется тогда, когда земля будет сожжена, а архангел Михаил затрубит в золотую трубу, и все умершие соберутся в «долину Езапата, и одни станут по правую руку, а другие по левую. По правую будут овцы, а по левую козлы, овцы пойдут в рай, а козлы в пекло. А паны тоже пойдут в пекло, потому что очень притесняли людей и жили в роскоши, а Бог ласковый все видит — и кривду, и правду» (Гродненская губ.)²¹.

Согласно легендам, все грешные и добрые поступки человека записаны в особую божественную книгу, и на Страшном суде каждый должен будет вслух прочесть по ней все, что он совершил при жизни.

ГЛАВА 2



МИФОЛОГИЧЕСКИЕ ПЕРСОНАЖИ, ПРОИСХОДЯЩИЕ ИЗ УМЕРШИХ ЛЮДЕЙ

Смерть человека может быть «правильной», «чистой», «хорошей» и «неправильной», «нечистой», «плохой». Это характерное для всей славянской мифологии представление. Умершие «чистой» смертью получают постоянное место в «ином» мире и переходят в разряд предков, отношения с которыми необходимы как для живых, так и для мертвых и строятся на основе установленных поминальных ритуалов. Умершие «нечистой» смертью (самоубийцы, грешники, люди, общавшиеся с нечистой силой, люди, не изжившие свой срок жизни, а также те, кто умер до вступления в брак, то есть не пройдя все положенные человеку жизненные циклы) становятся демоническими существами.

Впервые восточнославянских персонажей, происходящих из «нечистых» покойников, описал Д. К. Зеленин в своей знаменитой книге «Очерки русской мифологии» (этноним «русский» в XIX — начале XX века обозначал всех восточных славян). Зеленин назвал этот тип покойников «заложными» — по принятому некогда способу их захоронения: тело такого умершего не опускали в землю, а забрасывали ветками, листьями, мусором. В современной фольклористике этот термин почти вышел из употребления, но представления о подобных умерших остаются актуальными и по сей день. Считается, что такие покойники не обретают успокоения в загробной жизни, возвращаются в земное пространство и вредят людям.

Не все нечистые покойники обладают одинаковой демонической силой. Например, дети, умершие некрещеными,

осмысляются как жертвы обстоятельства, а не демоны. В одних местах их представляют кикиморами, то есть мелкими демонами-полтергейстами, в других бесприютными душами, но во всяком случае не такими вредоносными, как, например, русалки. По-разному относятся и ко встающему из могилы мертвецу. На юго-западе славянского мира (на Балканах, Карпатах) его представляют как вампира, тогда как в северо-восточных регионах (в том числе в Белоруссии) скорее как покойника (хотя и весьма опасного), нежели как демона. На белорусско-польском пограничье белорусский *унырь* (*унор*) испытал значительное влияние соответствующего польского персонажа. *Унор* отличается агрессивным и злобным нравом — он приходит с кладбища в село, чтобы задушить там молодоженов, разрывает на части собственных детей. В Сокольском уезде записан широко распространенный во многих европейских традициях сюжет об умершем возлюбленном, который лунной ночью приезжает за своей девушкой и везет ее к себе в могилу¹, — в русской литературе он известен по переводу баллады немецкого поэта Бюргера «Ленора», сделанному Василием Жуковским.

«Хождение» покойника носит бесконтрольный, некодифицированный характер, создающий хаос, нарушающий правила мироустройства и календарного цикла. Покойник находится на земле в непопущенное для него время, а поэтому его посещения вредны для живых людей. «Ходячий» покойник плох и опасен тем, что возвращается к себе домой.

В белорусской традиции необыкновенно развит и сохраняет многие архаические черты культ предков, которых называют *деда́ми*. Если хождение покойника — это отклонение от нормы, нежелательная патология, то отношения с душами предков, которые периодически возвращаются к себе домой на поминальную трапезу, — нормальное явление, к нему готовятся и накрывают стол.

В годовой календарный цикл вписаны периодические возвращения душ предков на землю и такие же обязательные возвращения назад в загробный мир. В календаре живых эти периоды отмечены годовыми поминальными днями, во время которых происходит кодифицированное общение умерших предков и их живых потомков: собранные за одним поминальным столом, они образуют единый род. При соблюдении ритуалов это общение безопасно для живых. В конце поминальных дат души предков покидают земной мир, чему способствуют специальные практики выпроваживания их из домашнего пространства.

Русалки — один из наиболее важных персонажей белорусской мифологии, также принадлежат к классу демонических существ, происходящих из покойников. Наиболее известны поверья о русалках в Полесье. Там к их числу чаще всего относят самоубийц и девушек, умерших до брака (или в период между сватовством и венчанием), а также на Троицу. Характерная особенность полесских быличек — периодичность возвращения русалок с «того» света на землю, где они находятся в течение Троицкой недели, после чего снова уходят в потусторонний мир. С одной стороны, русалка, безусловно, воспринимается как «нечистая» покойница, возвращающаяся из «иного» мира, а с другой стороны, о ней рассказывают как об умершей родственнице — дочери, внучке, соседской девушке, которая на Троицу приходит к себе домой и нуждается в одежде (особенно в чистой рубаше, которую она постоянно просит в русальных песнях). Так что в семьях с умершими до брака девушками на Троицкой неделе вывешивали во дворе одежду для русалок.

В западных районах Белоруссии, граничащих с Польшей, под западнославянским влиянием спорадически встречаются рассказы о блуждающих огоньках — эти существа происходят из душ умерших грешников, обреченных на покуту, то есть по смертные испытания за совершенные грехи.

ДУШИ ПРЕДКОВ

Все умершие одной семьи называются дедами (на литературном белорусском языке — *дзяды*; у поляков — *dziady*, у русских — *родители*) — это души с высоким ритуальным статусом, принадлежащие одному роду, получившие определенное место на «том» свете, но утратившие свои индивидуальные, личностные черты и поминаемые совокупно. К дедам относятся умершие в любом возрасте (даже дети), а не только в старческом.



Семья рыбака в Беларуси. Ок. 1880–1885

Белорусские мифологические представления о дедах — это часть общеславянского культа предков, родоначальников дома. Отношения между членами рода, их взаимная ответственность друг перед другом не кончаются со смертью отдельных представителей этой семьи. Предки благожелательны по отношению к своим живым родственникам, опекают и защищают семью, способствуют ее благополучию, а в годовые поминальные даты возвращаются

с «того» света в свои дома на ритуальный ужин. Живые обязаны поминать и почитать своих дедов, кормить их, устраивая им ритуальные трапезы, — такое взаимное уважение гарантирует поддержание нормального устройства миропорядка.

Большую часть времени души предков находятся в загробном мире и лишь в отдельные периоды возвращаются в земной мир. Поминальные ритуалы отмечаются несколько раз в году (от трех до шести). Они также называются *дедами*, таким образом, термин *деды* имеет два значения: 1) души предков; 2) годовые поминальные дни и связанный с ними комплекс обрядовых действий, в том числе сама поминальная трапеза*. Деды частично совпадали с годовыми поминальными днями, установленными Церковью (например, в мясопустную субботу перед Масленицей, а также в Троицкую субботу накануне Троицы), но могли справляться и в другие дни, закреплённые в местной традиции, например в субботу перед днем святого Михаила, перед началом Филипповского (то есть Рождественского) поста, в Крещенский сочельник, в понедельник перед Радуницей (на Фоминой, то есть второй неделе после Пасхи).

В Белоруссии принято было готовить специальную еду и оставлять ее на ночь на столе, чтобы пришедшие души смогли поесть. Поминальная трапеза — одна из наиболее важных обязанностей живых по отношению к умершим родственникам. В одних местах Деды справлялись в один день — в субботу, в других поминовение распределялось между пятницей (когда поминальным был постный ужин) и субботой, когда готовили скоромный и по возможности обильный обед. В этом случае поминальная пятница называлась Деды́, а суббота — Бабы́.

* Для облегчения восприятия мы будем писать термин *деды* в первом значении (души предков) со строчной буквы, а *Деды* во втором значении (поминальный ритуал) — с прописной буквы.

Ночевал сосед на гумне в овине и вышел он ночью за овин. Видит — идут семейками покойники, и у каждого в руке свечечка. Идут в том, в чем похоронили, — белое, саван. Как на Деды — так каждый умерший к своей семье идет (с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

В поминальной трапезе важно все: набор и количество блюд, особенности сервировки поминального стола, выделение для предков доли от каждого блюда в отдельную тарелку, особое поведение за столом, учитывающее присутствие рядом с живыми невидимых душ умерших. Нарушение правил живыми приводило к тому, что души предков начинали вести себя по отношению к живым как вредоносные, демонические существа, подобные «ходячим» покойникам. Из-за неподготовленного поминального ужина или даже неправильно накрытого стола деды могли выражать недовольство и мстить своим живым родственникам, вредить их здоровью, насылать болезни на скотину, ломать имущество, шуметь по ночам, разбрасывать вещи, сниться и требовать еды.



Деды на кладбище в День поминовения. 1904

Умер у меня свекор, а Деды мы со свекровью не отпраздновали. Полегли спать, и снится мне, что проводит свекор полную хату мертвых мужчин. Он подходит ко мне: «Где твой ужин?» — «У меня ребенок маленький!» Я еле между ними протиснулась и что было из еды ему отдала. Проснулась я — никого нет в хате. Пошла я к свекрови — и давай топить печь и варить ужин дедам (с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Дедов, приходящих в дом на поминальную трапезу, можно увидеть. Обычными местами наблюдения за дедами считались места «контакта» земного и потустороннего мира: печь и пространство за печной трубой, окно, замочная скважина, а также такие атрибуты, как хомут, дежа (деревянная кадка, в которой замешивают тесто), щепки от гроба, особая нитка, выпряденная из остатков пряжи. Наблюдатель весь день должен был провести сидя или лежа на печи, не есть и не разговаривать. Часто ему завязывали глаза *обыденным* полотенцем (вытканным за одни сутки), поскольку увидеть дедов обычным, физическим, зрением невозможно — физическая слепота наблюдающего наряду с отказом от пищи и молчанием символически приближали его к «иному» миру. При появлении дедов наблюдатель не должен был обнаруживать себя — кричать, смеяться, обращаться к ним, иначе они тут же исчезнут.

Приходящих в дом дедов, как и других представителей «иного» мира, могли также видеть особые люди: безгрешные (например, дети) или те, кто имеет статус посредников между «тем» и этим миром (нищие, сироты, младшие дети в семье, кладбищенские сторожа, солдаты), а также люди, «счастливые у Бога». Тот, кто видит души умерших, чтобы не лишиться этого дара, во-первых, не должен был подавать вида, что он их видит (смеяться, окликать), а во-вторых, не рассказывать об этом другим.



Дух. 1866

Основным событием Дедов была поминальная трапеза (обычно ужин). Судя по этнографическим материалам XIX — начала XX века, она представляла собой четко разработанный ритуал. Ведущая роль принадлежала хозяину, который в начале трапезы зажигал свечу, обходил с ней вокруг стола и произносил молитву. Хозяйка и другие женщины в семье отвечали за приготовление пищи и правильную сервировку стола.

Трапеза проходила в полном молчании. До ее окончания никто не имел права выходить из-за стола, а в конце ужина покидали стол в той последовательности, в какой за него садились. Глава

семьи выделял от каждого стоявшего на столе блюда в отдельную миску долю для дедов. Эта миска могла оставаться на столе в знак незримого присутствия душ умерших вместе с живыми родственниками, в других случаях она ставилась под стол или на подоконник. Обычно поминальный стол был один — общий для людей и дедов, что подчеркивало солидарность живых и мертвых членов рода. В Витебской области еще в начале XIX века для душ умерших выставляли отдельный стол возле порога, покрытый новой скатертью, — в начале ужина на него клали кусок хлеба и слегка поливали борщом, а потом туда откладывали первую часть от каждого блюда. Первую рюмку водки выставляли за окно за спиной хозяина.



Поминальная трапеза. 1904

После выделения доли для душ предков все собравшиеся за столом, начиная с хозяина, вкушали по одной или по три ложки от основного поминального блюда — *кóлива* (это церковнославянское название), которое у белорусов обычно называлось *кутьей*, *сытой* или *кануном* и готовилось из разваренных цельных зерен

пшеницы и меда (туда могли добавлять мак, позже мед мог заменяться сахаром, а зерна — измельченным хлебом, блинами или печеньем). Кроме колива на поминальном столе были обязательно горячие блюда (борщ, каша, клецки, блины, оладьи), от которых поднимается пар, особенно любимый дедами.

Вот уже как вынут из печи горшок каши да поставят на лавке и говорят: «Пусть пар немного выйдет — мертвые едят» (с. Замощье Лельчицкого р-на Гомельской обл.).

Часто считалось, что души мертвых неспособны есть обычную еду и питаются только паром, поднимающимся от горячей пищи, поэтому в некоторых местах Белоруссии сам поминальный обед назывался *гарачки* (горячее). Число блюд могло быть четным (двенадцать) или нечетным (три или девять), их подавали на стол в строгой последовательности с обязательным завершающим блюдом — клецками.

Одним из важнейших элементов ужина был поминальный хлеб — «дзядоў хлеб», которого выпекалось столько буханок, сколько умерших было в семье, а на следующий день эти буханки, а также остатки поминальной пищи раздавали у церкви нищим.

На ночь на столе оставляли недоеденные блюда и обязательно ложки для душ предков, которые нуждаются в столовых приборах, чтобы вкушать пищу. Количество ложек на поминальном столе, а также специфика их использования тоже отличались в разных местах Белоруссии. В Лельчицком районе Гомельской области полагали, что ложек должно быть строго по числу живых членов семьи, сидящих за столом; в западной части Гомельской области ложек должно было быть больше, чем едоков, а в некоторых селах Гомельщины (например, в Стодоличах) на стол выкладывалось столько лишних ложек, сколько было умерших членов семьи, при этом каждому умершему клали ложку,

которой он ел при жизни. Иногда было принято во время ужина, сделав несколько глотков, на некоторое время класть ложку на стол, чтобы деды, незримо стоящие в это время за спинами живых, могли воспользоваться ею и зачерпнуть себе еды.

В белорусской поминальной традиции повсеместно было принято перед началом трапезы приглашать дедов на ужин. Обычно глава семьи, открывая двери и вставая на порог, произносил ритуальные формулы типа: «Святые дзяды, зовем вас, / Святые дзяды, идзице до нас!» (витеб., мин., могилев.) или: «Бедные душачки, заходите до нас на вечеру [ужин]!» (брест.). Столь же обязательным было выпроваживание дедов после окончания трапезы: «Святые дзяды! Вы сюда прыляцели, / Пили и ели, / Ляцице-ж цяпер до сябе!» (витеб.).

Обряд выпроваживания душ умерших мог быть и более сложным. После ужина хозяин брал сосуд с водой и поминальный хлеб, выходил с ними к воротам, выливал воду в сторону кладбища и «отправлял» умерших, произнося: «Ідзіця з Богам да наступных [следующих] Дзядоў!» (мин.). В Лельчицком районе Гомельской области хозяин брал чугунок с остатками куты и, пятясь к двери задом, открывал ее со словами: «Дзяды, дзяды! Паелі куцці — ідзіце дадому!» После чего он бросал чугунок в сторону кладбища и быстро закрывал дверь. Выпроваживать души умерших назад в загробный мир необходимо потому, что регламентированный срок их пребывания на земле закончился, и они должны возвратиться назад на «тот» свет, в противном случае дальнейшие контакты живых и мертвых будут опасными для обеих сторон, поскольку приводят к нарушению нормального течения жизни.

Случайно оставшаяся в земном мире душа, не успевшая в нужный срок возвратиться в «иной» мир, начинала вести себя как «ходячий» покойник и вредить людям, дому и скотине. Чтобы не навредить предкам, незримо пребывающим среди живых, и обезопасить живых от возможной мести умерших, которые могут наслать засуху или неурожай, существовали запреты

на разные виды хозяйственных работ. Во время пребывания предков на земле нельзя было белить печь или дом, чтобы не замазать глаза умершим: «На Деда нельзя белить печь. Если на Деда мажут печку, то дедам очи замазывается». В поминальные дни нельзя выбрасывать мусор и выливать за пределы дома воду — можно засыпать мусором или залить грязной водой глаза предкам. Очень строгим был запрет на любые работы, связанные с ткачеством: нельзя было прясть, ткать, сновать, мотать нитки, чтобы не повредить дедам. Считалось, что этими действиями можно, с одной стороны, «замотать» дорогу дедам, идущим с «того» света в свой дом на поминальную трапезу, а с другой, можно «примотать» их у себя в доме, оставив их в земном пространстве и не дав возможности возвратиться на «тот» свет.

ДЕТИ, УМЕРШИЕ НЕКРЕЩЕННЫМИ

В разных ареалах славянского мира считается, что души детей, умерших до крещения (мертворожденные дети, выкидыши, а также дети, погубленные своими матерями), не знают успокоения на «том» свете. Их наделяют разной степенью демоничности, например, южнославянские *нави* вредят роженицам и новорожденным. К ним близки польские атмосферные демоны *latawce*, а также чешские и лужицкие блуждающие огни *svetylka*. По русским и восточно-белорусским поверьям, из душ некрещенных детей получаются кикиморы, а по белорусским и украинским верованиям — *русалки* и *мавки*.

В белорусском (а также в украинском) Полесье у душ некрещенных детей нет специального названия, и они воспринимаются все же не как демоны, а как существа, страдающие от своего «нечистого» статуса, который не позволяет им попасть в загробный мир и обрести покой. Они, как и все души, невидимы и проявляют себя только жалобными криками и плачем.

Поздно женщина шла через кладбище и слышит — на люлечке, на веревочке, как на качелях, качаются и приговаривают: «Люлечка, люлечка, качай нас хорошо. А мы деточки некрещенные, потому нас не принимают крещенные. А мы колышемся в люлечке (с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

Наиболее важный показатель «нечистого», пограничного статуса таких детей — архаичные формы их погребения: перекрестки, места под порогом дома, под деревом, на границе кладбища, которое в сельской местности обычно представляло собой или ров, или насыпь, окружавшие кладбищенскую территорию. Эти места символической границы между «тем» и этим светом.

Мифологический образ некрещенных детей формируется вокруг одного центрального мотива: «Некрещенный ребенок просит креста. Услышавший его человек должен его окрестить». Символическое крещение состоит из двух актов: наречения имени (часто называли именами первых людей — Адамом, если мальчик, и Евой, если девочка) и бросания в сторону, где раздается его крик, любого куска материи — можно бросить тряпку, платок, полотенце, оторвать полоску ткани от собственной юбки или рукав своей рубашки. Бросание куска ткани связано с существующим в католической среде обычаем со стороны крестных родителей дарить своему крестнику в день крещения так называемую *крыжму* (пол.



Крестьянка с ребенком на руках.
Ок. 1912

krzyżmo — дословно «крестное») — белое полотно, в которое заворачивают ребенка после крещения. Бросивший кусок ткани в сторону, где раздается крик некрещеного ребенка, воспринимается как крестный родитель, совершивший акт крещения.

Вышла я на улицу, а там сирень у соседа, и под той сиренью так кричит дитя, зовет: «Мама!» — и, как позовет, кажется, что аж... страшно. Лес рядом, ели у нас, луна светит ярко-ярко, и что-то громко-громко зовет: «Мама!» Я уже вышла на центральную улицу, на углу встала, я вышла и говорю: «Как хлопчик, то Адам, а как девочка, то Ева!» — и все. Я слышала про этот обычай от старых людей, что, если дитя плачет, значит, оно некрещеное, ему не дано имя (с. Стодоличы Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Детей, умерших некрещеными, как и вообще некрещеных людей, нельзя поминать в церкви, поэтому существуют неформальные способы их домашнего поминовения: матери в поминальные дни раздают еду другим детям или приносят ее в церковь, а также жертвуют туда детскую одежду. Женщины, у которых умирали во младенчестве дети, должны соблюдать особые правила поведения, чтобы не навредить им на «том» свете, в частности, не должны есть плоды нового урожая до определенной календарной даты (чаще всего нельзя есть яблоки до Яблочного Спаса, то есть до Преображения Господня), иначе Бог на «том» свете не даст ее детям этих плодов.

КИКИМОРА

Кикиморы происходят из умерших некрещеными детей, погубленных или проклятых своими матерями. Первый компонент в названии *кик*- связывается с бато-славянским корнем *кик*/

кык/кук и означает горбатость, скрюченность, а второй компонент *мора* является общеславянским корнем со значением смерти.

В отличие от русской традиции, в которой кикимору чаще всего представляют в виде уродливой, сухой и скрюченной старушки, в белорусских верованиях она выглядит как маленькая девочка, обитающая на печи, в подпечье или в подполье, — по этому признаку ее можно считать разновидностью домашних духов.



Мужчина с котом у печи. Ок. 1915

Кикиморы появляются в домах, где произошло детоубийство или было похоронено тело ребенка. Незримо присутствуя в хате, кикимора следит за играми живых детей и жалобно вздыхает, если видит, как мать ласкает своего ребенка. Присутствие кикиморы в жилище человека расценивается как знак того, что в доме неблагополучно, «нечисто», что был совершен какой-то тяжкий грех. Это беспокойное существо ведет себя как полтергейст, пугает стуком, шумом, писком, визгом, творит мелкие пакости, вредит хозяйству, бьет посуду.

Главный признак кикиморы — ее связь с прядением и шитьем (и это полностью соответствует основной функции ее русской «коллеги»). Она набрасывается на оставленные хозяйкой без благословения пряжу или пытается шить, но швы получаются неровными, а спряденные нитки плохо выпрядены и замусолены.

Полагали, что, если поймать кикимору и крестообразно выстричь у нее волосы на темени, она сможет навсегда стать человеком, но на всю жизнь сохранит какие-нибудь недостатки, свидетельствующие о ее потустороннем происхождении, — криvizну, заикание и слабый ум.

«ХОДЯЧИЙ» ПОКОЙНИК

Белорусский «ходячий» покойник происходит из «нечистых» покойников, которые по разным причинам не получили успокоения на «том» свете, возвращаются в свои дома и продолжают свое существование как бы на пограничье между земным и потусторонним мирами. По своему посмертному статусу, причинам смерти, способам погребения и поминовения, взаимоотношениям с живыми людьми эта категория существ не относится предкам, дедам, то есть «правильным», «чистым» покойникам.

На юго-западе славянского мира (у южных и западных славян, на украинских Карпатах) эти персонажи в максимальной степени обладают чертами злобных и смертельно опасных для людей демонов. Вампиры и упыри агрессивны по отношению к человеку — они нападают и разными способами убивают его, высасывают кровь, душат во сне, своим дыханием или взглядом «подрезают» жизнь. На северо-востоке (белорусская и русская традиции) ходячие покойники ведут себя не агрессивно. Однако для живых, прежде всего для родственников, контакт с таким существом опасен: человек слабеет, сохнет, чахнет и, наконец, умирает.



Сельские похороны. 1878

«Ходячих» покойников часто называют *мертвяк, помер-
лый, нябошчык*, а также *нядобрик, не свой дух, пужака, злая
душа*. Очень часто используют глаголы *ходит, лякает* (пу-
гает), подчеркивающие идею блуждания покойников, непри-
каянности, способности перемещаться с «того» света на этот.
Главная черта такого персонажа — его неуспокоенность, по-
стоянное возвращение к живым. В одних случаях он являет-
ся своим родственникам в сновидениях, в других — прихо-
дит наяву.

Народные представления о «нечистых» покойниках значи-
тельно отличаются от церковной точки зрения. Церковь счита-
ет отпавшими от Бога и не удостоивает христианского погребе-
ния лишь самоубийц, то есть тех, кто по своей воле лишил себя
жизни, дарованной Богом. С народной точки зрения катего-
рия «нечистых» покойников гораздо шире — в нее попадают
те, кто при жизни контактировал с нечистой силой (колдуны
и ведьмы), а главное — люди, *не изжившие своего века*, умершие
неестественной, насильственной и преждевременной смертью,
то есть раньше срока, который им был отмерен свыше. Наибо-
лее опасными и зловредными для людей считаются умершие
ведьмы и колдуны — именно эта категория покойников, как

правило, имеет собственное наименование *вупыр*, *вупор* (упырь), *вядзьмак* (ведьмак), в отличие от других, о которых просто говорят, что они «ходят».

Рассказы о ведьмаках и упырях распространены в западных областях Белоруссии, на белорусско-польском пограничье, где сильно влияние польских мифологических представлений о вампирах (пол. *upiór*). В этих местах белорусский персонаж *вупор*, *вупыр* приобретает ряд вампирических черт, свойственных западнославянским существам этого рода. Ему приписывается прямая агрессия по отношению к людям, которых чаще всего он душит. Их тела не гниют в земле, а лица имеют красный цвет, в гробу такие покойники лежат лицом вниз с открытыми глазами. *Вупыр* выходит из могилы по ночам и может бродить по земле до первых петухов, нападая на людей и скотину. В Брестской области такого опасного покойника также часто называют *домовиком* (почему, вы можете прочитать в разделе «домовик»). Дома такой покойник-домовик ведет себя как полтергейст: стучит, шумит, бродит по чердаку, пугает людей, разбрасывает и ломает вещи.

Он, домовик, знаки дает, его не углядишь. Или ведром стукнет, или дверной щеколдой, или ложкой брякнет. Или на лавку принесет горшок и переставит. Говорили, что как один дед умер, то он колдун был, великий знахарь. Как умер, то уже ходил, был в хате. Вот уже как загребут вечером жар в угол печи, то тот дед возьмет и назад выгребет. Как поставят в печь чугунок с картошкой, то он этот чугунок назад вынет из печи (с. Хоромск Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

В Гомельской области была записана похожая на сказку быличка, близкая к сюжету гоголевского «Вия», о ведьме, встававшей по ночам из гроба и пытавшейся достать парня, который три

ночи читал над ней Псалтырь. Как и в большинстве народных рассказов с этим сюжетом, ситуация заканчивается благополучно для парня, потому что он правильно использует обереги.

К числу «нечистых» покойников относились опойцы (умершие от водки), убитые и погибшие от несчастного случая, а также те, чья связь с миром по какой-либо причине не прекратилась после их смерти, которых возвращало на землю какое-либо важное дело: например, умершая в родах мать возвращалась домой кормить своего новорожденного ребенка. Несмотря на то что мать поступала так из любви к ребенку, она опасна для него, поскольку контакт с покойниками всегда вреден для живых. В результате ее посещения ребенок начинал сохнуть, болеть и, если вовремя не вмешаться, умирал — в таких случаях говорили, что мать забрала его с собой.

Родилось дите, а мать умерла. Хлопчика окрестили Василием. Свекруха видит, что к нему кто-то ходит. Стоит та, умершая, над ним и кормит. На другой день свекровь смотрит: идет умершая мать и через окно наклоняется к люльке и грудь дает. На следующий день свекровь слышит голос невестки: «Мама, цыц, не плачь, я его через три дня заберу». И через три дня мальчик умер (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Мать приходила невидимой для всех членов семьи — о ее появлении свидетельствовали лишь звуки (шум открываемой двери, скрип колыбели, чмокание сосущего грудь ребенка), и прекратить ее появление можно, если сделать ее видимой. Для



Умершая крестьянка. 1869

этого зажженную свечу закрывали новым горшком, предварительно проделав в нем отверстие для воздуха, и при появлении умершей матери быстро открывали его. Будучи обнаруженной, она больше не сможет приходить к ребенку.

Родственные связи между покойником и живыми родственниками, их слишком большая привязанность друг к другу также могли быть причиной возвращения с «того» света, грозящего живым болезнями и гибелью. Это бывает в тех случаях, когда родственники чрезмерно тоскуют и плачут по умершему (чаще всего мать по сыну или жена по мужу) и этим не дают ему покоя, «вызывают» его с «того» света (отсюда повсеместный запрет слишком сильно плакать по покойному после похорон, чтобы не «приплакать» его). Один из наиболее распространенных сюжетов о «ходячем» покойнике — умерший муж (возлюбленный), который приходит к своей жене, вступает с ней в сексуальные отношения, в результате чего женщина болеет, чахнет и умирает, если окружающие вовремя не поймут причины ее болезни и не примут меры, чтобы отвести опасного гостя. Во многих случаях именно сторонний наблюдатель (мать, свекровь, соседка) понимает, что с женщиной происходит что-то неладное, поскольку она самостоятельно не способна осознать, что посещающий ее «муж» смертельно опасен для нее, тем более часто под видом умершего мужа или жениха к женщине на самом деле ходит черт.

Спасти женщину от неизбежной гибели и прекратить посещения покойника (или принявшего его облик черта) можно было с помощью святой воды и других освященных предметов, а также трав, способных отгонять нечистую силу: освященный мак, то́я (аконит) и ру́та, которые вшивали в одежду или вплетали в волосы. Более сложные действия основаны на том, чтобы удивить пришельца из потустороннего мира каким-то нонсенсом, чем-то невозможным, что выходит

за пределы нормы. Для этого перед явившемся «мужем» разыгрывали целое представление: женщина сама одевалась в свадебную одежду и так же одевала своих сына и дочь. На вопрос «ходячего» покойника: «Что происходит?» — отвечала, что идет на свадьбу, на которой брат женится на сестре (в другом варианте говорят, что кум женится на куме — это тоже невозможно, ибо плотские отношения между крестными родителями запрещены). Покойник удивленно спрашивал: «Разве можно крещеному жениться на сестре?» На что жена ему обоснованно отвечала: «А разве можно мертвому к живой ходить?» После этого посещения покойника навсегда прекращались.

Добровольный уход из жизни и посмертное существование самоубийц в наибольшей степени связывали с нечистой силой и адом. С церковной точки зрения самоубийца восстает против Божьей воли, поэтому такие люди лишены и христианского погребения, и литургического поминовения в церкви согласно 16-му правилу Тимофея Александрийского. Осознание греховности самоубийства отчетливо сохраняется и в народных белорусских представлениях о смерти, в которых соединились дохристианские и христианские взгляды на самовольное лишение себя жизни. В белорусской картине мира бытует общее представление о том, что душа самоубийцы поступает во власть нечистой силы. О самоубийце говорят, что он «пошоў у дьяволы», «к дьяволу в пекло идет». Причина, по которой человек решается на самоубийство, — подстрекательство нечистой силы. Человек, решивший покончить с собой, слышит голоса демонов, услужливо предлагающих ему веревку или заманивающих человека в воду. Акт самоубийства сопровождается непогодой, вихрем, ветром, бурей, в которых черти несут душу самоубийцы. Этот общеславянский мотив весьма характерен и для белорусской мифологии.

В некоторых селах белорусского Полесья известны былички о свадьбе самоубийцы с чертями, свидетелем которой является случайный прохожий, узнающий в невесте недавно повесившуюся соседку или родственницу.



Висельник и черт. XIX в.

Как и другие «нечистые» покойники, самоубийца после смерти «ходит», возвращается домой, показывается людям, пугает их во сне или наяву. К разным категориям самоубийц могли относиться по-разному: резко негативно по отношению к висельнику и более мягко по отношению к утопленнику, поскольку при утоплении гораздо труднее определить, является ли данная смерть самоубийством или несчастным случаем. В белорусском Полесье (особенно в его западной части) считали, что из утонувших и утопившихся людей происходят водяные демоны *топельники* (подробнее мы поговорим об этом в главе о водяных духах).

Самоубийство связывали с погодными аномалиями: самоубийство осмысляется как акт, вызывающий сильный ветер, вихрь, бурю, ливни или, напротив, засуху. В вихре или

ветре черт уносит душу самоубийцы. Такие же явления вызывает и неправильное погребение тех, кто покончил с собой. Самоубийц, как и вообще всех «нечистых» покойников, нельзя было хоронить на кладбище, и в этом убеждении народное мнение было даже еще более строгим, чем церковные правила. Похороненный на освященной кладбищенской земле покойник мог вызвать серьезные стихийные бедствия для всех сельских полей — градобитие, ливни, заморозки, способные погубить весь урожай, а значит, привести к голоду в этой местности. В Белоруссии (особенно в полесском ареале) вплоть до второй половины XX века сохранялись представления о засухе как о последствии неправильного погребения самоубийцы, поэтому наиболее распространенным способом борьбы с засухой было обливание водой могилы такого покойника или закапывание туда бутылки с водой. Обычно это делали «чистые» в половом отношении женщины, например вдовы с безупречным образом жизни.

Самоубийц хоронили так, чтобы обезопасить живых от бедствий: закапывали на символическом пограничье — границе кладбища, села, леса, на обочинах дорог и перекрестках. На западе Брестской области самоубийц хоронили под выворотнем — деревом, вывернутым вихрем или бурей и имеющим статус «нечистого» дерева, поскольку его вывернули черти, находившиеся в вихре или в буре. В Гродненской губернии гроб с телом самоубийцы закапывали в болотистой местности или в лесу. Часто висельника закапывали в том месте, где он повесился, его не обмывали и не одевали в смертную одежду, а гроб делали из самых плохих досок. В охранительных целях бросали на могилы самоубийц различные предметы — ветки, палки, старые вещи, чтобы они не вставали из гроба и не пугали людей.

Как утопится, повесится — это не человек ходит, а черт ходит в нем. Их на кладбище никогда не хоронили, где утопился,

там и закопают, где повесился. Лежит в могиле утопленник, и, кто идет, палочку кидает на него, а если не кинешь палочку, как едешь возом, то [что-то] повынимает завязки в возу, и воз порассыплется. А то сядет на воз. А кто сядет? Как баран такой тяжелый, что волю не везут. А потом сам сползет и убежит — никто не видит его, но он лежит как копна (с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Целый комплекс профилактических и охранительных мер был призван не допустить или прекратить «хождение» покойника. Набор предметов-оберегов, которые клали в могилу умершим ведьме или колдуну, универсален и известен в большинстве славянских традиций. Чаще всего в могилу или в гроб насыпали освященный самосейный мак или семена льна — пока умерший не пересчитает все зерна, он не сможет выйти из могилы, а там уже рассветет и запоят петухи.



Можжевельник. Коллотип, конец XIX в.

Ведьмам и колдунам также клали куски железа и вообще острые железные предметы (иглы, нож, серп, топор, гвоздь, обломок косы и пр.), чтобы они порезались, если захотят выбраться наружу, а также закрытый замок, чтобы замкнуть им путь. В качестве оберега использовали колючие или сильно пахнущие растения (боярышник, шиповник, можжевельник, чеснок и др.). В могилу «ходячего» покойника втыкали осиновый кол или вбивали осиновые колышки по углам того дома, куда он возвращается.

Чтобы предотвратить возвращение умершего с «того» света, чрезвычайно важен правильный погребальный обряд и соответствующее поведение всех его участников. Особенно важными считались действия родственников после выноса тела и в первую ночь после похорон, целью которых было очищение домашнего пространства от влияния смерти с помощью предметов и действий, символизирующих жизнь и плодородие: после выноса покойника сразу выметали и мыли дом, обсыпали его зерном, садились на лавку, на которой лежал покойный. Чтобы умерший колдун не выходил из могилы, по дороге на кладбище его перевозили через костер, разведенный из снопа соломы сразу за воротами.

Предотвратить или прекратить «хождение» умершего может церковное отпевание или панихида. Особенно действенным средством, способным помочь душе умершего найти окончательное успокоение на «том» свете, считался ритуал, совершаемый священником в конце отпевания или при литии (краткий вариант панихиды) на кладбище, — его в народе называли *(за)печатать покойника*. Под этим термином имеется в виду момент церковного погребального обряда, во время которого священник сыплет покойнику на грудь освященную землю со словами: «Господня земля и исполнение ея, вселенная, все живущие на ней», после чего гроб закрывают и опускают в могилу. Это действие с богословской точки зрения носит

исключительно нравоучительный характер, напоминающий живым о нашей смертности и никакого отношения к загробному существованию умершего не имеющий.

В народной версии словами *печатать покойника* называли довольно разнообразный круг действий, основной смысл которого заключался в том, чтобы окончательно выпроводить умершего из земного мира и закрыть («запечатать») ему дорогу назад. В одних случаях под «печатаньем» подразумевались крестообразные насечки, которые священник делал по углам закопанной могилы, в других случаях этим термином называли момент отпевания, когда священник клал на лоб покойнику «венчик» и вкладывал ему в руку разрешительную молитву. Иногда «печатанье» связывали не с отпеванием, а с поминовением на сороковой день после смерти.

РУСАЛКА

В белорусской мифологии русалка — один из наиболее известных и важных персонажей. В художественной литературе (в стихах Пушкина, Жуковского, Лермонтова) романтический образ русалки смешивался с античными и западноевропейскими образами водяных дев различного происхождения (наядами, сиренами), обычно изображавшимися в виде красивых женщин с рыбьими хвостами.

Книжный стереотип потустороннего существа как роковой красавицы, внешне притягательной и в то же время смертельно опасной, существа, которое заманивает мужчин в любовные сети, чтобы погубить их, или мстит неверному возлюбленному, настолько укоренился сначала в литературе, а затем и в массовой городской культуре, что почти полностью заслонил собой подлинные народные представления об этом персонаже. Только к началу XX века в немалой степени благодаря

исследованиям Д. К. Зеленина, который проанализировал обширный восточнославянский материал, стало очевидно, что аутентичный мифологический персонаж народных верований принципиально отличается от книжного стереотипа.



Юноша и русалка

В разных местах России (на Русском Севере, Урале, в Поволжье, Западной Сибири) русалки (*водяники* или *шутовки*) — это, как правило, одиночные женские существа, лохматые, голые, с отвисшей грудью, которых видят на берегу или на камне около воды. Они гребнем расчесывают волосы и преследуют

человека, укравшего их гребень, могут мыться по ночам в бане, заманивают прохожих в воду. Это души утопленниц или проклятых своими матерями детей (и поэтому попавших под власть нечистой силы), а их пребывание на земле почти не связано с сезонностью.

В Белоруссии русалки (другие названия: *купалки*, *казытки*, *смолянки*) появляются гурьбой (группами качаются на деревьях, танцуют или водят в поле хороводы, нападают на человека). Чаще всего их описывают как красивых молодых девушек, обнаженных или в белых одеждах, но иногда и как страшную бабу с огромной грудью, которая сидит в жите и может защекотать или затолочь своей «железной цицкой» всякого, кто там появится.



Русалка. Конец XIX в.

Наиболее часто о русалках рассказывают как о девушках-покойницах, которые ходят в той одежде, в которой их похоронили (умерших незамужними девушек принято было хоронить

в свадебной одежде со свадебным венком на голове). К русалке могут относиться как к своей умершей родственнице: например, если одна из дочерей утонула или умерла на Троицкой (Русальной) неделе, она уже становится русалкой. Как правило, русалками считаются только умершие девушки, но в некоторых селах к ним относят и неженатых парней, умерших на Троицкой неделе.

Независимо от различий во внешнем виде, телесный облик белорусских русалок полностью соответствует человеческому. Представления о мифологических персонажах в виде полулюдей-полурыб есть в белорусском (и, шире, восточнославянском) фольклоре, но по своей этиологии они с русалками никак не связаны. Чаще всего таких существ называют *фараонками*, а их происхождение связывают с библейским сюжетом о фараоновом войске, которое потонуло в Красном море. Апокрифический вариант этого библейского сюжета относительно рано проник в восточнославянский фольклор и стал основой для представлений о фараонках, которые должны плавать в наполовину рыбьем виде до конца света, когда они снова примут свой первоначальный облик. Именно поэтому фараонки часто останавливают корабли и спрашивают моряков, скоро ли конец света. Получив ответ, что еще не скоро, они могут разозлиться и потопить корабль. В таких случаях рекомендуется отвечать, что конец света скоро, чтобы успокоить фараонку. Эти чисто книжные в своей основе представления о фараонках не имеют



Фараонка. 1817

никакого отношения к восточнославянским русалкам, которые по своей сути просто покойники, периодически возвращающиеся на землю.



Девушка белит хату перед Пасхой. Открытка, 1909

Русалки появляются на земле в строго определенное время, чаще всего на Троицкой (или, как ее называют, *Русальной*, *Грязной* неделе, или *Русальнице*), а иногда Купальской неделе. В Минской области считали, что русалки появляются на Семик,

седьмой четверг после Пасхи (то есть четверг перед Троицкой неделей). Реже их пребывание на земле соотносят со временем Петровского поста.

Нахождение русалок в земном мире совпадает с периодом цветения и колошения злаков («когда жито красуется», то есть цветет) и в целом периодом цветения растительности. В белорусской традиции связь русалок с хлебным полем, цветением растений, вообще с пиком вегетации (именно поэтому их часто видят качающимися на ветвях деревьев) гораздо сильнее и последовательнее, чем их связь с водой. Русалки выходят на землю и здесь *пересушиваются/сушатся*.

Считалось, что они имеют право находиться среди живых людей летом, вплоть до жатвы, после чего они исчезают и возвращаются «на свое место»: в потусторонний мир, на кладбище, в могилу. О появлении русалок еще говорят, что они *красуются* на Троицкой или Купальской неделе:

«Как утонет девка, то уже русалка. Выйдет по житу *красоваться* перед Купалой» (с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

Кроме своего прямого значения «выставлять свою красоту напоказ», глагол *красоваться* в белорусских говорах имеет дополнительное значение «цвести» — именно этим выражением часто обозначают цветение злаков (*жито квітне, цветет, красуе, красуеца*). О русалках говорят, что они *красуются*, когда *красуется* жито. Время, когда *красуются* жито и русалки, бывает связано с еще одним мифологизированным природным явлением — *игрой солнца*. Белорусы, как и все восточные славяне, считают, что на большие праздники (обычно на Пасху, Троицу, Ивана Купалу) солнце светит по-особому: переливается разными цветами, то есть *играет*. Появление русалок на земле происходит именно в период, когда природа

находится в пике своих сил, когда жито цветет-красуется, когда *играет* солнце.

Русалки появлялись, когда жито большое. Так есть праздник Рóзыгры [понедельник после Троицкой недели] после Троицы, на эти Розыгры может и солнце играть — делаются такие красные, зеленые, синие лучи. <...> А русалки только на Розыгры ходят. Их красота на Розыгры переходит тож на солнце, потому и солнце так светит. Они перекасаются, их красота переходит, этих девочек. А потом они замирают, и так, как обыкновенные мертвые, лежат. Им Бог позволяет на один денечек пойти по-красоваться (с. Ласицк Пинского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Белорусские русалки генетически были связаны с душами умерших людей, как правило, с «нечистыми» покойниками. Русалками становились после своей смерти некрещенные дети, незамужние девушки или же невесты, умершие в период между обручением и браком, то есть раньше срока, или не выполнившие своего основного предназначения — не вышедшие замуж и не оставившие потомства. Девушек, умерших до свадьбы, как правило, хоронили в свадебной одежде и свадебном венке, а сами похороны считали их посмертной свадьбой.

Русалкой также становился любой человек, умерший на Русальной (то есть Троицкой) неделе. В русалок превращались утопавшие или утопившиеся женщины.

Русалка — это утопленница. Такие красивые девушки. Девушки если топят, то потом выходят эти девушки на берег, и гуляют они, и парней привлекают в воду. До тех пор будет парень ходить, что утопится — она его заберет с собой. Тоже звали русалками этих девушек. Молодые девушки, такие, как под венец, волосы такие распущенные. И кричат по-дикому, могут напугать (с. Дубровка Добрушского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

Чаще всего русалок описывают как обыкновенных девушек или женщин (реже — детей), которые одеты в обычную женскую крестьянскую одежду, или как девушек-невест с распущенными волосами, в венке с лентами, праздничной вышитой рубахе. Однако в их облике часто проскальзывают «покойнические» черты — худоба, бледность, холодные руки, невидимое или закрытое волосами лицо, вид движущейся тени, наброшенное сверху белое покрывало. Они показываются в той одежде, в которой их похоронили. Наряду с этим в разных местах Белоруссии существуют представления о «безобразной» русалке — страшной бабе, заросшей волосами, с огромной отвислой (или железной) грудью, перекинутой за спину, иногда — со звериными чертами. Эти русалки обычно сидят в жите с толкачом (пестом от ступы), пральником (стиральная скалка, которой раньше стирали белье), батогом или бичом — ими они бьют непослушных детей, которые ходят в жито на Троицкой неделе, несмотря на запреты взрослых.



Над утопленницей. 1890-1900

В земном мире в течение Троицкой недели белорусские русалки ведут себя вполне узнаваемым образом. Чаще всего их замечают в поле среди цветущих злаков, где они поют песни, танцуют, прыгают, водят хороводы, кричат, смеются, плетут венки. Если в поле появлялись участки с полегшими колосьями, говорили, что «здесь русалки потанцевали».



Дуб в Беловежской пуще. 1922

Еще одно из характерных действий русалок — качание, колыхание на ветвях деревьев: дуба, березы со свисающими ветвями, реже — груши. Говорят, что русалки *колыхаюцца*, *гутаюцца*, *шугаюцца*. Качаться русалки могут и на качелях, на рушнике, на злаковых колосьях — вообще среди растительности. При этом они ведут себя достаточно шумно: поют, кричат, хохочут, *гикают*: «И-и-и!», «Шу-ги, шу-ги!», «Гу-та-та!»

В быличках русалки обычно преследуют человека, пугают его.

У русалки длинные косы, да пугает... Влезла на дуб, лезет русалка та, говорят, очень высоко на дерево, да пугала людей. Раньше моя мама видела эту русалку — и она очень похожа была на нашу Таню, на мою сестру умершую. Такая, в платочке, у нас был платочек белый, вышитый. «И она, — говорит мама, — на дубе, под дубом, на ветке так танцует и оглядывается». А мать шла километров восемь до своей деревни. Она чуть не крикнула русалке: «Таня!» Оглядывается — точно она! А потом мать оглянулась — вроде бы за ней побежала русалка, и мать до самой деревни бежала бегом (с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл.).

Русалки могли нападать на тех, кто неправильно себя ведет в период их пребывания на земле, кто нарушает запреты, существующие в это время (например, ходит по хлебному полю, когда оно цветет, и поэтому неминуемо встречает там русалку). Жертвами нападения становились нарушители запретов на работу на Русальной неделе (те, кто в это время ходит в жито, стирает белье, вывешивает сушиться одежду, шьет, вяжет, белит печь или хату, работает в поле) либо те, кто не умеет правильно себя вести при встрече с нечистой силой (например, шумно ведут себя в лесу или около воды, подсматривают за гуляньем русалок). В подобных случаях русалки пугали, били, щекотали человека, а также уничтожали результаты его труда — портили посевы, одежду, постиранное белье.

Русалки опасны для человека тем, что могут до смерти защекотать его. Русалок даже называют по именам, образованным от глаголов, обозначающих щекотание: *лоскотуха*, *лоскотница*, *казытка*. Русалка щекощет не только руками, но и своими железными грудями — так взрослые пугали детей, чтобы они не ходили в жито.

В той же Гродненской губернии рассказывали, как девушка пошла пшеницу, а к ней пришла *казытка*, стала с ней разговаривать, помогала пшеницу полоть, а потом сказала: «Давай отдохнем

немного». Сели они, *казытка* к ней прислонилась и давай ее *казытаць* и *заказытала* насмерть» (там же.).

В южных районах Брестской области на границе с Вольныню записаны уникальные «русалочьи песни». Считается, что их поют сами русалки: «не мой нога об ногу», «не сей муку прямо в дежу [кадку, где замешивают тесто]», «не ложись спать в меже». Во второй части песни объясняется суть этих запретов: «ибо это грех», «ибо я Богу расскажу», «ибо не будет прибытку», «ибо увидишь беду».

Если человек работает в поле на Русальной неделе, есть риск, что он, возвращаясь домой, привезет на возу или на бороне русалку, которая в течение всего года до следующей Русальной недели будет молча сидеть у него в доме в печном углу, питаться паром, поднимающимся от горячей пищи (так питаются все покойники), а на следующий год, когда на земле снова появятся русалки, она с криками «Наши пришли!» исчезнет из дома. Иногда в быличках подчеркивается, что остаться в доме может не всякая русалка, а только та, что приходится родственницей хозяевам этого дома (то есть если в роду была покойница, ставшая русалкой).

Ехал человек в поле пахать, а там стоит толпа русалок. Вот эти русалки хотели подойти к тому человеку, а одна русалка не допускает их до того человека. Ну человек закончил работу и едет до дому. И эта русалка села к нему на воз. Человек приехал во двор, распряг волов, и русалка с воза встает. Человек загнал волов в хлев да идет в хату, и русалка за ним идет, да влезла в хату, и села в углу возле печи на припечке возле лежанки, и сидела целый год. И сидела до того дня, в который ее год назад привезли. И не пила она там ничего, и не ела. Говорят, что она была в каком-то родстве с тем человеком. И если русалки гуляют, ты не должен ничего говорить, иначе они накинута и защекочут (с. Стодоличчи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Русалки могли заманивать человека в воду и топить. Очень часто матери объясняли детям, почему нельзя ходить купаться: «русалка потягнет в воду». Мотив любовной связи русалки с земным мужчиной в подлинной народной традиции известен слабо, однако в XX веке он стал чрезвычайно популярен как в русской, так и белорусской массовой городской культуре под влиянием художественных произведений (и не в последнюю очередь под влиянием русского перевода сказки «Русалочка» — героиню Андерсена называют Den lille Havfrue, «маленькая морская госпожа», и она персонаж иного происхождения, нежели восточно-славянская русалка).



Русалки в волнах. 1904

В период пребывания русалок на земле люди должны были вести себя очень осторожно, чтобы, с одной стороны, избежать нежелательных контактов с русалкой и нейтрализовать ее возможную агрессию, а с другой стороны, не повредить самим

русалкам (с учетом того, что это умершие, которым нужно вовремя возвратиться на «тот» свет). Правильное поведение человека на Русальной неделе — гарантия того, что обе стороны, люди и русалки, не причинят вреда друг другу.

В качестве оберегов использовали универсальные средства защиты, пригодные от любой нечистой силы, — крестное знамение и молитва, а также освященные предметы и растения, которые носили с собой (например, опоясывались освященным поясом). При встрече с русалками нужно, соблюдая молчание, быстро очертить ножом или серпом (вообще любым острым железным предметом) вокруг себя круг. Помочь может также матерная ругань.

В течение всей Троицкой недели нужно соблюдать многочисленные правила и запреты, особенно не ходить туда, где можно столкнуться с русалками (в засеянные поля, в лес, к водоемам, лазить на деревья, купаться в реке). Нельзя делать многие хозяйственные работы, особенно в тех семьях, где были покойницы-русалки: шить («не шей, иначе глаза русалке зашьешь, и она будет кричать»), не мыли пол, чтобы не забрызгать водой русалок, не белили хату («ибо замажешь русалкам очи»), ничего не положили в поле и на огороде — иначе посохнет урожай. Нарушителей запретов русалки наказывали, портя результаты их работы.

В тех местах Белоруссии, где представления о русалках особенно сильно сближались с представлениями об умерших родственниках, было принято в течение Русальной недели оставлять на столе поминальный ужин и приглашать русалок к столу с помощью специальных формул. В селах Гомельской области в среду или четверг на Троицкой неделе поминали детей, умерших некрещеными, называя их русалками и приглашая на ужин.

Русалки, пришедшие в земной мир, нуждаются в одежде, поэтому часто в троицких песнях рассказывается, как русалка просит у людей рубашку, платок, намитку (головной убор замужней женщины).

Потребность в одежде объясняют тем, что русалки, находясь на земле, справляют свой праздник, поэтому им нужно нарядиться, погулять в хорошем платье, покрасоваться. Часто говорят, что русалки приходят в мокрой одежде, и им надо переодеться в сухое. Именно поэтому преимущественно в брестских селах в семьях, где умирали девушки, существовал обычай на Русальной неделе вывешивать во дворе на заборе или на дереве их одежду (платье, сорочку, юбку, фартук, платок) — «она походит, погуляет и назад повесит». В белорусских быличках часто рассказывается о том, как умершая и ставшая русалкой дочь приходит на Троицкой неделе к себе домой и просит у матери свою любимую одежду, особенно в тех случаях, если девушку похоронили не в той одежде, в какой она просила.



Девушка из Пинщины. Беларусь (Полесье), 1911

В течение всей Троицкой недели русалки находятся на земле, а в следующий понедельник (это первый день Петровского поста) они собираются «табуном» на заключительные *Розыгры* или *Розгары* (то есть игрище, гульбище), после которых

уходят с земли «на свои места» до следующей Троицкой недели. *Русальска гульня* происходит где-нибудь на лесной поляне или на месте сенокоса, где-то под большим дубом, где русалки играют, поют, кричат, хохочут, водят хороводы, угощаются, после чего исчезают.

Понедельник после Троицкой недели, начало Петровского поста, — последний допустимый день пребывания русалок на земле, в который нужно выпроводить их в «иной» мир с помощью специального ритуала «проводы русалки». В разных селах он совершался по-разному, но смысл его был один: время нахождения русалок среди живых людей закончилось, и теперь коллективными усилиями от них нужно освободить земное пространство, «шоб русаўки у сяло не ходили, шоб йих не було». В день «проводов русалки» говорили: «пайдем русалку правó-дить» (гомел.), «идем русалку палить» (гомел.) или «закóпывать русалок» (гомел.). Этот обряд обычно представлял собой шествие жителей села (чаще всего неженатой молодежи) во главе с ряженой девушкой, изображавшей русалку. Девушка шла с распущенными волосами и венком на голове, в белой одежде, иногда увешанная с ног до головы лентами, зелеными ветками и травами. Вместо девушки могли нести сделанную из соломы и тряпок большую куклу-чучело, одетую в женскую одежду и называемую русалкой. Ряженую русалку или символизирующее ее чучело вели или несли через все село с песнями.

На Гряной неделе
 Русалки сидели.
 Провяду русалок
 Из бору до бору,
 В зелену дуброву,
 Русалки щоб не лоскотали,
 В зиму ни лякалы,
 В летку ни пужали (гомел.).



Весенний праздник. Открытка, ок. 1910

Потом вся процессия выходила за границу села — в поле, к реке или на кладбище, и там оставляли ряженую девушку или выбрасывали чучело. Изгнав русалку за пределы своего пространства, участники шествия со всех ног бежали назад в село с криками: «Цякайте [убегайте], бо русалка бягить с жалезным пральником!» (брест.), а ряженая девушка гналась за ними, стараясь кого-нибудь поймать. Считалось, что тот, кого поймала «русалка», будет несчастным. У белорусов Новгород-Северского уезда после того, как «прогнали русалок», ходили в лес, разводили костер, готовили яичницу, пили водку и пели:

Правадили русалочки, правадили,
Щоб ваны до нас не хадылы,
Да нашего житечка не ламили,
Да наших девачек не лавили.

ГЛАВА 3



ЛЮДИ С ДЕМОНИЧЕСКИМИ СВОЙСТВАМИ И РЕЗУЛЬТАТЫ ИХ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ

Персонажи из этой главы — не мифологические существа, а обычные сельские жители, внешне ничем не отличающиеся от односельчан. Однако все они владеют тайными магическими знаниями, недоступными простому человеку. Людями с демоническими способностями считаются ведьмы, колдуны, знахари и знахарки, шептуны, ворожки, гадалки, чернокнижники, «знающие» люди (представители отдельных профессий или пограничья традиционного сообщества — нищие, странники, цыгане).

Они могут насылать и снимать порчу, с помощью магических практик отнимать у соседей все виды хозяйственного прирбытка, превращать людей в животных, лечить болезни, полученные магическим путем, обладать ясновидением, предсказывать будущее, управлять градовыми тучами и змеями, знаться с нечистой силой. Многочисленные магические способности определяются глаголами: *знать, уметь, колдовать, ворожить, чаровать, ведьмарить, шептать, знахоровать, чухмарить*.

Грани между «знающими» людьми трудноразличимы, а их названия могут менять свои значения. К примеру, в одних селах слова *колдун* и *знахарь* обозначают человека, занимающегося зловредными практиками («Знахор — тот же колдун, знахор — это чтобы плохое что-то сделать», брест.), а в других *колдун* вредит, а *знахарь* помогает людям. *Знахарка* может пониматься и как ведьма («Знахурка, ведьма, каўдунка — плохие, шаптуха — хорошая», гомел.), и как целительница, помогающая людям магическими средствами. Один и тот же персонаж может и вредить, и помогать: «Одна колдунья *вробляе* [придельывает, насылает чары], а другая *одробляе* [отделяет, снимает]» (с. Спорово Брестской обл.), хотя в целом ведьмы и колдуны

осознаются как причиняющие зло, а знахари и шептуны/шептухи — как помогающие людям.

Основные признаки демоничности — это «связь с нечистой силой», «тяжелая, мучительная смерть» и посмертное «хождение», превращение в «ходячего» покойника. Они дают основание считать персонажа «вредоносным». Деятельность «помогающих» специалистов часто связывают с Божественной силой, а в рассказах о них отсутствуют мотивы «трудной смерти» и посмертного «хождения»: «Шаптухи с Божьей молитвой лечили, а знахоры занимались с нечистой силой» (с. Верхний Теребежов Брестской обл.).

Люди с магическими способностями, — один из самых популярных типов персонажей в Белоруссии. Особенность белорусской мифологии — «гендерная диспропорция»: основным «держателем» колдовского знания, безусловно, является женщина (в отличие, например, от севернорусской, где главная магическая фигура — это колдун). Представления о мужской ипостаси — колдуне — гораздо беднее и встречаются реже. Тех, кто снимает порчу, лечит сглаз, возвращает корове утраченное молоко, лечит детские болезни, часто не выделяют в отдельный тип персонажей, а называют просто: *бабка, дед, тот, кто знает, кто умеет шептать*.

Белорусская ведьма существенно отличается от ее «коллег» из других славянских традиций (например, от карпатской *босоркани* или балканской *вештицы*) — она выглядит как обычная женщина, а основной круг ее «обязанностей» сводится к отъему хозяйственного блага у других людей. Такие демонические черты, присущие ведьмам из юго-западных частей славянского мира, как двоедушничество, способность нападать на спящих людей и выпивать у них кровь, для белорусских поверий о ведьмах нехарактерны. Даже мотив полетов ведьмы на шабаш выражен здесь более бледно и скуп по сравнению с соседней польской традицией, где встречаются весьма красочные и подробные описания ведьминских разгулов.

Сохранились описания судебных разбирательств XVII–XVIII веков* с территории польско-белорусско-литовского пограничья по обвинению в чародействе и порче. К наборам чародейских практик, сохранившихся в актуальной белорусской традиции, относятся, например, обход дома жертвы и подбрасывание туда вредоносных предметов (ниток, палок, костей, медных денег и подобного), передача порчи через наговоренные пищу и питье, которые колдун дает своей жертве. Так, в 1636 году в местечке Ошмяны (ныне Гродненская обл.) некто Гошка Ескевич обвинял чаровника Юрку Войтуловича в попытке лишить его здоровья через наговоренную водку, рюмку которой тот «с приправою чародейской» подал Гошке. Гошка же взял водку, но был Богом предупрежден, что ее пить не стоит. Как только рюмка с наговоренной водкой оказалась у него в руках, они стали так трястись, что водка частично пролилась. В результате тяжело заболел ребенок Гошки, что он приписал колдовским действиям Юрки Войтуловича¹. В 1637 году могилевская мещанка Орина Турцовая была обвинена Харко Кузьминичем в целом комплексе зловредных магических действий, в результате которых один ребенок у него умер, другой начал говорить с большим запозданием — только в восемь лет, в хозяйстве все время происходили убытки, при этом начались серьезные семейные неурядицы и постоянные ссоры с женой. Для наведения порчи эта Орина втыкала нож в притолоку в доме своей жертвы, обносила его каким-то зельем и давала чары в пищу².

В материалах судебных дел того же периода описываются и эпизоды полета ведьм на шабаш, гораздо более красочные и подробные, чем рассказы об этом, записанные в XX веке. Так, в процессе над ведьмой Марианной Косцюковой, якобы летавшей накануне Иванова дня на гору Шатрию, она показала, что

* В этот период белорусские земли находились в составе Речи Посполитой.

летала туда с другими знакомыми женщинами, одна из которых помазала их чем-то под мышками, после чего они все летели выше самых высоких лесов и прилетели на Шатрию, где было много народу и в том числе пан в немецкой одежде, в шляпе и с тросточкой (стереотипное изображение черта в белорусско-украинской мифологии). На этой горе все танцевали, причем на скрипке им играл *рогатый*³.

Несколько особняком среди персонажей этой главы стоит волколак — волк-оборотень, который, с одной стороны, может осмысляться как «знающий», способный по своей воле оборачиваться волком, а с другой стороны, может быть невинной жертвой магического произвола ведьмы или колдуна, не способной без чужой помощи вернуться в человеческое состояние.

Основные результаты вредоносной деятельности магических специалистов — это порча и сглаз. В традиции они часто могут обозначаться одними и теми же терминами: *урóки*, *сурóци* (от глаголов с корнем *рек/рок/реч* — «говорить»), а также глаголами со значением «делать», «совершать» (*приробыты*, *зробыты шкоду*). По сути, это разновидности вредоносной магии, направленной на отъем жизненного блага — здоровья, лада в семье, удачи в делах, плодородия, молочности скота, урожая. Порча и сглаз различаются только «технологическими» приемами — если многочисленные виды порчи в большей степени связаны с материальной, контактной формой магии, то сглаз предполагает ментальные формы причинения вреда — взглядом, мыслями (особенно завистью) и словом (в частности, неумеренной, неискренней похвалой).

Специфической для белорусской традиции разновидностью порчи является особая форма заболевания — колтун — свитые или спутанные наподобие гнезда пряди волос. Это болезненное явление по своей семантике очень схоже с заломом, который, как и колтун, образуется путем действий

кручения, верчения, имеющих демоническую природу. Представления о колтуне связывают белорусскую мифологию с польской, где наиболее полно представлены поверья об этом явлении.

Отдельная разновидность порчи — залом — делается ведьмами или колдунами на колосьях растущих в поле злаков. Путем их надлома, скручивания, завязывания в узел причиняется ущерб не только самому урожаю, но и хозяину поля или всему его семейству.

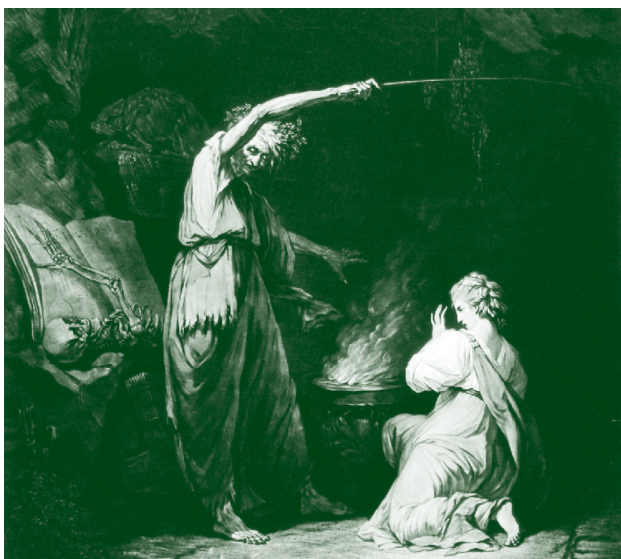
ВЕДЬМА

Ведьма — самый опасный персонаж как для отдельного человека, так и для всего сельского сообщества. Ее также могут называть *знахорка*, *колдунка*, *ворожка* или вовсе использовать эвфемистические выражения типа: *та, што знае*, *тая, што знаеца с чэртямі*. Иногда говорят *баба с мухамі*, таким же образом могут называть и колдуна.

Как говорят, в носу мухи — то этот человек — ведьмак (с. Мале Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл.).

Ведьма, безусловно, злокозненный персонаж — она вредит человеку и всему его хозяйству, делает заломы в поле, насыляет порчу на людей, скотину и растения, может вызывать стихийные бедствия и влиять на атмосферные процессы («замыкать» дождь, разгонять тучи, насылат вихри), насылат на село змей, жаб или насекомых, превратит человека в животное, «пригвоздить» человека к месту, причаровать парня к девушке и, наоборот, посеять ненависть между супружеской парой, а также, наряду с колдунами, превращать человека в животное.

Ведьма обеспечивает и поддерживает свои магические способности благодаря связи с чертом, с нечистой силой. С одной стороны, считается, что ведьма чертями владеет, они ей служат, а с другой стороны, сама вынуждена подчиняться находящимся у нее в услужении чертям — они заставляют ее делать зло, таскаться по ночам, не дают ей покоя, требуют у нее выкуп за свое служение иногда в виде скота, а иногда и в виде собственного ребенка.



Ведьма, произносящая заклинание. 1773

Ведьмой может стать любая женщина, изучившая книгу «черной магии» и заключившая договор с чертом — это так называемые «ученые» ведьмы. В брестском Полесье считали, что, чтобы стать ведьмой или колдуном, нужно выучить «черную книжку на польском языке», а потом, надрезав мизинец, подписать договор с чертом. Черти, находящиеся в услужении у ведьмы, могут мучить ее и заставлять вредить людям, если она не загружает их в достаточной степени работой.

Вот хата там стоит. Там жила баба, что коров колдовала, — она вроде у чужих коров молоко собирала. Как была у нее корова, так я слышала, что молоко у нее не выводилось [так как она молоко от чужих коров переводила на свою]. А как она уже продала свою корову — бабка уже старенькая, не в состоянии держать, то вот придет ночь, так уже не спит она. Всю ночь ее водят хлопцы в капелюшах [шляпах, то есть черти], всю ночь водят, что хотят, то и делают. И не дают ей спать, и не дают ей жить (с. Кочищи Ельского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Женщина может также получить колдовское знание по наследству — от матери-ведьмы (это так называемые «родимые» ведьмы), либо его передает ей перед смертью старшая родственница-ведьма. Передача колдовского знания младшей родственнице напрямую связана с другой особенностью ведьмы — мучительной и долгой агонией. Ведьма не может умереть, пока не передаст свое знание другому человеку, а вместе с ним и нечистого духа, которым она обладает. Именно поэтому говорят, что ведьма должна «сдать чертей», «отдать не своего духа», «передать умение своему роду», «колдовство должно перейти на другого человека». Как правило, никто не хочет принимать на себя ведьминский «дар», поэтому ей приходится действовать хитростью — подзывает к себе ничего не подозревающего человека, протягивает ему руку (иногда с какой-нибудь вещью, например с носовым платком) и говорит: «На, возьми». Если человек дотронется до ее руки, возьмет эту вещь, то примет на себя ведовство, а ведьма сможет наконец-то умереть.

Чтобы облегчить агонию, в потолке проделывали отверстие, снимая несколько досок, чтобы через него могли выйти мучающие ведьму черти (ни через дверь, ни через окно они выйти не могут), открывали заслонку у печной трубы или клали на голову ведьмы лошадиный хомут, то есть во всех случаях создавали специальный проход для нечистой силы. Но и после

смерти ведьме не будет покоя, потому что ее душу заберет нечистая сила, а сама она пополнит ряды «ходячих» покойников. Зная о своей участи, ведьма отговаривает других женщин учиться колдовству, показывая, что будет с ней в момент смерти.

Внешне ведьму нелегко отличить от обычных женщин — иногда ее узнают по сросшимся бровям, иногда по тому, что она никогда не смотрит людям в глаза. Некоторые говорят, что у «родимых» ведьм есть маленький хвостик, а на голове — чуть заметные рожки, но их под платком, который обычно носит замужняя женщина, не видно.

Ведьма обладает удивительной способностью к оборотничеству. Превращаясь в любых животных и в предметы, она может скрыться от односельчан, остаться неузнанной. В облике животного ведьма любит нападать на людей, особенно ночью, на припозднившихся прохожих. Чаще всего ведьмы принимают облик жабы, кошки, собаки и свиньи, а из предметов — тележного колеса, клубка ниток, решета, обруча, иголки и небольшой копны сена или соломы, которые неотступно преследуют идущего по дороге человека.



Дикие свиньи в лесу. 1897

Когда ведьме «время приходит», она совершает вредоносные поступки, от которых не может удержаться. Поскольку черти вынуждают ведьму делать зло, насылая на людей порчу, она, чтобы не вредить людям, может перенести ее на деревья и растения. В одной из быличек мужчина, ехавший на повозке мимо кладбища, увидел голую женщину. Женщина обратилась к нему с просьбой не выдавать ее.

«Братец мой, голубчик мой, вот иду я, мне так положено, я обязательно должна идти. Я научилась колдовству, умею, мне надо обязательно идти. Я ни на кого не посылаю порчу, я пойду к дубку и отнесу порчу дубу, на кусты завею — засохнет, да и все. Пойду на лес — оно закрутит лес, тот иссохнет». И просит, и целует ему руки, чтобы нигде не говорил о ее ведьмарстве (с. Ручаевка Лоевского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Магическая сила ведьмы в наибольшей степени проявляется в определенные календарные даты или лунные фазы (обычно в полнолуние или при молодом месяце), когда происходят необъяснимые «вспышки» колдовской активности. «Ведьминскими» днями считаются основные праздники весенне-летнего цикла от Благовещенья и Пасхи до Успенья (реже Рождество и вообще святочный период), однако абсолютное первенство в списке опасных дней занимает Иван Купала, о чем свидетельствуют его народные названия: *Иван Ведьмарский*, *Иван Колдунский*, *Иван Злостный*, *Ведьмин Иван*.

В эти праздники ведьмы не могут не заниматься колдовством, потому что приходит пора, когда они должны вредить. Ведьма испытывает настоящие мучения, если не сможет навредить в «свое» время, потому что нечистый дух тянет ее совершать зло: «На Юрия ведьмы ведьмовали — это их праздник»; «Как ведьме придет такая пора, то она вредит»; «Ей нужно так делать, ибо час такой пришел».

Колдовские способности ведьмы, направленные на личное обогащение, могут лишить других хозяев важных материальных благ в их хозяйстве — молока, сметаны, урожая в поле. Ведьмы также вредят здоровью людей (особенно детей) и скота, насылая на них порчу и болезни. Главное в наборе вредных действий — это отбирание молока у чужих коров. Особенно активно ведьмы отбирают молоко в ночь накануне Ивана Купалы, Юрьева дня, реже — в Благовещение или на Петров пост. До восхода солнца на Ивана Купалу или на Юрьев день ведьмы собирают с травы росу, которая считается чудодейственной в эти дни, — эта влага способна передать свою живительную силу коровам, обеспечивая их избытком молока. Рано утром, пока сельское стадо еще не прошло по росе, ведьма голый валяется по ней или волочет по мокрой траве свой фартук, скатерть или просто кусок ткани, также собирает росу молочной посудой — подойником или цедилкой, а затем поит этой росой своих коров, накрывает их мокрой тканью или вешает ее на потолочную балку в своем хлеву. В этом случае потенциальное молоко всего сельского стада переходит коровам ведьмы. Если ведьма хочет навредить конкретному односельчанину, она собирает росу с его поля. Известно много рассказов о том, как случайный прохожий подсматривает за действиями ведьмы, а потом, не очень понимая, что именно он делает, сам повторяет их, приговаривая: «Что куме, то и мне». Намоченную в росе ткань он вешает в своем хлеву, и с нее непрерывным потоком начинает литься молоко, которое он по неопытности не знает, как остановить.

«Перетянуть» себе молоко у чужих коров можно было и с помощью любого предмета, символизирующего благо (щепки, тряпки, соломы, веника, куска навоза, земли), тайно украденного в чужом дворе и перенесенного к себе. Наиболее опытным ведьмам даже этого не требовалось: чтобы забрать чужое молоко, они привязывали в своем хлеву к перекладине полотенце,

пояс либо тряпку и во время вечерней дойки дергали за концы полотнища, имитируя доение. С полотенца лилось молоко. Ведьма могла воткнуть нож в дерево, мимо которого проходит сельское стадо или чужая корова, чтобы с ножа полилось молоко. Но чаще всего ведьма выдаивает чужих коров, принимая облик животного (обычно жабы, змеи, кошки или собаки), в таком виде проникает в соседский хлев и сосет у коровы вымя. В результате у этой коровы пропадает молоко, а у коровы ведьмы молоко прибывает. Обычно это происходит в ночь на Ивана Купалу или после отела чужой коровы. Зная о повадках ведьмы, хозяева в эти ночи сторожили свой хлев и не пропускали в него никаких животных, потому что под их видом может прийти ведьма.



На пастбище. XIX в.

В ночь на Ивана Купалу хозяин, обнаружив возле своей коровы жабу, кошку или другое животное, калечит его — бьет его, перебивает или отрубает лапу или ухо, а на следующий день узнает, что соседка лежит дома с перебитой ногой или рукой, отрезанным ухом или другими телесными повреждениями, которые соответствуют тем, которые хозяин нанес

ночью животному. Таким образом становится понятно, что это соседка-ведьма приходила ночью в хлев, обернувшись кошкой или жабой. Особенно часто ведьмы ходят доить чужих коров в виде большой жабы, которую в белорусских селах считают ее ипостасью.

Ведьма отнимает у людей и другое хозяйственное благо — *спор, спорину*, то есть «обилие, прибыль, ценность, жизненную силу» (о хорошо идущих делах говорят, что «работа спорится»). Это может быть урожай зерна, «сытость» хлеба и других продуктов, хорошо удающееся тесто, жирность молока и сметаны, молочность коровы, плодородность скота, хорошо выпрядаемая пряжа, удачно сотканное полотно и вообще успешность любой хозяйственной деятельности. Ведьма может отнять урожай с хлебного поля, овощи с огорода, удачу в разведении скота и домашней птицы (так называемый вод скота, то есть делает так, что скотина в определенном хозяйстве «не ведется», не плодится, болеет и умирает), удачу в ткачестве.

Опасность ведьмы заключается в том, что она может *отобрать спор* как у хозяйства в целом (и тогда хозяев ждут сплошные убытки и бедность), так и в определенной области (например, в разведении свиней или кур). Наиболее универсальный способ отобрать спор — украсть с чужого двора какой-то символический носитель богатства (кусоч навоза из хлева, горсть земли с огорода, щепку от сарая, даже часть мусора, подобранного в чужом дворе). В результате *спорина*-удача из чужого хозяйства переходит в хозяйство ведьмы.

Человек может подозревать, но не знать определенно, кто именно из односельчанок ведьма и отбирает в его хозяйстве благо, и это главная опасность ведьмы. Ведь в человеческом облике она, как правило, похожа на обычную женщину, а отнимать молоко или урожай ходит в виде оборотня-животного. Кроме того, в селе может быть несколько женщин, занимающихся колдовством. Чтобы обезвредить ведьму, нужно ее обнаружить

и опознать, то есть соотнести ее зооморфный облик с подлинным человеческим. Опознанная ведьма теряет способность вредить человеку, который ее обнаружил (но не теряет способности вредить другим).



Односельчанки. Ок. 1914–1918

Ведьму можно заставить явиться и обнаружить себя. В западных районах Белоруссии, обнаружив, что у коровы пропало молоко (а это значит, что его отняла ведьма), втыкают в цедилку (кусок ткани или марли, через которую процеживают молоко после доения) одну или несколько иголок, сдаивают у коровы сколько получится молока и варят цедилку с иголками в горшке с кипящим молоком. Поскольку между коровой, «испорченной» ведьмой, и самой ведьмой существует связь, такая цедилка доставит ведьме мучения, и она явится с просьбой прекратить эти действия, потому что у нее колет и печет в груди, кипит ее сердце, земля под ногами у нее горит.

Кипячение цедилки лучше всего устраивать коллективно в ночь на Ивана Купалу на купальском костре, но можно

и индивидуально — когда заметят у коровы резкое уменьшение молока. При коллективном кипячении цедилок для разведения огня использовали девять осиновых поленьев или старые веники, иногда приносили с кладбища оставленные там *мерки* (палки, служившие столяру меркой при изготовлении гроба). Для ритуала лучше использовать новый горшок — в него бросали цедилки с воткнутыми иголками. В индивидуальном исполнении обряда сдоенное молоко иногда просто лили на раскаленную сковородку или угли в уверенности, что ведьма придет и будет просить прекратить мучения, обещая за это больше не вредить.

У моего мужа брат был. Он рассказывал: пришла корова с пастбища, а выдоить никак не могли. Привезли мужчину — знахаря, и он взял девять осиновых поленьев и теми поленьями печку затопил. Воды принесли, туда тряпку новую, в нее девять иголок впили и так варили. Пришла соседка: «Марья, что ты варишь? Марья, вынь этот горшок, душа из меня выходит!» Уже на колени встала, просила (с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл.).

Иногда ведьма посылает в чужие хозяйства своих помощников — змей, ужей, лягушек (реже кошек и собак), которые высасывают у чужой коровы молоко, забирают сметану или зерно и приносят их своей хозяйке. Этот мотив известен преимущественно в западных частях Белоруссии. Кроме помощников-животных у ведьм и колдунов есть особые демонические существа — обогатители, *спарники*, которые им служат и приносят чужое добро.

По ночам (обычно в полночь, реже — в полдень) ведьмы могут пугать, преследовать прохожих, нападать на них, бросаться в ноги, прыгать на плечи, обернувшись кошкой, свиньей или каким-то другим животным. Если человек изловчится и ударит

ведьму-оборотня, то на следующий день ее можно будет опознать уже в человеческом облике — на ее теле обнаружатся следы травмы от удара.

Ведьмы проявляют свои демонические свойства в определенные календарные даты, в частности, летают по ночам на совместные сборища — это одна из наиболее важных характеристик ведьмы. Сборища устраиваются на самом высоком или самом старом дереве в округе (дубе, вербе, вязе или тополе), ведьмы там танцуют, веселятся, дерутся, празднуют, распределяют между собой, кому какие жертвы предназначены. На такое гульбище ведьма вылетает через трубу или окно, летит верхом на березовой палке или кочерге.

Ведьмы всякое вытворяют на Ивана Ведёмского. Вот рассказывали, что гончар приезжал в село и всегда останавливался ночевать в одной хате, где жила старуха с дочерью. На этот раз он приехал на Ведёмского Ивана, а они не пускают его ночевать. Он влез ночью на сеновал и видит: они взяли березовые палки, да оседлали эти палки, да полетели прямо в печную трубу. А он смотрит — а они уже так вверху по воздуху летят (с. Ручаевка Лоевского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Если случайно подсмотреть за действиями ведьмы, собирающейся на шабаш (она мажется колдовской мазью, седлает палку или кочергу, вылетает в трубу), повторить их, то можно самому оказаться на сборище нечистой силы. Там человеку дают коня и отправляют обратно. Дома человек обнаруживает, что сидит на кочерге или скамейке. Этот восточнославянский сюжет лег в основу пушкинского стихотворения «Гусар», правда, там действие происходило на Украине, где подобные поверья также широко известны.

Ведьма может кощунственно использовать сакральную силу церковных предметов для восполнения и подкрепления

собственных магических способностей. В большие церковные праздники (особенно на Пасху) ведьмы стараются дотянуться руками до ризы священника, а еще лучше — оторвать от нее кусок, дотронуться до икон, поцеловать замок церковной двери, поддержать веревку церковного колокола, для того чтобы весь год до следующей Пасхи иметь силы для ведовства.

Во время церковной (и особенно Пасхальной) службы можно распознать ведьму с помощью специальных приемов. Нужно заранее обзавестись особым кусочком сыра, продержать его во рту с Чистого четверга до Пасхи (или с Масленичного заговенья до начала Великого поста) и с этим кусочком сыра прийти на Пасхальную службу. Женщины, которые занимаются ведовством, обладателю сыра покажутся стоящими спиной к алтарю (тогда как остальные люди будут их видеть стоящими лицом к алтарю) или держащими на головах дойницы, а в руках — молочные ведра (остальные это видеть не будут).



Пасхальная процессия. Беларусь (Лиды). Ок. 1915–1918

Если пришедшую в гости женщину хозяйка подозревала в колдовстве, она незаметно для гостыи могла перевернуть ко-чергу или ухват, а также веник или метлу, поставив их метущей частью вверх. Ведьма не могла покинуть дом, пока все предметы не перевернут обратно. Для этой же цели в нижнюю часть столешницы втыкали иголку, нож или ножницы, символически «пригвождая» ведьму к этому пространству — она будет маяться, крутиться возле двери, но не сможет выйти, пока острые предметы не вынут из столешницы.

В опасные дни календаря люди предпринимали множество действий, чтобы защититься от ведьм. Оберегами считали освященные в церкви предметы и вещества: вербные ветки, освященные в Вербное воскресенье, троицкую зелень, сретенские свечи (принесенные из церкви на Сретенье), крещенскую воду, соль, мел, освященные зерна мака или проса и прочее. Размещение этих предметов в охраняемом пространстве, например в хлеву, не позволяло ведьме проникнуть туда. Препятствием также служили рассыпанные перед дверью или вокруг хлева зерна мака, льна, проса — ведьма не войдет внутрь, пока не пересчитает все зерна. К числу оберегов относились все колючие, острые предметы (коса, нож, серп, топор, грабли) и жгучие растения, особенно крапива, — их затыкали над окнами и дверями, закапывали под порогом острием вверх, чтобы ведьма порезала или обожгла себе руки.

Косой, ножом или освященным мелом обводили замкнутую черту вокруг охраняемого строения — ведьма не сможет ее преодолеть. Действенным растительным средством считалась осина — осиновою палку или целиком небольшое деревце помещали в хлев. Отгонные свойства приписывались зеркалу, которое вешали в хлев, подкове, самотканому поясу, кувшину с выбитым дном.

Поскольку больше всего ведьмы вредили на Ивана Купалу, то значительная часть купальских календарных обычаев

совершается ради того, чтобы обезвредить ведьм. К числу таких действий принадлежало разведение купальского или юрьевского костра и сжигание на нем чучела ведьмы. Часто целью разжигания купальских костров прямо называли сожжение ведьмы, а выражение *палить ведьму* могло означать «жечь купальский костер».

Сложат костер и ведьму палят на перекрестке и скачут, приговаривают: «О так ведьма скакала возле коровы на Ивана. Чтобы у ведьмы ноги покрутило, да и руки покрутило, глаза выпали. Мы тебя спалили, ты больше не будешь скакать!» (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Считалось, что костер вредит ведьме, причиняет ей такие сильные боли, что она прибегает к костру, чтобы залить его водой и прекратить свои мучения. При этом тщательно следили, чтобы прибежавшая ведьма ничего не брала из костра, даже самый маленький уголек, иначе она снова обретет свою прежнюю магическую силу.

В этот же день уничтожали и другие ритуальные предметы, символизирующие ведьму (сноп соломы, конский череп, обрядовое деревце, лапти и пр.): топили в воде, выбрасывали в канаву, избивали палками. Молодежь, носившая по селу сделанное из тряпок и соломы чучело ведьмы, кричала перед каждым домом: «Все выходите ведьму бить!» В ряде случаев ведьму, как и русалку, выпроваживали за пределы села — в роли ведьмы выступала ряженая девушка, которую в игровой форме «изгоняли» за границы человеческого пространства.

На Купалу [девушка, рядившаяся ведьмой], надевает анд-рак, черный платок, разрисовывает лицо черной краской. За ней, «ведьмой», с палками бегут, из деревни выгоняют (с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

КОЛДУН

Колдун очень близок к ведьме, но занимает гораздо более скромное место. Это реальный человек, односельчанин, наделенный магическими способностями, в основном вредоносными (но, в принципе, способен делать и добро). Колдун с помощью магии совершает «социально опасные» и хозяйственные преступления: наводит порчу на людей (особенно на детей) и скот, отнимает молоко у чужих коров, урожай хлеба с чужого поля, делает заломы на чужих полях, может «присушить» парня к девушке или развести их, превратить человека в животное. Он может сам превращаться в волка, насылать и отгонять тучи, вызывать стихийные бедствия, заклинать и насылать змей.

Если в русской мифологии колдун вредит — знахарь помогает, то в белорусских говорах обоих персонажей часто называют одинаково. Название *колдун* воспринимается как русское («колдуны — гэто у России»), гораздо чаще его называют *знахар* (*знахор*) — так же, как и знахаря, который использует свои магические способности в основном для помощи людям (его еще часто называют *шептун*ом, поскольку он шепчет заговоры, когда лечит человека).

Испортить человека может колдун. Он может из человека сделать любое животное. [А знахарь?] — Знахор — тот же колдун, а шептун шепчет, чтобы вылечить человека. Знахор — это чтобы что-то плохое сделать, а шептун — тот помощь делает (с. Ласицк Пинского р-на Брестской обл.).



Колдун

Человека, занимающегося вредоносной магией, называли также: *ведьмак, чародей, чаровник, чорнокнижник, волошебник, той, шо знае* (тот, что знает), говорили, что такой человек может *приоблать, чаровать, знахорить, ведьмарить*. По внешнему виду колдун практически не отличается от обычного человека, но у него могут быть черные волосы, черные брови и черные глаза, а сам он может владеть приемами гипноза. О колдунах, как и вообще о «знающих» людях, говорят, что у них «мухи в носу» или в голове.

Колдун «не подчиняется Богу, он подчиняется Сатане», он «продатый черту», «тот, что знаетсЯ с чертями», «тот, кто чертей держит в хате», «владеет нечистыми». В некоторых областях Белоруссии считается, что колдун не сам отнимает благо в чужих хозяйствах, а ему его приносит особый дух-обогатитель, поэтому колдуны зажиточнее обычных людей.

Колдунами не рождаются, а становятся люди, которые намеренно обучались черной магии и колдовству или заключили договор с нечистой силой. Желая стать колдуном должен был отречься от Бога и выполнить ряд кощунственных действий, например выстрелить в распятие или встать ногами на икону. Этим человек отдавал себя под власть нечистой силы. Будущий колдун должен выдержать испытание страхом, который на него насылают черти. Испытуемый шел в полночь на перекресток, где появлялся черт (или черти) в виде большой собаки или жабы и подвергал человека разным испытаниям — если тот их выдерживал, то становился колдуном. Иногда в последнюю минуту испытуемый отказывается от сделки с чертями, испугавшись кощунства, которое должен совершить.

Как хочешь колдовать да знать, пойди, где дороги расходятся, пойди да три раза крикни: «Гей-гей-гей!» Потом придут к тебе

черти. И уж что они тебе будут делать — нужно выдержать. Как с ними займешься, то будешь колдун, они у тебя будут на посылках, и каждый год им надо платить — или же теленок сдохнет в селе или что. Одна молодница сына отдала чертям (с. Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл.).



Черная магия. Гравюра, XVII в.

Еще один способ стать колдуном — прочитать книгу «черной магии», с ее помощью можно изучить тайное знание, установить контакт с нечистой силой, узнать будущее. Читать такую книгу нужно только по ночам, при свече, растягивая чтение на год или на три года. Во время чтения человека будет пугать всякая нечисть — например, показываться гадюки. Саму книгу в село приносят «чужие» люди — странники, цыгане. Владеть такой книгой для непосвященного в колдовство человека опасно — если он откроет ее и не освоит до конца, то может сойти с ума или его могут замучить черти. Одним из способов

приобретения колдовского знания было также владение цветком папоротника. Можно стать колдуном с помощью специальной косточки черного кота, которого нужно сварить и разобрать в нем все кости, чтобы найти одну, делающую человека невидимым и дающую умение колдовать.

За обретение магического знания колдун должен расплатиться с нечистой силой в лучшем случае чем-то ценным из своего хозяйства (например, скотом), в худшем — кем-то из кровных родственников мужского пола (например, сыном или братом).

Был в Смедини знахарь. У него были жена и сын. Он мог шептать и сделать [магическое]. За это он должен был свою кровь [кровного родственника] дать. А кто у него есть — жена и сын. Ночью к нему черти пришли, в пропасть кинули и бить начали. Говорят: «Дай коня!» А он говорит: «Берите кобылу!» Они его снова мучают: «Дай коня!» А он: «Берите кобылу!» Однажды ночью он не выдержал, да и говорит: «Берите коня!» Тут же черти исчезли, а наутро его сын умер (с. Голубица Петриковского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Колдун может принимать вид кота, собаки, свиньи, петуха, но, главное, может превращаться в волколака и в таком образе вредить людям.

Колдуны вместе с нечистой силой носятся, крутятся в вихре, а также с его помощью напускают порчу на других людей. Вообще насылание порчи — одна из наиболее характерных функций белорусского колдуна. Он подкладывает во двор своей жертвы наговоренный предмет (например, землю с кладбища), льет под хату или хлев воду, которой обмывали покойника, берет след из-под ноги человека и потом высушивает его в печной трубе, насылает на человека по ветру вредоносный заговор и подобное. Колдун в ряде случаев вынужден насылать порчу помимо своей

воли, когда ему «время приходит» вредить, — в этом случае он может направлять вред не на людей или скот, а на деревья и растения.



Свадебный поезд на дороге. 1942

Одно из самых распространенных действий колдуна — это порча свадьбы. Колдун может как навредить молодым (испортить свадьбу), так и помочь им. Именно поэтому «своего», местного колдуна часто приглашали на свадьбу главным распорядителем (дружкой) или почетным гостем в надежде на то, что он будет противостоять козням других колдунов. Соперничество двух колдунов на свадьбе (и не только), когда они меряются колдовской силой, связано с представлениями о том, что есть более сильные и более слабые колдуны. Доказательством колдовской силы считается умение свистом вызывать чертей или вернуть из леса заблудившуюся скотину. Меряться силой колдуны могут по-разному, например это может быть *змаганне горилкою* (соревнование в питье наговоренной водки): колдун заставляет выпить соперника рюмку водки, в результате у того выпадают все зубы, начинаются рези в животе или рюмка ломается в руке. Когда же

соперник своей водкой угощает колдуна, тот слепнет на оба глаза, превращается в волка и т. д. Наиболее сильным колдуном считается тот, кто может не только навести порчу, но и снять ее, что требует гораздо большего умения.



Плетеная корзинка с едой. 1847

Белорусскому ведьмаку приписываются и более специфические виды порчи, связанные с «ядовитым» хлебом. Колдун подвешивает на дерево головой вниз убитую гадюку, а под ней кладет хлеб так, чтобы яд из гадюки вытекал на этот хлеб. Затем он угощает этим хлебом (или водкой, настоянной на таком хлебе) свою жертву — этот мотив известен в Брестской и Гродненской областях.

Связь колдуна со змеями и прочими «гадами» (лягушками, ящерицами, мышами) проявляется по-разному: колдун вызывает к себе змей свистом, насылает их на дом своего недруга,

вселяет змею или ящерицу в нутро человека, в результате чего человек начинает болеть, сохнуть и умирает. Когда удастся снять эту порчу, она выходит из человека ящерицами, ужами, червями и прочей нечистью. Змеи могут приносить колдуну молоко, зерно, деньги, уворованные у других людей.

Колдуна тоже ждет тяжелая и мучительная смерть, а после черти завладевают его душой. В гомельском Полесье на вопрос о взаимоотношениях колдуна и нечистой силы отвечают: «Как живой знахор, то ему служит черт. А умрет, то уже черт им владеет, уже знахор ему служит». Доказательством того, что человек при жизни знался с чертями, служит сильная буря в момент его смерти или змеи, заползшие к нему в гроб. Колдун-отец перед смертью просит сына, чтобы он наблюдал за его смертью и избавил бы его тело от чертей, которые попробуют в него влезть (чтобы потом «ходить» в его облике и пугать людей), — для этого сын должен вылить на тело отца кипяток и изгнать оттуда нечистую силу. В противном случае отцу грозит участь «ходячего» покойника. В результате предпринятых сыном усилий ошпаренные кипятком черти выскакивают из дома и уносят с собой тело колдуна так, что родственникам нечего хоронить.

Перед смертью колдун стремится избавиться от своего магического знания — он должен «передать чертей» любому, кто согласится их принять. Основной способ — попытка умирающего дотронуться до руки кого-то из домочадцев (о тяжело умирающем колдуне говорят, что «он просит руки», чтобы в нее передать чертей). Знание обычно передавалось младшему кровному родственнику (младшему сыну, брату, племяннику), иначе оно утратит свою силу. Смерть колдуна сопровождается непогодой, вихрем, бурей, которые возникают, когда его грешная душа выходит из тела или когда его хоронят. Вообще степень греховности умершего человека часто определяется по состоянию погоды в момент его смерти:

«Хорошая душа как умрет — так солнце да погода хорошая. А если какая завить [вихрь] — так это галдун умер, говорят» (Гомельская обл.).

При погребении колдуна соблюдаются те же профилактические меры, что и при похоронах ведьмы, чтобы он не стал «ходячим» покойником: в гроб помещают освященные травы, колючие и острые предметы (серп, нож, иголки), сам гроб и могилу обсыпают освященным маком или просом, втыкают по краям осиновые колышки.

ЗНАХАРИ

Знахарь использует свое магическое знание преимущественно для помощи человеку. Однако словом *зна́хор*, *знахо́рка* могут называть не только помогающих специалистов. Считается, что любой магический специалист может как навредить, так и по-



Знахарка. Беларусь, ок. 1880-1885

мочь, в зависимости от ситуации и личного расположения или нерасположения к конкретному человеку.

Однако в целом различие между «плохими» и «хорошими» носителями тайного знания все же существовало: «Каўдун, волшебник — то плохой. Знахор, знахорка — это хорошие» (с. Присно Гомельской обл.).

Знахари не прибегают к помощи нечистой силы и не заключают с ней договор, а действуют

с помощью слов и молитв, святой воды, лечебных трав, освященных и ритуальных предметов. Знахарей, делавших добро людям, чаще всего называли *шептунами* или *шептухами* — по способу их магического воздействия заговорами, которые они произносили шепотом.

Шептуха — это та, что помогает. Конечно, шептуха — это хороший человек, она помогает, шепчет (с. Замошье Гомельской обл.).

Шептатъ в белорусских говорах имеет специфическое значение «лечить заговорами», поэтому шептуны могли выделяться в отдельную группу «знающих» людей, отличных от знахарей.

Основное занятие знахарей — исправление и нейтрализация вредоносных результатов деятельности колдунов: снятие порчи и сглаза, лечение людей и скота, особенно от болезней, образующихся путем магического воздействия (например, *ночниц* — детской бессонницы или *ляка* — испуга), обезвреживание залома, обнаружение виновника порчи, возвращение заблудившегося скота, расколдовывание людей, превращенных колдунами в волколаков. Лиц, использующих свое знание только для лечения людей, часто называют просто: *бабка*, *бабушка*, *дед*, *дедушка*, *старик*, *что знает*.

Знахари, как и колдуны, различаются по магической силе: те знахари, у которых «крепче кровь», считаются «сильными», способными преодолеть порчу, насланную другими магическими специалистами. Главная задача знахаря, приглашенного на помощь, — правильно определить источник и причину бедствия. Знахарь сообщает хозяевам, кто именно наслал порчу, где в доме находятся зловредные предметы, на которых порчу подкинули в дом (кости животных, яичная скорлупа, дохлая змея, спутанные волосы). Знахарь может показать виновника болезни и несчастий в наговоренной воде или в зеркале или вообще заставить его явиться в дом и разоблачить

себя, а также переадресовать насланное зло на того, кто его сделал.

Вот было у моего кума. За одну неделю у него пропали четыре коровы и заболел конь. И он пошел к знахарю. И знахарь ему показал все в зеркале. И говорит куму: «Ищи у себя в хлеву, у тебя там что-то такое есть». Кум приехал домой, пошел в хлев. И уже нашел в своем хлеву в мешочке яйцо сухое, какую-то косточку, какие-то волосы и там или заячья, или кошачья лапка такая. Все было заткнуто вверху в хлеву. И знахарь ему сказал вынести все на вилах — руками, говорит, не бери — выйти на перекресток и уже сжечь — то он придет, тот человек, что это сделал. И уже пришел тот человек, и он сразу сдох — печет его [того, кто навел порчу] что-то, кум же спалил тот мешочек, ну его печет (с. Кривляны, Жабинковского р-на Брестской обл.).



Г. Мясоедов. Знахарь. 1860

Важным умением знахаря считалась его способность делать *зацѣн* или *засечину* на пропавший или заблудившийся скот. В экстремальных ситуациях, когда корова не возвращалась вечером с пастбища домой, знахарь, *затѣнник*, втыкал нож, иголку или топор в стену дома или хлева, шептал заговор, в результате чего вокруг заблудившейся коровы образовывалось символическое ограждение — она всю ночь оставалась на одном месте, и ее не могли тронуть ни один зверь. Утром знахарь вынимал нож, и корова сама возвращалась домой. В других случаях, чтобы вернуть корову, знахарь кликал (*зукал*) ее в печную трубу, называя по имени.

Хороший знахарь обладает способностью к ясновиденью, к прорицанию, он умеет ворожить, а потому его называют *ворожун*, *ворожка*. Он может предсказывать, угадывать события — грядущее несчастье, стихийные бедствия, — правильно истолковывать значение снов. Способность к прорицанию дается таким людям от рождения (знахарка сидит дома, но знает, где что делается), но ворожки могут угадывать будущее и с помощью гадания на картах или по звездам. Знахарь может определить, от какой причины произошла болезнь, выживет или нет больной человек, сколько лет ему осталось прожить. Знахаря обязательно приглашали при выборе места для строительства нового дома, поскольку от правильно или неправильно выбранного места зависит будущая благополучная или бедственная жизнь всей семьи.

Говорят, что есть такое несчастливое место для постройки дома. Был такой дядька — мне на руку посмотрел и сказал, что ты не будешь счастлива на этом месте. И я восемь покойников похоронила. Вот раньше были такие знахари (с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл., 1986 г.).

В ведение знахарей входила и любовная сфера человеческой жизни — как и колдуны, они могли «приворожить»,

«присушить» парня к девушке (или девушку к парню) с помощью специальных заговоров-присушек; могли магически воздействовать на мужа, который изменяет своей жене, отвратив его от любовницы и одновременно приворожив к жене. На парня или девушку насылается любовный огонь, тоска по объекту любви, а само любовное чувство описывается как сумма бурных физиологических процессов: сердце болит, кровь кипит, а сам привораживаемый не может без объекта своей любви ни есть, ни пить, ни спать.

Чтобы избавить привороженного человека от искусственно насланной на него тяги к определенной женщине (или наоборот, если объектом присушки становилась девушка), что было, по сути, видом любовной порчи, знахарь применял заговоры-отвороты, которые наговаривались на еду и давались жертве приворота.

Деятельность знахаря включала разнообразную хозяйственную магию, например, с помощью заговоров он выводил из дома вредных насекомых, особенно тараканов, которых он мог заставить выйти из хаты, приглашая их на свадьбу кукушки, удода или жабы.

Знахари умели тушить и локализовывать пожар, например с помощью чтения молитвы «Отче наш» задом наперед или обхода горящего дома со свечой, освященной на Сретенье. В селах Гомельщины знахари умели потушить пожар, призывая на помощь утопленников (нужно знать имена двенадцати утопленников), которые облетали пламя в виде белых мотыльков и не давали огню перекинуться на другие строения.

Знахарь передает магическое знание и заговоры, как правило, в конце своей профессиональной «карьеры», потому что после он лишается возможности самому их использовать. Знание передается обычно «по крови», то есть кровным родственникам, но, если у знахаря нет наследников, он может передать их постороннему человеку младше себя.

«ЗНАЮЩИЕ»

В белорусских (как и общеславянских) представлениях есть целая категория лиц, не колдунов и не знахарей, но владеющих некоторым тайным знанием, недоступным обычному человеку. Таких людей, как правило, не называют напрямую колдунами, но говорят, что они «что-то знают», обладают ясновиденьем и приобретают свое знание с помощью нечистой силы.

Первая группа — это представители других не-крестьянских профессий: гончары, пастухи, кузнецы, пасечники, мельники, печники, строители, рыбаки, охотники, музыканты, солдаты, бабы-повитухи. С точки зрения крестьянина, постигнуть тонкости той или иной профессии и стать в ней успешным невозможно без помощи нечистой силы, поэтому любой ремесленник априори воспринимался как человек, пользующийся в своем деле колдовскими приемами: пасечник — для успешного разведения пчел, рыбак и охотник — для успешного промысла, пастух — чтобы уберечь стадо от хищников и найти заблудившуюся корову, музыкант — чтобы виртуозно играть на скрипке. Вторая группа — люди, которые проводят жизнь в дороге и своими привычками (и этнической чуждостью) отличаются от крестьян: нищие, странники, цыгане.

Всем им приписывались способности, сходные со способностями колдунов и знахарей, — они могли диагностировать болезни и лечить людей (особенно повитухи, занимавшиеся лечением детей от сглаза и порчи), предсказывать судьбу



Рыбак. 1804–1817

новорожденных, распознавать воров и узнавать, где находится украденное, тушить пожар, отгонять градовые тучи, насыщать и снимать порчу, изгонять чертей, гадать и ворожить. «Знающие», как и колдуны, могли получать свое магическое умение при рождении, если рождались в определенное время — «в такую планету уродится». В других случаях такому знанию можно научиться у колдунов, из «черной» книги или вступив в соглашение с чертом.

Кузнец учился ковать. Пошел до знахаря. Тот сказал: «Я тебя научу». Человек [клиент] зашел в кузницу — а там кузнец с чертом сидит — испугался и бежать. Это тот знахарь так сделал, чтобы к кузнецу черт пришел и научил ковать (с. Мокраны Малоритского р-на Брестской обл., 1982 г.).

Профессиональный и этнический состав «знающих» мог меняться и дополняться со временем. Еще в начале XX века к знающим причисляли смолокуров (занимавшихся выгонкой смолы из хвойных деревьев) — в Речицком Полесье мастеру-смолокуру приписывали дружбу с чертями, благодаря которой он знал, что где делается и что где случится в будущем; знал, как лечить разные болезни, понимал язык животных и птиц, умел снимать порчу, но зла людям не делал. После того как профессия смолокура утратила актуальность, она перестала ассоциироваться с магическим знанием.

В белорусской народной культуре рано появились такие инструменты, как скрипка, цимбалы, волынка (*дудá*), и коллективы полупрофессиональных музыкантов, игравших на свадьбах и праздничных гуляниях. Умение играть на музыкальных инструментах также связывали с магическими практиками и помощью нечистой силы. За науку музыкант нередко расплачивался или собственным здоровьем (черт-учитель делал его калекой) или здоровьем родных.

У нас когда-то говорили: тех скрипачей дьяволы учат. Шел человек со скрипочкой, а навстречу ему другой человек и говорит: «Я научу тебя играть лучше всех на свете, только ударь меня коленом по ж...». Задачу такую дает ему и нагнулся. Скрипач и ударил его по ж... и сбил колено. «Что это такое?» — думает. Смотрит — а там не человек лежит, а камень, черт в камень перетворился. Вот и остался скрипач калекой, но всю жизнь красиво играл на своей скрипке, до смерти лучше всех играл (с. Кончицы Пинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

Все успешные музыканты умеют колдовать, и часто два музыканта, как и два колдуна, соперничают на свадьбе, меряются магической силой — один делает так, что у второго рвутся все струны на скрипке, тогда второй превращает гриф на скрипке противника, *кобылку*, в настоящую кобылу, которая оживает и убегает.



Деревенский скрипач. 1885

Музыкант, как и колдун, может испортить свадьбу, превратить гостей в волков. самого музыканта постоянно искушают и обманывают черти, заставляя его играть на их свадьбах

и сборищах и обещая ему хорошую награду, но в результате вместо денег и золота он обнаруживает у себя в карманах сухие листья и навоз.

Гончарное ремесло считалось почетным и уважаемым занятием, а также одним из самых «колдовских», обучение которому также требует обращения к нечистой силе. Горшечники не только делали посуду, но и сами возили продавать ее по ярмаркам и селам (то есть выступали в роли странствующих торговцев), и им, как и странникам, приписывается способность видеть невидимое. Гончар способен видеть, как приходят души умерших на поминальный ужин, и даже принимать участие в таком ужине вместе с одним из умерших (солдат или нищий также способны видеть души приходящих *дедов*).

Ехал горшечник, да ночевал на кладбище, заехал туда ночевать. А покойник идет на поминальный ужин [*на Деды*] да говорит тому горшечнику: «Идем, — говорит, — ужинать». А тот боится оставлять горшки и коня, а покойник говорит: «Не бойся, никто не тронет». Пришли они ужинать, а люди в хате не видели, как они ужинали. А утром тот горшечник вспомнил, что забыл в той хате свой нож. «Я, — говорит, — вчера у вас ужинал и забыл свой ножик». — «Нет, — говорят, — ты тут не ужинал». — «Нет, — говорит, — ужинал». Посмотрели — под кленкой тот нож лежит. Это, говорят, святая душа приходила [*вместе с гончаром*] (с. Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Гончар может распознать ведьму, сбившую масло из молока, отобранного у чужих коров, он может давать советы по лечению болезней, он способен наказать, «пригвоздить» к месту любого, кто захочет украсть у него с воза посуду.

Строители тоже обладают магическими способностями. Только «самые ведьмаки могут строить хату», потому что они могут

«зарубить дом на беду» — положить заклятье на всю семью или на одного из ее членов, особенно если они будут недовольны угощением и оплатой. По общеславянским представлениям, обеспечить прочность и долговечность дома можно, лишь положив в его основание строительную жертву, то есть «заложить хату» на чью-либо голову (на птицу, на собаку или человека). Строители могли подложить в основание дома и вредоносные предметы (например, кости животных), из-за которых в доме всегда будет сыро, там не будут переводиться мыши или тараканы, в хозяйстве не будет вестись скот или еще хуже — там вечно будет кто-то болеть или в семье будут постоянные драки и ссоры. Особенно опасным моментом строительства была закладка дома — в это время к месту стройки старались не подходить, потому что сказанное тогда строителями заклятие непременно исполнится.



Водяная мельница. Открытка, 1910

Пчеловодов и пасечников также считали людьми, обладающими магическим знанием. Они могли колдовскими способами переманить к себе рой с чужой пасеки, способны были распознать того, кто украл мед из их ульев, наказать человека болезнями, а после своей смерти они могли забрать пчел с собой на «тот»

свет. Чтобы пчелы хорошо велись, пасечник прибегал к кощунственным действиям во время пасхальной всенощной. На возглас священника: «Христос воскрес!» — он отвечал: «А я пчел осаживаю!»

Мельники тоже причислялись к числу тех, кто «что-то знает». Хозяин ветряной мельницы обязан был уметь воздействовать на ветер, вихрь и бурю, чтобы они не поломали мельничные крылья, поэтому его часто приглашали лечить *подвей* (болезнь, принесенную ветром). Чтобы водяная мельница хорошо работала и колеса в ней не ломались, мельник обязан был уметь поддерживать дружбу с водяным, которому при первых заморозках опускал под воду кусок сала, а иногда и часть свиной туши.

Одним из наиболее значимых для крестьянского сообщества профессионалов был пастух — ведь от его умения и магического знания, а также правильного поведения и соблюдения многих запретов и предписаний (в частности, пастух не стрижется и не бреется, воздерживается от сексуальных связей весь пастбищный сезон) зависели благополучие и сохранность всего сельского стада. Пастухи «что-то знают», приколдовывают, умеют заговаривать скотину от волков и других опасностей.

Бывало, что волки нападали на скотину. Пастух нож заговорит, а потом ставит нож тот в землю — и волк ни за что не подойдет к лошади или корове. Молитва есть такая, что пастух пошепчет-пошепчет, и скотина никуда не разойдется в поле, и никто не подойдет к ней в поле (с. Грабовка Гомельского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

Нищих и странников считали посредниками между человеческим и сакральным миром. Они обладали способностью предвидеть будущее, лечить болезни, распознавать причины хозяйственных неудач, находить клады и вообще видеть

недоступное простым людям, например, как ведьмы собираются на шабаш. Странники могли быть визионерами в ситуациях, когда сакральные силы (в частности, ангелы) нарекают судьбу новорожденному ребенку. Солдат, как и странник (ведь он все время находится в дороге), тоже может выступать в качестве визионера при наречении новорожденному его судьбы, а потом рассказывает об этом его родителям; он может вернуть волколаку человеческий облик, он способен управлять змеями, а также изгоняет черта из хаты у людей, принявших его на ночлег.



Цыгане в пути. 2-я пол. XVII в.

Особые магические способности приписывали цыганам (как и другим «чужакам» по этническому признаку — евреям, чехам): их ценили за умение лечить болезни (особенно лошадиные), раскрыть причину несчастий в хозяйстве, указать на виновника порчи, они могли остановить пожар, повелевать волками, предсказать будущее, но они же могли отомстить тому, кто их обидел (не одарил, не предоставил ночлег), — ввести в состояние гипноза, загуманить сознание людей, наслать болезнь или даже смерть. Считалось, что цыгане, подобно колдунам, получают свое знание из «черных» книг.

В белорусской традиции, в отличие от соседних польской и карпатской, нет персонажей, специализирующихся на отгоне градовых туч (*облакопрогонников, хмарников, градобурников*),

но само представление о том, что тучу можно отогнать магическими способами, хорошо известно. Это умение принадлежит людям неопределенного статуса — «старым дедам», «старой бабе», «старому пану», «тому, кто что-то знает», тем, кто владеет словами отгонных заговоров и молитв, а также особой палкой, способной отгонять градовые тучи. Чудодейственные свойства приписывают палке, которой удалось убить змею, или разогнать двух змей в момент их совокупления, или отогнать змею, собравшуюся проглотить лягушку. Этой палкой машут в сторону тучи, и она расходится в разные стороны.

Такие «знающие» люди могли запретить даже не туче, а самому Илье-пророку, который развозит тучи по небу, направить тучу на конкретное поле или село. В западнославянских, карпатских и южнославянских традициях облакопрогонник указывает, куда можно направить тучу, специальным персонажам, разносящим тучи по небу (например, самоубийцам или крылатым змеям *шарканям*).

«Знающие» обладали и другими полезными умениями: могли распознать ведьму, управлять змеями, которые собираются на их свист, способны остановить пожар и с помощью колдовства отомкнуть все замки.

ВОЛКОЛАК

Волко́лак (*воўкула́к, воўкун*) — человек-оборотень, который с помощью колдовства на всю жизнь или на время превращается в волка, но сохраняет при этом человеческий разум и многие человеческие привычки (например, он не способен есть сырое мясо). Одни исследователи считают слово *волколак* сложением двух корней **v̥lk* (волк) и **dlaka* (шерсть, шкура), а другие выводят его из сочетания названий волка и медведя

(из прусского *tlok* — «медведь»). Наиболее полно представления о человеке-оборотне сохранились в Брестской, Гомельской и Витебской областях.

Превращаться в волколака можно по собственной воле — ведьмы или колдуны оборачиваются волками, чтобы в таком обличье вредить односельчанам и нападать на их скот. Такое поведение, несомненно, осуждается общественной моралью. Однако они же могут из мести за какую-либо нанесенную им обиду превратить человека в волколака на определенное число лет или на всю жизнь. В этом случае человек, поневоле ставший волколаком, воспринимается как жертва злокозненного колдовства.

Превращение в волколака, как и любое оборотничество, является перемещением из человеческого состояния в «иное», нечеловеческое. Все способы превращения представляют собой ритуальное пересечение символической границы, отделяющей земной мир от потустороннего. Только в одном случае человек (ведьма или колдун) пересекает ее добровольно (перепрыгивает, перешагивает или кувыркается через преграду — воткнутый в землю нож, колышек, топор, гребенку и подобное), а во втором — по неведению или насильно (его принуждают пролезть сквозь хомут, накидывают на него наговоренный пояс, дают ему закланное ведьмой питье).



Волколак

Пересечение границы как в ту, так и в обратную сторону может совершаться одномоментно или поэтапно, когда человек последовательно перепрыгивает через несколько преград (три, пять, семь воткнутых в землю колышков, ножей, топоров, пней). После каждого этапа определенная часть тела становится волчьей или, напротив, человеческой. Если же во время отсутствия волколака кто-нибудь заберет эти ножи или выдернет колышки, то он навсегда останется в волчьей шкуре (или какая-то его часть, например хвост, останется волчьей).

Отец мне рассказывал. Был он в гостях у пастухов на выпасе. Гонят овец на пастбище — через день волк хватается овечку. А потом уже один пастух сказал: «Дайте мне ружье. Я все равно буду караулить, может, волка убью». Пошел он, видит: идет их сосед. А пастух за ним наблюдает. Шел-шел сосед и через голову перевернулся, головой вниз — и стал волком уже, и бежит, чтобы схватить овцу. Уже схватил овцу и на плечи закинул. А пастух бахнул из ружья и убил того волка, и овец пригнал в село, и кричит: «Идите, люди, я волка убил! Тот-то и тот-то овцу схватил». Да выкопали яму и закопали. А жена соседа-волка плачет: куда делся ее муж. Она же знала, что он волком оборачивался. Конечно, он знахарь был (с. Лисятичи Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

В некоторых случаях несведущий человек может случайно подглядеть за превращениями в волка (в редких случаях — в собаку) колдуна или ведьмы и, подражая им, повторить их действия, но потом не способен справиться с ситуацией и остается волком.

В большинстве случаев превращение человека в волка происходит помимо его воли: парня превращает в волка отвергнутая им девушка, зятя — злая теща, пасынка — мачеха, в ряде случаев человека волком делает собственная жена. Жертве дают

съесть заклуютую пишу или выпить заклуютое питье или просто проклинают его. При насильственном превращении в волка большое значение имеют действия с волчьей шкурой, заговоренным поясом, лентой или шнурком, которые в данном случае выполняют роль посредника между человеческим и «иным» миром — шкуру накладывают на жертву, а шнурком или поясом его обвязывают — они рассматриваются как магические узы, которыми связывается человек. Волчье обличье будет сохраняться, пока на нем не лопнет шкура, не разорвется пояс или шнурок.

Обиженный колдун, которого не позвали на свадьбу, может превратить в волков жениха с невестой и даже всех гостей. Колдун связывает над дорогой, по которой должна проехать свадьба, верхушки двух растущих по краям рябин, а сверху на ветки над дорогой кладет трех зарезанных старых петухов так, чтобы кровь капала на людей, проезжающих под этой конструкцией. Превращенные в волков участники свадьбы сохраняют знаки свадебной символики — свадебные рушники через плечо сохраняются под шкурой или превращаются в белые полосы на шкуре; они бегают стаей, повторяющей состав свадебного поезда, стараются обратить на себя внимание людей, чтобы те помогли вернуть им человеческий облик.

Ехала свадьба, и был дядька зол на них и всю свадьбу сделал, что пошли волками. Внучка спрашивает бабушку: «Почему, бабушка, волки собираются в Филипповский пост^{*} да воют?» — «Это свадьба, внучка, поет. Ведьма эту свадьбу перевернула в волков, и поэтому они и воют. Молодая стала волчицей, а сваты — волки. И она собирает целую свадьбу, и они табунами ходят» (с. Ковнятин Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

^{*} Рождественский пост, установленный в православной церкви с 15/28.11 по 24.12/06.01.

В белорусском Полесье о таком превращении говорят: «свадьба волками побежала» или «пустить свадьбу волками».

Если невеста, которую превратили в волчицу, оказывается беременной, то в положенный срок она возвращается к людям, чтобы родить ребенка. Понимающая, в чем дело, хозяйка помогает ей освободиться от волчьего обличья. Часто насильственное превращение человека в волка является мстью парню со стороны брошенной им девушки или ее матери-ведьмы.



Волк в зимнем лесу. 1887

Оборотничество совершается в стандартное время для активизации всей нечистой силы — ночью, в полночь. В Белоруссии слабо прослеживается связь волколака с лунными фазами (в гомельских быличках говорится о том, что превращение происходит в новолуние), по сравнению с другими славянскими традициями, например карпатской, где зависимость волколака от фаз луны является одним из центральных мотивов этого образа. Гораздо чаще указывают срок, на который человек подвергается заклятью, — обычно это один год, три года, семь лет, реже

указываются другие сроки — от нескольких недель до двадцати пяти лет.

В зверином виде волколак сохраняет человеческую сущность: у волколака «кожа волчья, а ум и сердце человечесь» (брест.), у него человеческий взгляд, он способен плакать, отбрасывает человеческую тень, а когда пьет воду в реке, то в воде отражается не волк, а человеческий образ. Превратившись в волка, волколак сторонится людей, уходит из дома в лес. Как и для любого проклятого, его перемещение за границу человеческого мира имеет принципиальное значение — он не может вернуться в пространство человека, пока не кончится срок заклятия или его не вернут с помощью специальных приемов.

Волколак автоматически разрывает все связи с человеческим обществом и включается в сообщество волков, становясь членом волчьей стаи, которая принимает его за своего. Однако, по другим представлениям, его отношения с волками носят вынужденный характер, а сам он тоскует по недоступному для него миру людей. Попытки установить связь с людьми кончаются неудачей, так как люди видят в нем обычного волка, прогоняют и бьют его. Волки также не любят его, издеваются над ним, заставляя его служить им. Волколак понимает человеческую речь, но не может говорить — речь возвращается вместе с человеческим обликом. При этом волколак понимает волчий язык и сам способен с ними общаться.

Одни считают, что волколак может нападать на людей и скот, забираясь в хлев и утаскивая скотину. Другие, что он не нападает на скот и не может есть волчью пищу, а сырое мясо пытается жарить на кострах, оставшихся от пастухов или охотников, питается травами, кореньями или едой, подобранной на полях или у пастушьих костров, ищет или ворует человеческую пищу (хлеб, картошку, подбирает крошки, очистки).



Охотник. 1892

Возвращение человеческого облика происходит, как правило, при пересечении волколаком символической границы в обратном направлении: нужно перекувырнуться или перепрыгнуть через ножи (пни, колышки, топор, забор, ров, реку, упавшее дерево и т. д.), пролезть через хомут в противоположную сторону.

Иногда возвращение человеческого облика происходит само собой после того, как истек срок заклатья (обычно три, семь, девять лет), — в этот момент волчья шкура сама спадает с человека. В некоторых рассказах это событие совпадает с пересечением волколаком символической границы, отделяющей его от людей. За время пребывания в волчьем облике одежда истлеветает на нем, и при возвращении человеческого состояния он оказывается голым.



Речка у села. 2-я пол. XIX в.

Вернуть волколаку человеческий облик можно, символически приобщив его к человеческому миру: назвав его по имени, накрыв человеческой одеждой, набросив на него снятый с себя пояс со словами: «Господи, помилуй!» — прочитав над ним молитву или совершив церковные обряды. Даже в этом случае у жертвы заклятья часто остаются клочки волчьей шерсти на ладонях или спине, раскосые волчьи глаза и волчий взгляд, большой рот, руки, выгнутые наподобие волчьих лап, сросшиеся брови, иногда расстройство психики (в брестской быличке бывший волколак с трудом подавляет желание съесть собственного ребенка).

У ведьм и колдунов, которые периодически принимают волчий облик, чтобы вредить людям, могут навсегда остаться волчьи части тела (обычно хвост или ноги), если сторонний наблюдатель случайно или намеренно нарушит их процесс превращения в человека. Если этот процесс представляет собой ряд однородных действий (кувырканий, прыжков через

определенное количество колышков, ножей или топоров), то наблюдающий за этим человек прерывает последний этап, вынув один из ножей или колышков, в результате чего одна из частей тела оборотня остается волчьей.

СГЛАЗ

Сглаз — вредоносное магическое воздействие на человека, его семью, скот и хозяйство посредством «злого» глаза, завистливых мыслей и слов. Наиболее распространенным названием для сглаза является слово *урóки* (производное от корня *рек- с семантикой говорения; ср. древнерусский глагол *ректи* «говорить», русский глагол *нарекать*), а действие по наведению сглаза называется *зурочыць*. Та же семантика говорения содержится в гомельских названиях сглаза *намóўка* и *примóўка* с тем же корнем, что и белорусское название речи *мова*. Сглаз также может называться *по(а)думы* (производное от глагола *думать*) или словами, имеющими семантику взгляда, — *подивок* или *подиў*, а также семантику встречи, контакта — *пристрек*. В устойчивых формулах, обозначающих факт появления сглаза, он представлен как самостоятельный субъект действия, совершающий агрессию: «уроки напали».

Вера в сглаз довольно близка другому родственному магическому явлению — порче. В некоторых случаях бывает сложно отличить эти явления, поскольку их иногда называют одним термином *уроки*, их вредоносное воздействие направлено на один и тот же круг объектов, а результаты этого воздействия во многом совпадают. Но механизмы их влияния все же разные. Прежде всего в основе сглаза лежат способы ментального воздействия на жертву — с помощью взгляда, мысли или слова, к порче же по большей части относится контактная магия, а переносчиками вреда служат материальные предметы.

Сглаз часто осмысливается как непреднамеренное, спонтанное воздействие, возникающее помимо воли человека, способного сглазить (отсюда представление о том, что человек может сглазить сам себя, своих детей и свое хозяйство). Этим сглаз отличается от порчи, которая всегда понимается как преднамеренное, сознательное причинение зла с помощью заранее подготовленных магических средств. Наконец, сглаз от порчи отличается степенью «профессионализма» тех лиц, которые способны причинить зло. Насыление порчи связано преимущественно с лицами, обладающими специальным колдовским знанием, — с ведьмами, колдунами, «знающими», а способность сглазить не требует специального знания и часто не зависит от воли самого человека.

Человек может быть неплохим, а глаза плохие (с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл.).

При сглазе лишь в особо тяжелых случаях обращаются за помощью к знахарю, обычно же излечить его может любая женщина, знакомая с основным набором приемов «домашней» магии. Тогда как избавление от порчи требует обращения к магическому специалисту.

Во многих случаях сглаз воспринимается как комбинированное ментальное воздействие мысли, взгляда и слова, объединенных завистью к чужому благу.

Болезненные последствия сглаза объединяет внезапное и острое начало, которому предшествовал визуальный контакт жертвы с человеком, способным сглазить, то есть обладающим «злыми», «дурными», «погаными» глазами: Симптомы сглаза зависят от его силы (сильный сглаз или слабый), а также от личной восприимчивости человека — от легкого недомогания и слабости (головная боль, зевота, ломота во всем теле) до тяжелой болезни и даже смерти. Абсолютно здоровый

ребенок вдруг становится вялым или, наоборот, крикливым, беспокойным, отказывается от еды, слабеет, у него начинается жар. Хорошая, спокойная корова, дающая много молока, внезапно становится упрямой, ревет, не подпускает к себе хозяйку, перестает давать молоко. Нитки у хорошо ткавшегося полотна начинают рваться и путаться, а удачно начавшаяся работа кончается провалом.

Сглазу может быть подвержен любой человек, домашняя скотина, урожай, хозяйственная деятельность (ткачество, сбивание масла, строительство и т. п.), но чаще всего сглаз падает на красивую, нарядную девушку, здорового, хорошо растущего ребенка, плодовитую корову, успешное хозяйство, в котором все хорошо *ведется*, то есть плодится, развивается. Все, что обладает высокой жизненной силой, представляет собой ценность и может стать объектом чужой зависти. Наиболее уязвимы для сглаза люди и животные, находящиеся в состоянии «перехода», — беременные и роженицы, дети, особенно еще не имеющие зубов или с молочными зубами, а значит, «мягкие», незрелые; молодняк скота, корова после отела, а также особо ценная работа, находящаяся в незавершенном состоянии (прежде всего ткачество и пряде-ние), то есть все, что находится в состоянии роста, развития, незавершенности.

Чаще всего сглаз падает на скот, в первую очередь — на корову, ее молочность. Молоко, самый ценный продукт, связан с коровой как часть с целым, поэтому вредоносная сила сглаза, направленная на молоко, непосредственно отражается и на корове. Этим объясняется строгая регламентированность всех норм поведения, связанных с молоком, особенно во время доения, переноса молока по улице или передачи его другому лицу: надоенное молоко необходимо закрывать полотном от чужих глаз, добавлять в него щепотку соли при передаче

другому человеку, а в день отела нельзя отдавать что-либо из дома, чтобы с этим не отдать молоко.

Белорусские представления о людях, способных сглазить, можно разделить на две категории. К первой категории относятся общеславянские поверья о лицах, обладающих «злыми», «погаными», «дурными» глазами, при этом само наличие такой особенности у человека просто упоминается, но никак не объясняется — «такие очи бывают».

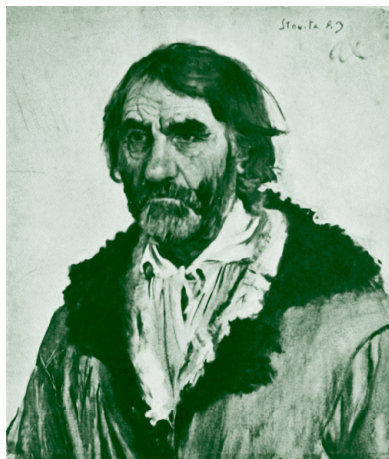


Крестьянин с коровой. Ок. 1910

Ко второй категории относятся представления о людях, у которых способность к сглазу является результатом каких-либо социальных или биологических отклонений еще при рождении и в которых сам человек неповинен. В эту категорию входят те, кого мать дважды прикладывала к груди (то есть начинала кормить грудью повторно, после того как уже отлучила от груди), кому дважды перевязывали пуповину, у кого два ряда зубов, а также близнецы. Как видно из этого перечня,

в него входят мотивы с семантикой удвоения, двоичности, что объясняется негативными, демоническими свойствами числа «два» и повторно совершаемых действий.

Это бывают очи такие плохие. Может что-нибудь подумать, посмотреть — и сделает плохо. Говорят — *зурочил, подивок, уроки*. Пусть он ничего не знает, не умеет колдовать, но подумает или посмотрит. Обыкновенный человек, как все, но мать тогда два раза грудь давала ребенку. Как уже отлучила, то не давай, пусть поплачет. А то опять даст грудь — так он уже станет урочливым. Очи поганные будут уже. А такие, что отговаривают эти уроки, — шептуны отделивают. Пошепта-ла — и отпустит [болезнь] (с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).



Старик с карими глазами. 1908

Ведьмы, колдуны и вообще «знающие», разумеется, тоже обладают способностью к сглазу, но это не основной вид их вредоносной деятельности.

Иногда считается, что ведьмы могут распространять *уроки*, пуская их по ветру, как и порчу, — на кого попадет такой ветер, тот заболит.

Обезвредить потенциального носителя зла можно с помощью коротких охранительных формул: «Соль тебе в очи, держак [стертый веник] в плечи!», «Свой взгляд заведи назад!», «Что думаешь мне, пусть будет тебе!». Такой набор устойчивых и однотипных формул был инструментом «домашней», бытовой магии, которой обычно владела любая замужняя женщина, — подобное знание входило в сферу ее ответственности наряду с другими хозяйственными навыками.

Помимо словесной защиты, существуют охранительные действия по профилактике сглаза — использование в качестве оберегов острых и колющих предметов, чтобы на них «наткнулся» «злой» взгляд, обсыпание солью или маком охраняемого объекта (например, хлева, где стоит корова), бросание вслед носителю «злых» глаз кусочков угля, соли для символического возвращения возможного зла.



Девочка с громничной свечой. Ок. 1890

Наиболее известные средства защиты от сглаза — это освященные предметы: святая вода, кусочки пасхального хлеба, ладан, свеча, освященные соль, мак, травы, вербные ветки. Их часто использовали в комбинации с другими видами оберегов (что усиливало их охранительные возможности), например с острыми и колючими предметами (иглой, булавкой или ножом), а также предметами, связанными с огнем и печью (углями или кусочками кирпича от печки). Небольшие фрагменты освященных предметов могли зашивать в мешочек или тряпочку и использовать в качестве амулетов для людей и скота. Такой амулет вешали на рога корове на весь пастбищный сезон, а детям и взрослым прикрепляли к нательному кресту.

Ладан прилепляли в шерсть корове. Привязывали на рог срезенской свечки немножко, немножко ладану этого, в узелок кидают освященную соль, что на Паску святили, немножко угля. Так если уже кто идет и корову оглядывает, то хозяйка уже говорит: «Соль и печина [кусок кирпича от печки] с твоими лихими очами, а заслонка в плечи, чтобы не приставали к моей корове речи» (с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Для личной защиты от сглаза обычно используют иголки и булавки, которые незаметно втыкают с изнаночной стороны одежды. Особенно тщательно защищали от сглаза и порчи жениха и невесту в день свадьбы, втыкая им иглы в подол одежды, в районе пазухи и крест-накрест на спине, сопровождая это охранительными приговорами.

В качестве оберега от сглаза широко использовалась мужская и женская одежда (часто нательное белье) — рубаша, юбка, особенно ее подол, мужские штаны, особенно область ширинки и пояса. Одежда соотносилась с человеческим телом

и заключала в себе мужскую и женскую плодородную силу (особенно те части одежды, которые соприкасались с гениталиями) и поэтому обладала способностью отворачивать опасность. При выгоне коровы на пастбище хозяйка обтирала ее подолом юбки, нижней частью рубахи, фартуком. Часто специально выбиралась самая грязная, «затасканная» часть одежды, чтобы сделать скотину нечувствительной к сглазу (как нечувствителен к нему грязный подол). Похожим образом использовали и мужскую одежду, особенно внутреннюю часть штанов, а также пояс или шнурок, на котором держались штаны (их могли привязывать на рога корове, как и хозяйкин фартук).

Уроков все боится — и корова, и кабанчик, и человек. Как поросится свинья или корова отелится, я беру мужнины штаны, чтобы они были грязные, захожу в хлев и повожу этими штанами по глазам скотине (с. Кончицы Пинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

Одежду использовали не только в качестве профилактического средства, но и для лечения детей и скота от последствий сглаза, вытирая их по спине или по глазам фартуком, подолом юбки, мужскими и женскими трусами, ширинкой мужских штанов, чтобы сообщить заболевшему ребенку или животному жизненную силу, утраченную ими в результате сглаза.

Детородная функция гениталий объясняет их охранительную функцию не только в белорусской, но и во всей мировой культуре, поэтому оберегом от сглаза могло быть как непосредственное обнажение (например, в брестском Полесье предписывалось раздеться донага при первом весеннем выгоне коровы на пастбище для защиты ее от дурного глаза), так и символическое изображение коитуса в виде

кукиша, который является общеизвестным охранительным жестом.

При лечении сглаза зачастую использовали те же магические приемы и средства, что и для его профилактики, — освященные предметы (особенно святая вода, которой sprыскивали или обмывали жертву сглаза, кусочки пасхального кулича или просфоры). Охранительно-лечебными свойствами обладали все человеческие выделения — слюна, моча, кал (например, чтобы маленького ребенка не сглазили, мать обтирала ему лоб своей слюной или мочой).

Для лечения болезней, полученных в результате сглаза, звали знахаря-шептуна, который произносил заговоры над больным или наговаривал на питье или еду, которые потом давали больному. Цель заговоров — изгнать болезнь из тела больного и обезвредить виновника заболевания. Заговоры знахарь обычно сопровождал ритуальными действиями, призванными очистить человека от сглаза, уничтожить болезнь или изгнать ее за пределы человеческого мира. Для этого больного обтирали рукой, фартуком, рукавом, подолом, мужскими исподними штанами, пасхальной скатертью; обметали лежащего веником; окуривали человека или скотину освященными травами; обмывали святой водой или водой, взятой из трех родников, которую потом сливали на больного через решето или через скобу входной двери; бросали в воду щепотку соли, угли, золу, лечебные травы и sprыскивали больного.

Широко известным методом лечения сглаза было символическое «перерождение» больного, при котором имитировался его проход через родовые пути: больного протаскивали (или заставляли перелезать) сквозь различные отверстия — рубаху, штанину, под лавкой, под столом. С этой же целью мать или знахарка клала больного ребенка на порог или на пол и трижды перешагивала через него крест-накрест, приговаривая: «Какая мать родила, такая и отходила».

ПОРЧА

Порча — основная форма вредоносной деятельности ведьм, колдунов и других «знающих». Это обширная и разнообразная совокупность магических приемов и средств, с помощью которых магические специалисты наносят ущерб жизни и здоровью человека, его семьи и хозяйства в целом.

Прежде всего это контактные способы, которые требуют специального колдовского знания и осуществляются с помощью материальных средств. Обезвреживание порчи почти всегда требует помощи магического специалиста (другого колдуна или знахаря), тогда как справиться со сглазом можно «домашними» магическими средствами.

На уровне названий в белорусских говорах порча и сглаз также различаются довольно отчетливо. Порчу чаще всего обозначают глаголами со значением «делать» — *робыць, прыробыць, под-делать* («она нешто мне зробыла», гомел.), тогда как для сглаза основным названием является слово *уроки* и глагол *зурочыць*, восходящие к корню *рек- «говорить». Такое терминологическое разделение не является строгим — в ряде случаев словом *уроки* может называться и порча, видимо, потому что последствия от порчи и от сглаза во многом совпадают. Действия по избавлению от порчи и сглаза также могут обозначаться одними и теми же глаголами: *одговорить* (брест.), *одроблять* (гомел.), то есть «отделывать».

Можно «испортить» человека (или целую семью), наслав на него болезнь, смерть, бесплодие, неудачу, разорение хозяйства, бедность. Порчу могут наслать на любого человека, его скот, хозяйство или работу, но самыми уязвимыми считались молодожены, беременные, роженицы, дети, скот в день отела, любое дело в момент начала, например строящийся дом при закладке первого венца. Наибольшее число разнообразных способов порчи предполагает вредоносное воздействие на физическое и душевное состояние человека.



Бедное семейство. Беларусь, ок. 1917

«Испортить» человека можно, наслав на него любую болезнь — паралич, эпилепсию, бесплодие, припадки, слабость, отсутствие аппетита, безразличие к жизни. «Испорченный» человек внезапно заболел, постепенно слабел и, если не принять специальных магических мер, мог умереть. Порча могла воздействовать и на психическую сферу человека, лишая его разума, в результате чего, например, он вел себя по-собачьи: гавкал, рыл руками землю. Если порчу навели на всю семью, ее члены умирали один за другим, дети рождались мертвыми или «не держались», то есть умирали в младенчестве, скотина «не велась», хозяйство разрушалось. Если не предпринимались срочные меры по снятию порчи, вся семья могла вымереть. Порче подвергались и отношения между супругами — они переставали ладить, вместо любви ощущали ненависть друг к другу, ссорились, дрались и расходились. Для этого колдуны подкладывали в дом щепку от буреломы (дерева, вырванного бурей), и в этом доме начинались ссоры и драки. По этой причине запрещалось использовать поваленное бурей дерево при строительстве дома — в семье будут ссоры.

Один из основных способов наведения порчи — это вредоносные заговоры и формулы проклятий, которые колдун или ведьма могут *пускать по ветру*.

«Стоит на сиянской горе дуб, на том дубу двенадцать какатов [веток], на тех какатах двенадцать чертов. Черты, заберите душу человека, чтобы она не пила, не ела, не спала», — этим заговором на женщину навели порчу — три года у нее болела голова. Пошла к бабе [знахарке], та погадала ей на воде и сказала, что порчу навели женщина и черный человек, — вот они в воде видны. Они черную магию читали, потом по ветру говорили на огороде. В это время жертва оказалась на своем огороде, и на нее попала порча. Наводила порчу ее соседка, которая перед смертью в этом призналась. На три года сделали, не на смерть, а чтобы помучилась (с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

Чаще всего заклятия наговаривают на специальные предметы — *поклáды* или *поклажи*, которые подбрасывают (закапывают, затыкают) в пространство жертвы. Через эти предметы передается вредоносное слово, но они и сами по себе имеют символику смерти, небытия, болезни, разрушения — мертвые животные (сухие жабы, дохлые мыши), кости, черепа, зубы людей и животных; предметы и земля, взятые с кладбища или от покойника (щепки от гроба, мерку от покойника, по которой делали гроб, воду, которой обмывали покойника); разбитые предметы (яичная скорлупа, разбитая посуда); мусор и вообще остатки чего-либо (спутанные волосы, обрезки ногтей, уголь, пепел, старый веник, камень), а также предметы, имеющие семантику бесплодия, например яйцо без зародыша.

Обычно поклад представляет собой несколько таких предметов, завернутых в узелок, который прятали под порогом дома или хлева, в углу, под столом или под печью. На западе Белоруссии, например, колдун затыкал сухие листья в углы чужого дома и произносил: «Как эти листья иссохли, так пусть сохнет такой-то!»

Порчу могли подбрасывать не только жертве в дом, но и вообще в то место, где она обычно ходит, например на дорогу. Для этого дорогу пересыпают предметами и веществами, имеющими символику смерти и бесплодия: сухими вениками (*деркачами*), сажей, песком с могилы, переливают наговоренной водой; ворота, через которые проходил скот, мазали кровью покойника. Поперек дороги клали нитку-*отворóтку* (*отворотки* или *отворотные* нити — нити основы, остающиеся лишними при тканье), чтобы *отвернуть* от жертвы удачу, здоровье, благополучие.

В данном случае действие основано на фонетическом сходстве двух слов: *деркачи* (стертые веники) и *драться*.

Дорогу могли символически перегородить, чтобы испортить конкретного человека, например беременную, но чаще всего таким способом вредили свадебному поезду и молодоженам. На дороге, где должны проехать молодожены, подкладывали гороховый стручок с девятью горошинами, который считался преградой для лошадей — они не могли двигаться дальше, пока стручок не уберут. Хотя такое действие не вредило напрямую молодым, любое препятствие на пути, не предусмотренное структурой свадебного обряда, считали плохим знаком, который расценивали как препятствие на совместном жизненном пути молодых. Подкладывание горохового стручка обычно сопровождали стандартной формулой: «Девять горошин, десятая — невеста, кони ни с места».

Порчу могли наговаривать на пищу или питье, давали съесть пропитанный змеиным ядом хлеб или колдун настаивал на таком хлебе вино. Порча, наведенная на питье, могла стать причиной возникновения у человека колтуна. Одним из следствий порчи могло стать появление в животе у больного змей, жаб или ящериц, которые там начинали расти, а человек болел и сох. Чтобы жертва не умерла, приглашали знахарей и «знающих» людей, которые могли выманить находящихся в человеке гадов с помощью привлекательной пищи. В витебских селах перед раскрытым ртом такого больного держали зеркало и миску с молоком — лягушек,

вышедших из человека на запах молока, убивали, чтобы они не могли вселиться в другого человека.

Умение наводить порчу на строящийся дом приписывали строителям, особенно если они по каким-то причинам были недовольны хозяевами. Наиболее опасен момент закладки дома, потому что он связан с понятием строительной жертвы, которая должна быть положена в основание строящегося здания для его крепости и долговечности. Строители могут заложить дом на чью-то голову — человека, животного или птицы. Это может быть хозяин дома, кто-то из членов семьи или просто оказавшийся поблизости случайный прохожий. Повсеместно существовал запрет подходить близко к строящемуся дому, особенно беременной, чтобы строители не заложили дом на нее саму или на голову ее будущего ребенка.



Хозяйка в курятнике. 1896

Механизм порчи заключался в том, что мастер молча или с заклятьем ударял обухом топора по первому венцу бревен или по центральному бревну, которое держит крышу, или делал

на нем зарубки. В заклятье указывали желаемые результаты порчи — смерть или болезнь одного или всех членов семьи, гибель скота. Мастер, который не хотел навредить людям, закладывал дом на голову животного, например собаки, которая вскоре после этого умирала.

Один из наиболее древних способов контактной магии — наведение порчи на след человека или скотины. Для этого колдун вырезал верхний слой земли, на котором отпечатался след человека или коровы, наговаривал на него вредоносный заговор, а сам след помещал в печную трубу (тогда жертва будет сохнуть, как сохнет след в трубе), выносил на перекресток или подкладывал в гроб покойнику. Такую порчу считали наиболее тяжелой для жертвы (обычно она заканчивалась затяжной болезнью или смертью) и плохо поддающейся обезвреживанию.



Крестьянский хозяйственный двор. Конец XIX в.

Одной из специфических форм порчи, известных в белорусской традиции, является *знос* (от глагола *зносиць* «сносить в одно место»), возникавший при встрече матерей, несших на руках младенцев примерно одного возраста. Такая встреча считалась опасной для одного из детей — он будет слабеть, кричать и может умереть. Подобная участь ждала, в частности, того

из младенцев, который окажется ниже другого. *Знос* представляет собой своеобразный поединок двух матерей, каждая из которых старается поднять или подкинуть своего ребенка выше другого, тем самым перенеся опасность на чужого младенца. При конфликтном сценарии одна из матерей с помощью заговора программирует нанесение вреда чужому ребенку («Пусть мое волчиное съест твое козиное»). При примирительном сценарии встречи одна из матерей могла предотвратить вредоносное развитие событий, предварительно произнеся заговорную формулу с пожеланием добра как себе, так и своей сопернице.

Любовный приворот и *отворот* — особые виды порчи. Они силой воздействуют на сферу человеческих чувств и имеют целью изменить сознание человека и искусственно внушить ему любовь или ненависть к той или иной персоне. Большинство способов наведения любовных чар основано на принципе мучения, боли, жжения, которые должен испытывать человек, подвергшийся чарам, пока не воссоединится со своим возлюбленным или возлюбленной. Например, для приворота парня девушка брала землю из-под копыта его коня, смешивала ее со своей слюной или менструальной кровью и замазывала в печь, чтобы парня без нее жгло, как огонь жжет эту землю. Особо жестокой формой любовной магии был случай, когда колдун из мести привораживал парня к какой-либо девушке (или наоборот — девушку к парню), а девушке одновременно с этим внушал отвращение к нему, то есть совершал *отворот*, в результате оба лица из этой пары испытывали тяжелые душевные муки, пока не находился знахарь, который избавлял их от этого наваждения.

Обезвреживание и уничтожение порчи требовало обращения к знахарю (шептуну или шептухе) или колдуну, который владеет приемами нейтрализации зла. Главная задача знахаря — обнаружить место, где скрыт вредоносный поклад, и указать на человека, наставшего порчу. Основным способом избавления

от порчи считали заговор — это основной инструмент деятельности знахаря, а потому хранился им втайне от непосвященных. О самом процессе обезвреживания порчи говорили: «шептун отговорил», «знахарь пошептал».

Вот тебе, примерно, положили под хату яйцо. Если найдешь яйцо около хаты или на печи и знаешь, что это не твое [не твои куры снесли], нужно его принести тому человеку, чтобы отговорил, есть такие бабушки, что пошепчут, ничего не будет вредить (с. Радеж Малоритского р-на Брестской обл., 1986 г.).

Поскольку воздействие порчи основано на контактной магии, существовал жесткий запрет прикасаться к вредоносным предметам голыми руками, иначе замышляемое зло перейдет на человека. Источник порчи необходимо было брать и переносить на лопате или на вилах, замотав руку тряпкой.

Универсальный способ уничтожить вредоносные предметы — сжечь их, обычно на костре из осиновых *однолетков* — однолетних прутьев, выросших в течение последнего года. Таким способом, в частности, уничтожали залом. Сжигать порчу нужно было на меже или на перекрестке, то есть в пограничном пространстве, предназначенном для магических практик, а не в домашней печи, что грозило опасностью жертве порчи. На перекресток принято было выносить всевозможные опасные и просто негодные предметы, которые подлежали ритуальному удалению из «своего», человеческого пространства.

Все потенциальное зло от порчи можно было перевести на того, кто ее сделал, с помощью ответных магических практик, что приводило к болезни, смерти наславшего ее лица или к убыткам в его хозяйстве. К числу экстренных мер по устранению вреда относились короткие заговорные формулы с семантикой отгона опасности и возвращения зла его носителю: «Что думаешь мне, получи себе» или «Нога за ногою, твое лихо за тобою». Считали, что

во время уничтожения порчи тот, кто ее наслал, будет мучиться от боли (его будет жечь, колоть, ломать), и он обязательно придет просить что-нибудь (немного соли, хлеба, муки), но ему нельзя ничего давать и вообще нужно следить, чтобы он не смог ничего взять со двора, даже щепку, иначе все усилия по устранению порчи будут напрасны.

Предметы порчи также пускали по текучей воде — это один из общеславянских способов символического изгнания их за пределы человеческого мира. Так поступали с любыми другими ритуальными и сакральными вещами, подлежащими отправке в «иной» мир, — с остатками пасхальной пищи, старыми иконами, высохшими просфорами, стружками, оставшимися от изготовления гроба. Кроме того, порчу можно было закопать на символическом пограничье (меже или перекрестке), положить под камень, предварительно обезвредив святой водой и крестообразно посыпав солью.

ЗАЛОМ

Залом (еще его называли *завитка*, *закрутка*, *завязка*, *кукла*, *кукса*) — это пучок растущих в поле колосьев, которые ведьма или колдун особым образом скручивали, завивали, связывали узлом или переламывали, сопровождая свои действия вредоносным заклятьем, чтобы причинить вред хозяину поля, его семье и его хозяйству. По своей сути залом это разновидность преднамеренной порчи.

Чаще всего заломы делали в жите, но могли сделать на чем угодно, даже на картошке. Обычно заломы изготавливали целенаправленно, чтобы навредить конкретному человеку (для других людей такой залом был безвреден) или конкретному виду домашнего скота (например, только лошадям или коровам). Но залом могли сделать и на любого человека, который к нему

прикоснется или съест хлеб из муки, смолотой из этих колосьев. С помощью залома стремились навлечь болезнь (особенно паралич) или смерть на человека или скотину, но могли воздействовать на плодородие и благосостояние всего хозяйства: урожай конкретного поля, молочность скота. Первое письменное упоминание о заломах в Белоруссии относится к 1661 году. Один крестьянин в Костеневичах обвинялся в том, что сделал своему соседу в поле залом, в результате чего тот умер⁴.

Изготовителями залома, как правило, были ведьма или колдун, которые выходили в чужое поле нагими или в одной рубашке, с распущенными волосами и скручивали колосья левой рукой, совершая движения налево, против солнца, произнося при этом заговор.

Завивки во льне, в жите накрест заломаны, положено кусочек хлеба и соли. Ведьмы раздевались догола и шли завивать, чтобы не до пары был куст [то есть в пучке было бы нечетное число колосьев], делали это, чтобы в хозяйстве не велось (с. Ковнятин Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).



Жатва. Ок. 1910

Залом делали во время роста, цветения и поспевания злаков, то есть во время их наибольшей вегетативной силы. Часто

изготовление залома падало на традиционные дни наибольшей вредоносной активности ведьм и нечистой силы — на Ивана Купалу, Троицкую неделю, на Юрьев день.

Как жито растет, то жонки сильно знахаровали. Идут в ночи, чтобы никто не видел, или на заходе солнца. И снимают с себя все, как мать родила, и все белье с себя снимает. Берет красные нитки, пригибает это жито, ломит и перегибает и перевязывает этими нитками — чтобы кто-нибудь помер или кому-нибудь что-нибудь сделалось плохое (с. Парохонск Пинского р-на Брестской обл., 1990 г.).

Вредоносный эффект от залома «программировался» ведьмой или колдуном с помощью заговора или вредоносной формулы, в которых указывалось, каким должно было воздействие на жертву. Например, перелаывая и загибая колосья, колдун говорил:

Кручу наопаки [наоборот, в обратную сторону],
Чтобы не было ни хлеба, ни муки.
Как это будет жать,
То на себе сорочку драть.
А как будет молотить,
То будет в сердце колотить.
А как будет молоть,
То будет в сердце колоть.
А как будет есть,
То на стену лезть
(с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл.,
1983 г.).

Случайный свидетель мог застать ведьму или колдуна на чужом поле за изготовлением залома и тем самым разоблачить их.

В одних случаях свидетель наказывал ведьму, заставляя ее отказаться от колдовства, в других случаях угрозами ведьма заставляла сохранить ее тайну и никому не рассказывать.

КОЛТУН

Колтун — это особая болезнь демонического происхождения в виде спутанных волос, свитых комом или плотными прядями (наподобие дредов), их невозможно расчесать и нельзя просто так остричь без ущерба для здоровья человека. Колтун проявляется также внутренними симптомами в виде ревматических болей, воспаления суставов, слабости, головной боли, ломоты во всем теле, а в тяжелых случаях приводит к слепоте и смерти. С одной стороны, колтун осмысливается как некое самостоятельное существо, обладающее собственной волей, о котором говорят: «Коўтун напал», «Коўтун человека мучит в середине», а с другой стороны, он считается результатом вредоносного воздействия колдунов и ведьм, разновидностью порчи и подлежит уничтожению магическими средствами.

Представления о колтуне распространены в сравнительно небольшом славянском ареале, центром которого являются польские земли и в меньшей степени чешская и словацкая традиция. У восточных славян это явление известно преимущественно в западных частях Украины и Белоруссии, у русских встречается в единичных случаях. В белорусском Полесье существуют и другие названия колтуна — *гостёц* (производное от слова *госьць*; ср. аналогичное польское *gościec*) и *лямец* (от глагола *лямчица* — о процессе завивания колтуна).

Причинами появления колтуна могли быть вполне рациональные явления — ревматизм, грязь, сильные переживания, особенности климата (сырая, болотистая почва), но чаще всего колтун — это форма порчи, болезнь, насылаемая магическим

путем ведьмами и колдунами на волосы человека, оставшиеся после расчесывания. Запрет выбрасывать куда попало волосы, оставшиеся на расческе, объясняли еще и тем, что из них птица может свить гнездо, что грозит человеку головной болью и возникновением колтуна. О колтуне говорили, что его «приделает кто-то», «это сделано» или его «кто-то накинёт». Колтун мог возникнуть у человека от соприкосновения с другим видом порчи — заломом, к которому поэтому нельзя прикасаться: «Коўтун — были такие ведьмаки, они могли нашептывать, или на жите — закрутят куклой несколько колосков, сожнет человек, и получается колтун» (с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., 1982 г.). В других случаях колтун возникал вследствие соприкосновения человека с нечистой силой, которая вертится, крутится в вихре.



У лекаря. Фрагмент картины, XVII в.

Как подлетит ветер такой большой и закрутит, и у тебя что-то заболит, так от этого коўтун сделается. Нужно походить с ним три года да срезать на Пасхальную всенощную и снести на реку — так хвороба и пропадет (с. Хильчицы Житковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Причиной колтуна считали явления, объединенные семантикой кручения, верчения — вихрь, свитое гнездо, закрученные в залом колосья. Возникновение колтуна могли связывать и с нарушением календарных запретов, например прясть на святки или мыть голову на Ивана Головесека (Усекновение головы Иоанна Предтечи, 29.08/11.09), а также со «злым» ветром, перелетевшим через голову, или соприкосновением с летучей мышью, вцепившейся в волосы больного. Однако в ряде случаев человек может сделать себе колтун намеренно — если начинает болеть голова или глаза либо возникают другие симптомы, через которые проявляет себя колтун, заболевший может облегчить течение болезни тем, что сам создаст (*запустит*) в своих волосах колтун (склеив волосы кусочком ладана и перестав расчесываться), тогда болезнь из внутренней стадии перейдет во внешнюю, видимую стадию, то есть собственно в колтун, и человеку станет легче.

Колтун также мог возникать от испуга (*переляка*) или сильных переживаний. В Минской, Гомельской областях различают мужскую и женскую разновидности колтуна (*каўтун* и *каўтуница*, *каўтуниха*), которые отличаются друг от друга по форме: мужская разновидность выглядит как продолговатые, спутанные, свисающие пряди, а женская имеет форму шапки и считается более опасной и трудной для лечения. Выделялся также *каўтун кастявый*, то есть пребывающий в костях. В заговорах на исцеление от колтуна упоминаются и другие его разновидности: головной, ушной, зубовой, нутряной, верховой и рассыпной. На западе Белоруссии считали, что есть некий «потайной» колтун, который потенциально находится в каждом человеке.

Колтун мучал и тряс человека подобно некоему демоническому существу, сидящему внутри больного и проявляющему собственную волю и собственные пристрастия, которые могли отличаться от воли и желаний человека (это напоминает широко известные представления о бесноватости — бес, сидящий в человеке, также диктует человеку свою волю). Обычно эти пристрастия касались пищи — если человек выполнял их, колтун вел себя тихо, в противном случае он мучил человека болезненными проявлениями. Симптомы колтуна связаны с заболеваниями нервной системы и поражением зрения и речи (паралич, слепота, болезни головы) — эта симптоматика очень схожа с болезнями человека, попавшего в вихрь. Когда человек неправильно себя вел по отношению к колтуну — пытался его расчесывать, отрезал самостоятельно (чего категорически нельзя делать) или избавлялся от него в неправильный момент времени, болезнь возвращалась.

Сам больной не мог самостоятельно отрезать колтун, не причинив себе серьезных увечий, — он мог ослепнуть, оглохнуть, его мог разбить паралич. Особенно опасно было отрезать колтун до тех пор, пока он не «созреет», то есть пока больной не проносит его определенное количество времени (год, два или три), за которое колтун достаточно завьется и отрастет. Отрезав его не вовремя, в недобрый час, болезнь можно загнать назад в голову, после чего человек заболит и умрет.

Коўтун на голове — так, как шапка делается. Коўтуница — когда вся голова в колтунах. Избави Бог это отрезать — человек умрет или сделается калекой, руки, ноги позакручивает. Тот, у кого болит голова, запускает эту коўтуницу, чтобы голова не болела. Не расчесывай — и он сам сделается (с. Стодоличы Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Всегда считалось, что «от колтуна, так же как и от сглаза, и от подвевня [болезни, полученной от ветра, вихря] никакой

доктор не поможет, только знахари знают, как их отговаривать» (брест.)⁵. Колтун заговаривал и отрезал специалист, который определял время и место лечения. Он должен быть «чистым» в половом отношении (лучше, если это будет человек старше больного) — это правило соблюдали при лечении многих заболеваний, полученных магическим путем. Знахарь отрезал колтун, усадив больного на первый сжатый в текущем сезоне сноп, или над миской с водой, или на пороге так, чтобы сам больной сидел внутри дома, а срезанный колтун упал бы за порог на улицу. Как правило, колтун срезали не ножницами, а отрубали топором, пережигали пасхальной свечой или раскаленным железом, отбивали по частям двумя камнями или, положив на наковальню, отбивали его молотком. В отдельных случаях предписывалось рубить колтун не сразу, а по частям, по двадцать волосков в день. При этом колтун мог вести себя как живое существо — после отрезания с него капала кровь, а сам он был способен перекинуться на того, кто его отрезал.



Деревянная церковь. Беларусь, 1844

Чаще всего колтун отрезали до восхода солнца в Чистый четверг (когда в православных славянских традициях принято

ритуальное очищение и избавление от болезней), а также во время Пасхальной всенощной, которая осмыслялась как временной рубеж, начало нового временного цикла, момент, когда магическими способами можно сконструировать желаемое будущее и избавиться от болезни.

Как и любые другие предметы, связанные с магической опасностью и порчей, отрезанный колтун нельзя было выбросить в мусор — его необходимо ритуально уничтожить. Колтун можно расчленить, разбить на мелкие части, положив в дорожную колею, чтобы его размолотило колесами (такой же прием применяли и для уничтожения залома), в муравейник, чтобы его растащили муравьи. Его можно подложить под кучу навоза, чтобы он там сгнил, или закопать в землю на перекрестке дорог. Но чаще всего колтун сжигали (в частности, в печи после выпекания пасхального хлеба или на перекрестке) или пускали по текучей воде. Мотив пускания колтуна по текучей воде хорошо известен в заговорах, которыми сопровождают его уничтожение:

«В Чистый четверг моются до восхода солнца, коўтунчики отбивают камнем, в новый платок завязывают и на бегучую воду, где вода бежит, пускают те коўтуны» (с. Лисятичи Пинского р-на Брестской обл.).

В некоторых случаях колтун не уничтожали, а, напротив, сохраняли, например на божнице за иконой, а после смерти человека клали ему в гроб — эта практика связана с представлением о необходимости восстановить целостность человеческого тела перед отправлением на «тот» свет (существовал обычай в течение жизни собирать обрезки волос и ногтей в особый мешочек, который после смерти клали человеку в гроб).

ГЛАВА 4



ДУХИ ДОМАШНЕГО И ПРИРОДНОГО ПРОСТРАНСТВА

В белорусской традиции есть персонажи, неразрывно связанные с домашним или природным пространством: домовик, ласка и домашний уж. Однако представления о них в разных частях Белоруссии неодинаковы. Более того, домовиком называют четырех разных персонажей, у каждого из которых своя связь с домом.

В северо-восточных районах Белоруссии (в Витебской, Могилевской областях, на севере Минской и на востоке Гомельской области) *домовик* (*хатник*) — это домашний дух, по своему статусу очень похожий на русского *домового*. Он мифологический хозяин, покровитель усадьбы (иногда только дома, иногда — всего хозяйства в целом). Домовик во многом определяет жизнь семьи и хозяйства: от домовика зависит состояние скота, он предсказывает будущее, а также наказывает человека за неправильное поведение и нарушение запретов. Он может быть единовластным хозяином, а может делить свои полномочия с *хлевником* — покровителем хлева и скота. Человек должен наладить с домовиком хорошие отношения, проявлять к нему почтение и вообще помнить о присутствии в доме невидимого, но важного существа.

По направлению к белорусско-польскому пограничью домовик постепенно исчезает из традиции. Его заменяют другие существа, обитающие в доме. Хотя их тоже называют домовиками, они не имеют ничего общего с духом-покровителем. В центральных и западных частях региона домовиком называют «ходячего» покойника, скорее всего, потому, что он постоянно возвращается к себе в дом и ведет себя как полтергейст. Никакого почтения и уважения к такому «домовику»

никто не испытывает, а, напротив, стремятся избавиться и защищаются оберегами. Домовиком также называют летающего змея — разновидность нечистой силы, которая приносит человеку богатство, но после смерти забирает себе его душу.

Домовиком, наконец, называют черта. Он замещает собой домашнего персонажа, однако его присутствие в доме тоже считают патологией — говорят, что он живет только у колдунов или в неосвященных домах.

В народной традиции важна не столько разница функций, сколько отношение к персонажу с точки зрения человеческой системы ценностей: хорошо или плохо, что он живет в доме, что давит спящего человека, что заплетает гриву коню? Одно и то же действие, например заплетание конской гривы или способность душить по ночам спящего человека, может восприниматься как положительное и как вредоносное.

В русской мифологии душить, давить спящего человека, выступать в роли ночного кошмара может только домовый, но в Белоруссии также известна *мара*, которая душит по ночам людей. Ее, как и *стригу*, которая мучает по ночам скотину, относят к домашним персонажам лишь условно. Ночные мучения — это функция домовика, «оторвавшаяся» от его образа и «превратившаяся» в некое самостоятельное существо.

Сведения о хозяевах хозяйственных построек — *лазнике* (хозяине лазни — бани), *евнике* или *осетнике* (хозяине овина), *пуннике* (хозяине сеного сарая) — немногочисленны, известны в основном по записям XIX — начала XX века и характерны исключительно для восточных районов Белоруссии, близких к русской традиции.

В традициях юго-восточных частей Белоруссии статусом домашнего духа может наделяться ласка. Сфера деятельности ласки ограничена в основном хлевом и двором и связана почти исключительно со скотом. Большинство действий ласки аналогично

скотоводческим функциям домовика (в его первом значении) и тоже носит двойственный характер, объясняясь ее любовью или нелюбовью к конкретной скотине.

На территории центрального и западного белорусского Полесья домашний уж считается хозяином дома, но иногда выступает просто как мифологизированное животное, живущее в доме. Представления об уже как о домашнем покровителе — часть общеславянского образа домашней змеи, вероятно, самого древнего домашнего персонажа. В этом качестве змея широко известна в западно- и южнославянских традициях (серб. *змија-чуваркућа*, чеш. *had hospodarčik*). Существует запрет на убийство домашнего ужа, живущего в доме, во избежание несчастий для всей семьи и разрушения хозяйства.

В белорусских верованиях существуют и духи природных пространств: водоемов, леса, в меньшей степени — поля. В северо-восточном ареале эти духи считаются хозяевами и покровителями мест, где обитают: *лесовики* — в лесу, *водяники* и *болотники* — в водоемах и болотах, *полевики* — в поле. Как и в русских поверьях о лешем, водяном и полевом, человек должен устанавливать почтительные отношения с мифологическими хозяевами, приносить им жертвы и правильно себя вести в их угодьях, дабы не рассердить их и не навлечь на себя суровое наказание.

Хозяин водного пространства, аналогичный русскому лешему, известен только в северо-восточных ареалах Белоруссии. На юго-западе, особенно на территории Полесья, в качестве водного духа выступает или черт, или особый персонаж (*по)топельник*. Интересно, что в польской мифологии известен *topielnik*. С белорусским «коллегой» их объединяет то обстоятельство, что они просто живут, находятся в водоемах, но вовсе не осмысляются как их хозяева.

Поверья о хозяине поля — *полевики* тоже существуют только в северо-восточных частях Белоруссии.

ДОМОВИК (ХАТНИК) И ХЛЕВНИК

В белорусском фольклоре отсутствует единый, общий для всей традиции мифологический образ хозяина дома — *домовика* (он же *хатник* или *хатный дидко*). Слово «домовик» в белорусских говорах может обозначать разных существ — как покровителей дома, так и нет. Домовиками их называют потому, что они просто связаны с домом, живут там или появляются.

В восточной части Белоруссии сильны следы влияния русских представлений о домовом. *Домовиком* или *хатником* там — это домашний дух, присутствие которого в доме оценивается положительно. Домовик влияет в целом на жизнь всей крестьянской усадьбы, и его часто называют *господар*, то есть «хозяин». Домовик заботится о подведомственном хозяйстве: в амбаре просушивает хлеб, в результате чего зерно спорнеет, то есть наполняется спориной — сытостью, жизненной силой; в хлеву задает корм скоту, гладит его, от чего скот становится бодрым и выносливым. Домовик может предсказывать будущее: например, он пляшет на лавке, если дела в хозяйстве идут на лад, и воет, стонет перед несчастьем.



Сельская хата. Беларусь. Ок. 1915-1922

Домовик любит дружную семью, не терпит свары и ссор, поэтому наказывает членов семьи за неправильное поведение и нарушение запретов. При этом домовик может вести себя как «беспокойный дух», полтергейст — пугать жильцов шумом, звуками, прикосновениями, прясть по ночам пряжу. Чтобы домовик хорошо относился к хозяйству, ему нужно угождать (в частности, оставлять ему кушанье, например молоко).

В каждой хате есть домовичок. Если он есть, это очень хорошо. Они защищают нас. Нельзя его злить, иначе может зло причинить (с. Заспа Речицкого р-на Гомельской обл., 1985 г.).

Поведение домовика по отношению к скоту может быть как положительным, так и вредоносным, в зависимости от того, любит он скотину или нет. В некоторых местах домовиков делят на хорошего (своего) и плохого (чужого, насланного). Хороший домовик благотворно влияет на хозяйство и скот, а плохой гоняет и мучает скотину — аналогичный мотив известен и в южных и западных регионах России (в Калужской, Курской, Смоленской областях).

В центральных и западных белорусских областях, где накладываются друг на друга западная и восточная тенденции, словом *домовик* обозначают «ходячего» покойника. Покойник связан со своим домом, постоянно возвращается в него и отдельными действиями похож на домовика — оба могут вести себя как полтергейст или наваливаться на спящего человека и душить его. Оба также могут прясть оставленную хозяйкой пряжу, вступать с ней в любовные отношения, а по ночам гонять и мучить скот.

Домовик пугает, ходит по хате. Говорят, что это ходит мертвец, как умрет, стучит в окно. Засветят лампу — нет никого. Чтобы не ходил, посыпают маком могилу (с. Ковнятин Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

В западной части Белоруссии (западные районы Брестской, Гродненской областей), испытавшей на себе влияние польской мифологии, *домовиком* называют духа-обогатителя. Он живет не в каждой семье, а только в услужении у «знающих» или колдунов, и приносит богатство, уворованное им у других людей. Подобный персонаж хорошо известен в карпатской и западно-славянских традициях.

Слово *домовик* может обозначать черта или нечистую силу вообще, поскольку, поселившись в доме, он ведет себя как «беспокойный дух» — шумит по ночам, беспокоит прикосновениями, пугает людей.

У этих четырех персонажей есть много общего: 1) они могут вести себя как «беспокойные духи» — пугать и тревожить жильцов шумом и мелкими пакостями; 2) могут выступать в роли ночного кошмара — наваливаться на спящих людей и душить их; 3) прясть пряжу и ткать полотно, оставленные хозяйкой без благословения; 4) они связаны со ском, который мучают по ночам и которому спутывают гриву; 5) могут вступать в любовную связь с женщиной; 6) против них применяют одинаковый круг оберегов и профилактических мер.

В разных областях Белоруссии домовика оценивают по-разному: как норму (и тогда домовик наделяется статусом домашнего хозяина и покровителя); как терпимое, хотя и не очень приятное существо (в этом случае его статус хозяина будет невнятным); как безусловное зло, близкое к черту, с которым надо бороться. Например, к домовику по-разному относятся даже в одном селе.

Разновидности домовика — это *хатник* и *хлевник*, два самостоятельных персонажа, которые могут жить в одном хозяйстве. В одних регионах Белоруссии (например, в белорусском Полесье) считается, что есть только один домашний

покровитель, который заведует делами как в доме, так и в хлеву, — домовик (он же хатник). В других областях обязанности хатника ограничены домом, а *дворовик* (русско-белорусское пограничье) или *хлевник* (север Минской области, Витебская область, восточные районы Гомельской области) живет в хлеву и специализируется на отношениях со скотиной. В северо-западных областях России (в Псковской, Новгородской, Смоленской, Ярославской областях) тоже известно такое разделение обязанностей.

В Витебской области хлевника наделяли патронажными функциями — он ухаживал за скотиной, чистил и гладил любимых лошадей, а его присутствие было благотворным для скота. В то же время в Минской области хлевник, в отличие от хатника, считался злом, поскольку он портил скот — гонял по ночам лошадей, от чего они худели, слабели и погибали. Для избавления от него применяли различные магические приемы. Например, хозяин должен был вывести ночью лошадь в поле и бить по ней осиновым однолетним прутот, приговаривая: «Раз!» (слово «два» произносить нельзя — это вернет хлевнику силу) — тогда хлевник в виде спутанного клубка свалится с лошади и, превратившись в черного зайца, убежит. Более сложный способ — свить из покони (мужских растений конопли) кнут о трех концах, на каждом конце навязать по три узелка, надеть кнут на осиновую рукоять, в новолунье поставить перед хлевом жаровню с осиновыми углями и перевести через нее лошадь, а затем ударить по лошади этим кнутом, чтобы согнать с нее хлевника. Существовали даже специальные заговоры от хлевника:

Как у нас [святой] Юрий коней пасет,
Скотину стережет,
Нечистую силу прочь отгоняет,
Хлевника и змея кнутом порет.

Домовик живет за печью, под печью (из-за этого его иногда называют *подпечником*), в подполье. Эти традиционные для славянской мифологии места воспринимаются как пограничья между земным и потусторонним миром. Но самое любимое место домовика — это чердак возле печной трубы, и это отличает белорусскую (и украинскую) традицию от русской, в которой домовый обитает, как правило, только в нижней части избы — под полом или под печью.



Вечер в крестьянской семье. Открытка, 1908

Домовик может жить и в хозяйственных пристройках, где хранятся съестные припасы и бытовые принадлежности, например в коморе или в клети (кладовке). В некоторых местах домовика поэтому называют *клетником*. Домовик может одновременно находиться и в доме, и в хлеву рядом со скотиной.

Некий-то домовик живет, раньше моя тетка говорила: открыла хлев, а в хлеву стоит домовик в углу. Он не похож на человека — как собака черный. Если он голый — так и человек-хозяин

бедный, а если обросший — так и человек богатый (с. Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Домовик может предсказывать будущее внезапным появлением перед человеком, стопами, звуками, прикосновениями. В этом случае следует задать ему вопрос: «К добру или к худу?» — чтобы понять, какого рода события нужно ожидать. С этой же целью он наваливается ночью на человека (этот мотив широко известен и в русской традиции — когда домовый давит человека, у него спрашивают о будущих событиях).

Домовой в погребке. Заносят ему чашку с едой, он все кушает. Если стонет, надо спросить: «На что стонешь? На добро или на беду?» Что скажет, то и будет. Если переедешь в новый дом, он стонет, стучит по полу (с. Заболотье Малоритского р-на Брестской обл., 1982 г.).

Домовик может звать человека по имени, предвещая ему смерть, отсюда и запрет отзываться на незнакомый голос. Зов мифологического персонажа — это своеобразный инструмент, с помощью которого он получает доступ к человеку. Согласно русским представлениям о домовом, если он зовет человека по имени, тот заболит.

Домовик проявляет себя преимущественно ночью, иногда в полночь, то есть в привычное для всех «иномирных» существ время. Поскольку в дневное время он невидим, его появление днем трактуется как особый знак, прогноз будущих событий в доме, обычно негативных. Увидеть домовика можно с помощью ритуальных практик в определенные временные периоды — чаще всего в Чистый четверг, когда после церковной службы поднимаются с зажженной свечкой на чердак. В некоторых случаях свечу нужно накрыть новым горшком и снять его на чердаке (такой же прием в Белоруссии использовали, чтобы увидеть

«ходячего» покойника). Домовик будет сидеть возле печной трубы в виде животного (например, большой лохматой собаки) или голого человека — если его накрыть какой-нибудь одеждой, то можно попросить у него что-то нужное в хозяйстве. С помощью похожего приема можно увидеть домовика и в хлеву.

Белорусского домовика — хозяина дома, как и русского домового, представляют в виде взрослого мужчины. Он даже может выглядеть двойником хозяина-человека. Как правило, это старенький дедок с седой бородой, длинными седыми волосами, одетый в обычную белорусскую крестьянскую одежду — белую рубаху, подпоясанную лыком или ремненным поясом. Подобные свидетельства об облике домовика иногда встречаются и в западных областях.

Домовик способен принимать различные образы. Он часто показывается людям в виде животных — кота, кудлатой собаки черного цвета, реже мыши, хорька и даже вола или свиньи. Домовика описывают, особенно в Гомельской области, и как некий шерстяной клубок, косматый, мохнатый, лохматый. Кстати, по признаку «голый / покрытый шерстью» определяли бедную или богатую жизнь в доме, особенно в первую ночь после новоселья.



И. Я. Билибин. Домовой. 1934

Действия домовика по отношению к хозяйству часто объясняют его любовью или нелюбовью к хозяину-человеку, как и в русских традициях.

Домовик, если полюбит твоё хозяйство, он твой приятель. Живёт в сарае, ходит по потолку, трещит. Он видит человека, а ты его не видишь (с. Лисятичи Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

В западных белорусских селах считают, что домовик находится в услужении у человека. Подобный взгляд на домовика как на слугу характерен и для духа-обогапителя. Эта концепция домашнего персонажа как демона-слуги противоположна типу мифологического хозяина, покровительствующего всей семье и хозяйству.

Одно из любимых занятий домовика — пугать людей различными беспричинными шумами и звуками (скрипом дверей, топотом по потолку, стуком в стены, плачем и стонами), а также внезапными прикосновениями. Иными словами, он ведёт себя как типичный «беспокойный дух». Чаще всего он так поступает без всякой причины, в силу своей демонической природы. Однако стоном и шумом домовик может предсказывать будущее и показывать этим человеку, что его не любит и выживает из дому, — такому человеку домовик вредит, оставляет на его теле синяки, сгоняет с места. Иногда домовик мстит человеку за обиду и наказывает за неправильное поведение, поэтому его нельзя злить и обижать во избежание мести.

Домовик также любит прясть оставленную на прядке пряжу или ткать недоделанное хозяйкой полотно. Оставленные на ночь недоделанные и ничем не прикрытые прядильно-ткацкие изделия (недопряденная пряжа, оставленное в ткацком станке полотно, незакрытая основа) становятся объектом деятельности разного вида нечистой силы (домового, кикиморы, черта, душ

предков). Это поверья широко известны во всей восточнославянской мифологии.

Як вылезеш из-за кросен [ткацкого станка] и идешь спать — накрывай кросна рушником, иначе придет домовик и будет ткать. Не хотели этого, потому что это нечистый. Домовик — это умерший колдун, который сорок дней ходит. Залезет за кросна и ткет. И если после него кто сядет за кросна, то может заболеть. Домовика не видишь, а слышишь. Он или ведром стукнет или дверной щеколдой. А бывало, что и увидишь, но мало кто видел (с. Хоромск Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

Наиболее важные функции домовика связаны со скотиной и с хлебом. Отношения домашнего персонажа со скотиной не зависят от того, один ли *домовик* или делит свои полномочия с «коллегой» *хлевником*. Как и в русских поверьях, домовик может опекать одних домашних животных, любить (они ему «по масти») и не любить или мучать других (они ему «не по масти» или, как еще говорят в Гомельской области, «не по хлеву»).



Пахота. Фрагмент картины. 1897

На западе Белоруссии считают, что скот мучает черт или некая обобщенная нечистая сила. Исключительно вследствие своей демонической природы они гоняют, щекочут, царапают скот, из-за чего тот потеет, худеет и может заболеть. В центральных районах подобные действия приписывают ласке и домовику, а в восточных районах, прилегающих к русской территории, еще и объясняют «объективными обстоятельствами» (любит — не любит, в масть — не в масть). Домовик любит заплетать в косы, скручивать коню гриву и хвост. На востоке Белоруссии это считают хорошим знаком, как и в русской традиции, проявлением его любви к скотине. В центральных и западных частях Белоруссии эти неизбежные действия воспринимают как неприятные.

Отношения человека с домовиком весьма неоднозначны и зависят от статуса этого персонажа. На востоке Белоруссии, там, где домовик считается покровителем хозяйства, а его присутствие в доме расценивается как норма, при переезде в новый дом домовика забирают с собой с помощью ритуальных действий.

Как строят хату, платят — деньги кладут в тот угол, в покуты [в красный угол] — домовику. Приглашают в хату: «Приходи жить!» Он тогда уже не трогает хозяина (с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1986 г.).

На русской территории этот мотив известен повсеместно. Характерно, что в Брестской области, где такой ритуал отсутствует, перевод домового в новый дом расценивается именно как элемент русской, а не своей традиции.

Там, где домовик считался опасным для человека и скотины, применяли обереги и отгонные средства. В комплекс универсальных оберегов от нечистой силы входили освященные вещи (святая вода, самосейный мак и травы), острые

и колючие предметы, которые затыкают в окна и двери хлева. Чтобы домовик не гонял скотину, в хлеву вешали зеркало, мужские штаны (лучше исподние) или пояс. Но лучшим средством от домовика считалась убитая сорока или ворона, которую вывешивали на шесте перед хлевом или в самом хлеву.

ЛАСКА

В белорусской мифологии ласка (*ласица, подласица*) — небольшой хищный зверек из семейства куньих — связана со скотом и обитает во дворе или в хлеву. На востоке Белоруссии ласку считали домашним покровителем, благоприятно действующим на скот и способствующим его здоровью и плодовитости. Здесь ласку даже называли домовиком: «Ласичка — да той самый домовик» (с. Заспа Речицкого р-на Гомельской обл.), однако воспринимали не как домовика в облике животного, а как самостоятельного мифологического персонажа. В некоторых селах ее противопоставляют домовику (ласка живет в хлеву, а домовик — в доме, ласка связана с коровой, а домовик — с лошадьми, ласка гоняет коров, а домовик заплетает гривы коням). Однако ласка не опекала все хозяйство в целом, а только следила за скотиной.

Ласица ходит и плетет гриву лошади. Которую масть полюбит. Грива заплетена, значит, любит ее. Щекочет и гоняет скотину, гоняет по хлеву. Домовик в хате, наверху сидит, за печной трубой (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

В западных областях ласка воспринимается просто как мифологизированное животное, вредоносное для скота, способное быть причиной его заболеваний. Именно там встречается мотив

«насланной» ласки (как «насланного» домовика и «насланного» домашнего ужа), которую ведьма использует для порчи скота в чужом хлеву.

Деятельность ласки, связанная исключительно с хлебом и скотом, сближает белорусскую традицию с русскими ареалами (восток Русского Севера и Верхнее Поволжье), а также западнославянской и карпатской традицией. У южных славян ласка отвечает не только за скот, но и за все хозяйство, считается его покровительницей, приносит счастье дому.

Ласка относится к скоту благотворно — скот выглядит здоровым, спокойным, ухоженным, но может и вредить, мучить скотину, гонять по ночам до пены, щекотать, запутывать ей гриву, от чего животное заболевает.

Если лошадь и корова мокрые, значит, есть домовик — это ласица. Замучает скотину: садится наверх и щекочет, а конь бегаёт, бегаёт, пока не ляжет. Спинка у ласки черная. Если человек живет хорошо — домовик приносит счастье, а убыток — то домовик плохой (с. Заспа Речицкого р-на Гомельской обл., 1985 г.).

Совпадение по масти — необходимое условие для покровительства ласки (этот мотив известен и в других восточнославянских традициях), а следовательно, благополучия скота. Чтобы в хозяйстве велась скотина, нужно покупать животных той масти, какого цвета шерсть живущей во дворе ласки. Ласка, как и домовик, мучает скот, если тот ей «не по масти», «не по двору».

В западных областях Белоруссии считалось, что мучить по ночам скотину, гонять, щекотать ее могут и другие демонические существа — *нечистые*, *погань*, *поганый* или же нечто насланное (очевидно, разновидность порчи, насланной на скотину), изредка летучая мышь или жаба.

Один из самых распространенных мотивов, связанных с лаской, — ее действия с гривой или хвостом лошади: плетение, завивание, скручивание косичек. В восточной Белоруссии в этом видели хороший знак, проявление ее любви к скоту — такие косы нельзя расплести или отрезать. В западных и центральных областях плетение, скручивание гривы коню воспринимали как дурной знак и включали в круг вредоносных действий ласки. Там же считали, что ласка может навредить корове, если пробежит у нее под брюхом или перейдет ей дорогу — в этом случае корова будет доиться с кровью.

Эта ласица тоже под коровой пройдет, то плохо, тоже молоко делается кровавым. Ласица бывает в хлеву (с. Заболотье Малоритского р-на Брестской обл., 1982 г.).

В этом случае молоко сцеживали на задние копыта коровы, под столб, на котором держатся ворота, под колышек, воткнутый в землю, цедили его через острые предметы (нож, косу или серп) а также процеживали сквозь отверстие — через дырявый камень, обручальное кольцо, дырку в доске от выпавшего сучка. Это известный в общеславянской народной медицине способ лечения болезней, полученных магическим путем (например, от сглаза).



Молочница. Фрагмент

Заболевшую корову окуривали освященными веществами (травами, ладаном, свечами). Этот способ ритуального очищения скота применяли во всех кризисных ситуациях — после отела, при сглазе и порче, для возвращения

молока, отобранного ведьмой, для профилактики мора скота. Корову также могли обсыпать самосейным освященным маком или другими мелкими субстанциями (зернами льна или проса, солью, мукой, золой), которые использовали и против других видов мифологической опасности (от нечистой силы, «ходячих» покойников, болезней).

Чтобы ласка (домовик, черт) не мучила скотину, в хлеву или перед хлевом вешали убитую сороку или ворону. Для успокоения ласки в хлеву вывешивали освященные и ритуальные предметы (например, осиновый крест, икону), крапиву, кочергу, череп коня или зеркало.

Запрет убивать ласку (как и домашнего ужа) больше известен на западе Белоруссии (например, в Гродненской обл.), поскольку это грех, и после этого в хозяйстве не будет вестись скотина. В польской традиции убийство ласки также ведет к гибели связанного с ней скота.

ДОМАШНИЙ УЖ

В центральных и западных областях Белоруссии чтят ужа — духа-покровителя, который живет на территории дома или усадьбы (в хлеву, в сарае). Он обеспечивает благополучие скота и хозяйства в целом. Убивать такого ужа во избежание несчастий и убытков в хозяйстве и гибели скота запрещено.

Уж — хозяин дома, его не убивают. Жил под полом, плохого не делал (с. Заболотье Малоритского р-на Брестской обл., 1982 г.).

Ужа называют *домовы*, *домовык*, *домовы вуж*, что указывает на связь с местом обитания, но чаще всего просто *вуж*. Важно, что домашний уж — самостоятельный персонаж, а не домовик в змеином облике. В Белоруссии его редко воспринимают

как реинкарнацию души первопредка, бывшего или настоящего хозяина дома, как, например, у южных славян. Там домашняя змея рассматривается как двойник одного из членов семьи, в которой она живет. Однако и у белорусов встречаются похожие свидетельства.

Есть домовый уж, приятель в хозяйстве. Это душа человеческая образовывается ужом и в хате оказывается. Плохого он не делает. Дети в миске кислое молоко едят — и он с ними ест. Бить его нельзя — он приятель, от него все человеку ведется, везет ему, скотина примерная (с. Ковнятин Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

Уж не всегда хозяин-покровитель, от которого зависит благополучие хозяйства. Иногда это просто мифологизированное животное, присутствие которого в доме допускается. Такого ужа не называют домовым или хозяином, а убивать его можно без каких-либо последствий для семьи и хозяйства. В белорусском Полесье рассказывают, что, когда люди прячут ужиные яйца, уж, обнаружив



Девушка со змеей. XVI в.

пропажу, напускает яду в крынки с молоком. Люди, увидев это, возвращают яйца на место, и уж, чтобы люди не отравились, хвостом переворачивает посуду с отравленным молоком.

Домашнего ужа могут наделять качествами духа-обогапителя, помощника ведьм и колдунов, который отбирает для них молоко у чужих коров. В некоторых случаях домашний уж расценивается как некая разновидность порчи, которую насылают ведьмы и колдуны.

Знахарь наслал ужа в хату. Если ты его убьешь, то умрешь. Никто его не бьет, он плохого не делает (с. Лисятичи Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

Как видно из подобных поверий, в белорусской традиции нет единого понимания о том, что из себя представляет уж и зачем он нужен. Однако для него характерны общие признаки: место пребывания в доме и во дворе, связь со скотом и любовь к молоку, а также связь с детьми.

Места обитания домашнего ужа в доме — это пространство вокруг печи и подпечья и под порогом. Эти традиционные для славян места связаны с культом предков (у южных и западных славян там обитает покровительница дома — домашняя змея). Во дворе уж живет чаще всего в хлеву, так как напрямую связан с коровами и молочностью скота. Уж чаще всего невидим, и согласно общеславянским представлениям показывается наяву или во сне только перед каким-то несчастьем.

Домашний уж мало отличается от обычного ужа, но в западных регионах Белоруссии отмечают его размеры — он большой, длинный и толстый, блестящий и имеет красные «заушницы» (пятна по бокам головы). Домашний уж безопасен для человека, он не кусается, однако в редких случаях может укусить человека в отместку за убийство другого ужа.

Отношения с детьми — важная характеристика ужа. Он любит есть с ними молочную кашу или молоко из одной миски. Такая трапеза носит мирный характер: уж не трогает детей, а дети не боятся ужа и даже могут его стукнуть ложкой или отодвинуть, если он мешает им есть. В Витебской области совместное поедание детьми и ужом молока расценивается как особое предзнаменование: семью ожидает всяческое благополучие, но дом непременно сгорит. На западе брестского Полесья запрещено убивать ужа, который ест вместе с детьми, потому что в этом

случае умрет кто-то из детей. Эта зависимость жизни ребенка и жизни змеи, вместе с которой он ест молоко, также хорошо известна в Чехии и у южных славян.

Жил мужик с семьей. Каждый день уходили они с женой на работу, а детей оставляли дома. Сколько бы еды ни оставляли, она вся съедалась. Решили они посмотреть, кто всю еду съедает. Спрятались и увидели, что приползает уж и ест вместе с детьми. Решили убить ужа. И приснился хозяину сон, что уж ему говорит: «Что же ты сделал? Ты моих детей осиротил. Ты и своих не увидишь». И умерли все его трое детей (с. Туховичи Ляховичского р-на Брестской обл., 1987 г.).

Домашний уж связан со скотом, особенно с коровами, у которых любит сосать молоко, обвинившись вокруг задней ноги животного. Хозяева скотины относятся к этому факту по-разному — нейтрально или негативно, поскольку из-за этого недостает молока самим хозяевам, или же уж считается насланным ведьмой. Между ужом и коровой, которую он сосет, есть зависимость. Корова привыкает к такому ужу, кормит его, тоскует по нему, относится к нему как к своему теленку. Уж воспринимается как своеобразный двойник коровы, ее второе «я», убийство которого ведет к ее гибели или отсутствию молока у коровы. Подобные представления известны и в других славянских традициях — на Карпатах, у западных и южных славян.

МАРА И СТРИГА

Душить человека по ночам, чтобы предупредить о будущем, может не только домовик. В белорусском фольклоре есть особый персонаж — *мара*, невнятное существо, которое занимается именно тем, что душит спящих людей. Слово *мара*, как и *кикимора*,

восходит к праславянскому корню **mor-/mar-* — «смерть» (отсюда, например, слова *мор*, *морить*). Еще в начале XX века в некоторых белорусских селах на Ивана Купалу из соломы и тряпок делали чучело — Мару, которое носили по селу, а потом сжигали на костре.

В витебских поверьях мару представляют в человеческом облике — она ростом с недельного младенца, мягкая на ощупь, голая или покрыта редкими перьями и волосами. Мара исподволь приближается к спящему, садится ему на грудь или горло и начинает душить с минутными передышками, не давая человеку занести руку для крестного знамения, которого она боится. В этом случае человек должен вспомнить, что дело происходит во сне, тогда мара исчезнет.

Мару нельзя назвать собственно домашним персонажем, поскольку она проявляет себя только в ночное время в доме или во дворе. Мара вредит не только спящим людям, но и скотине, которую мучает и гоняет, оставляя у нее по бокам отметины от когтей. Мара воплощает в себе вредоносные функции домовика, и от нее стараются всеми силами избавиться.



Ночной кошмар. XVIII–XIX вв.

Чтобы изгнать мару из дома, нужно купить не торгуясь новый горшок и ночью нащупать на себе некое насекомое (это и будет мара), положить его в горшок, крепко закрыть его, а утром вынести за пределы двора. В другом случае нужно попросить мару на завтрак, при этом положить на пороге метлу и топор — через эту преграду она не сможет переступить и больше не будет приходить в этот дом. Чтобы мара не мучила скот, в хлеву вывешивали убитую сороку.

По своему поведению на мару очень похожи польская *змора* (zmora) и сербская *мора*. В польских поверьях змора — девушка, которая помимо своей воли имеет демоническую способность душить спящих людей, преимущественно неженатых молодых парней. Например, если в семье подряд рождаются девочки, то пятая или седьмая из них становится зморой. Змора проникает в дом через отверстие — замочную скважину или дырку в стене, образовавшуюся от выпавшего сучка. Если заткнуть это отверстие, когда змора находится внутри помещения, она не сможет выйти, так как она может выходить только тем путем, которым проникла внутрь. Поймав ее таким образом, можно заставить не вредить человеку.

Подобные сюжеты благодаря польскому влиянию известны на польско-белорусском пограничье. Например, в гродненской быличке мара душила спящего на сеновале неженатого парня, проникая внутрь через отверстие от выпавшего сучка. Однажды парень подкараулил ее и, когда она проникла внутрь, заткнул дырку осиновым колышком. Мара просила выпустить ее, но парень заставил мару выйти за него замуж. Через год, когда у них родился ребенок, парень решил, что жена уже привыкла к обычной человеческой жизни и никуда не уйдет. Однако, когда он вынул тот осиновый колышек, она навсегда исчезла, только каждый месяц у него в доме появлялось чистое белье для него самого и ребенка, но ее саму больше никто не видел.

В некоторых белорусских селах известна *стрига* — бледная, худая и высокая женщина с впалыми глазами, которая переходила со двора во двор, туда, где были беременные, и пугала их. Стригу подозревали в том, что она может выкрадывать новорожденных и бить их во дворе так, чтобы мать слышала их крики. Во избежание нападения стриги маленьких детей нельзя купать после захода солнца и по пятницам.

ДУХИ ДОМАШНИХ ПОСТРОЕК

Мифологических покровителей усадебных построек — бани, овина, сенного сарая — в северо-восточных регионах Белоруссии (Минская, Могилевская, Витебская области), считают хозяевами этих помещений. На юго-западе представления о духах — хозяевах пространств известны слабо. Там появление существ в постройках (и даже в доме) чаще всего расценивали как негативное (черт, нечистая сила или «ходячий» покойник), а для их изгнания активно использовали различные обереги.

В помещении для сушки снопов — *евни*, или *асеци* (овина) хозяйствует *евник*, он же *асецник*, *асетной*. Он живет там на печке или за печью в углу, а также сидит на сушильной жердочке. Евник, по одним сведениям, выглядит как черное существо с горящими глазами, по другим — как человекоподобная масса с прилипшими к нему нитями паутины, мякиной, сажей и копотью. Покровитель овина помогает хозяину — ночью переносит снопы, наблюдает за гумном и подметает его, заботится о правильной



Зернохранилище. Беларусь, ок. 1917

топке сушильной печи, надлежащей сушке снопов и зерна, посылает нужный для веянья сквозняк, веет зерно, придает ему спорину (сытость, жизненную силу), при хорошем отношении к хозяину даже может сам молотить зерно. Овинник не любит в овине посторонних и пугает их, чтобы выгнать оттуда. Наиболее ненавистных ему людей может уморить угаром и даже сжечь вместе с овином.

Чтобы овинник не вредил и помогал в хозяйстве, хозяин должен правильно себя вести и жертвовать ему пару снопов — перед началом сушки хлебов в овине один сноп бросали в огонь, а после окончания молотбы последний немолоченный сноп оставляли «евнику на занятку» (чтобы ему было чем заняться). Увидев овинника, нельзя креститься, иначе он сожжет всю усадьбу. Так, в одном из рассказов овинник обмолачивал рожь. Работник, увидев это, перекрестился, после чего начался пожар, который все уничтожил. Овинник не боится обычного огня и после пожара в овине просто забирается на печь и ждет, когда построят новый овин, но он боится удара молнии, от которой сгорает. Если построить овин на том месте, куда ударила молния, новый овинник там не заведется.

Лазник — злобный хозяин бани (лазни) с неясным обликом. Лазник не любит тех, кто приходит в баню в неположенное время, пугает парящихся храпом, визгом, стуком в стенку, хохотом, окликает моющихся по имени. С этим связан запрет мыться в бане поздно, особенно после полуночи, поскольку лазник бросает в запоздавших моющихся мусор и камни, может даже убить. Он не любит, когда баню используют в качестве овина — для сушки льна и пеньки, и может отомстить пожаром в бане. Зато лазник любит париться и мыться после полуночи, поэтому ему нужно оставлять воду и мыло.

В витебских селах существовали отрывочные сведения о *пуннике* — мифологическом хозяине *пуни* — сенного сарая,

сеновала. Пунник имеет вид человекообразной массы, похожей на охапку сена, сидящую на перекладинах. Он пугает детей воем, храпом и свистом. Как и овинник, пунник может погибнуть от удара молнии.

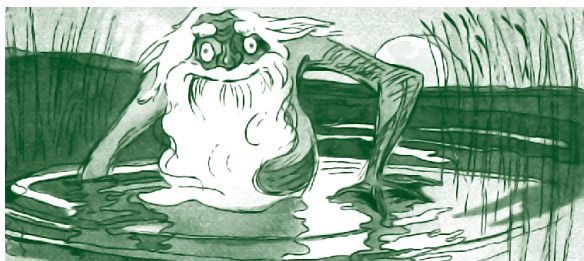
ВОДЯНЫЕ ДУХИ

В русских (особенно севернорусских) мифологических представлениях *водяной* всегда единственный и безраздельный хозяин водоема и всей его живности. В белорусской традиции все не так однозначно. На северо-востоке Белоруссии поверья о *водянике* (*вадзянік, вадзяны, вадзяны дед*) — хозяине водоема близки соответствующим русским поверьям, тогда как на юго-западе существуют представления о (*по*)*топельнике*, похожем на польского водяного демона.

Водяник очень похож на русского водяного — он выглядит как глубокий старик с длинной окладистой бородой, длинными волосами (на самом деле это тина или водоросли) на клиноподобной голове, с одутловатым брюхом и перепонками на пальцах. В каждом водоеме есть свой водяник. Днем он лежит на дне водоема, но после захода солнца ведет вполне активный образ жизни: разъезжает на соме, хлопает в ладоши, крикает по-утиному, ревет как корова, визжит, блеет. В Витебской губернии он считался старым холостяком, вступающим в связь с русалками. По минским поверьям, он женится и обзаводится семьей, поэтому замутнение воды в реках или разрушение плотин объясняли свадьбой водяного (аналогичный мотив есть и в русской традиции).

Водяной опасен для человека (особенно перед Ильиным днем): он топит людей и заставляет утопленника служить себе, разрушает плотины и мельницы, распугивает рыбу у рыбаков,

рвет и запутывает рыбацкие сети. Хозяева водяных мельниц и рыбаки должны уметь ладить с водяником, принося ему жертвы. Мельник осенью при первых морозах опускает водянику под колеса мельницы кусок сала или часть свиной туши. Рыбаки могут заключить с водяником договор, по которому он будет доставлять им много рыбы, но взамен потребует отречься от родни и бросить в воду нательный крест. После смерти такого рыбака (непременно от утопления) он забирает его душу себе.



Дедушка водяной. Открытка. Кон. XIX — нач. XX в.

Водяник может погибнуть при пересыхании водоема — от него остается только пласт водорослей. Если эти водоросли бросить в воду, водяник оживет и в благодарность за спасение будет направлять рыбу в сети этому человеку, спасет, если тот будет тонуть, и даже пригласит к себе в гости под воду. Водяник не переносит свиста и золы — если ее высыпать в воду, он будет метаться и разобьется о прибрежные камни. Он не выносит освящения воды на Крещение, поэтому накануне этого дня он вместе с детьми выходит на берег и возвращается обратно через день. В некоторых местах считалось, что водяник не все время сидит в воде, а только до Крещения, после чего выходит на сушу, в прибрежную траву, и только после Спаса (праздник Преображения Господня, 6/19.08) снова возвращается в воду.

В витебских поверьях известен также *вировник* или *вирник* — водяной дух, обитающий в вире — водовороте или омуте. Другие болотные духи — *болотник*, *багник* и *оржавенник*. Болотник — безглазый, покрытый слоем грязи толстяк — обитает на дне болота. Он приманивает людей, крикая по-утиному, после чего хватается человека за ноги и топчет. Багник — угрюмое, неподвижное и грязное существо — живет на дне торфяного, не покрытого растительностью болота, багны. Присутствие свое багник выдает пузырьками, поднимающимися на поверхность, или мелкими болотными огоньками. Багник затягивает людей в болото, хватая их за ноги. Гибнет при осушении болота или при вымерзании его зимой. Хозяин оржавени (болота, покрытого ржавой, железистой водой) — *оржавенник*, это толстое, грязно-рыжее существо с тонкими ногами, сидящее на дне своего болота.



Рассвет над водой. 1908

По витебским представлениям, в кустах лозы, нависающих над водой, обитают мелкие существа — *лозники*. Они развлекаются, запутывая человека в кустах лозы, а потом сталкивая его

в воду, но могут и помочь выбраться из воды, подав своей жертве свешивающиеся ветки лозы или тростника.

В юго-западных районах Белоруссии, в том числе на территории Полесья, под водяными духами понимают черта, поэтому и называют их *нечистый дух*, *нечистый*, *лихий дух*, *лукавый*, *черт водяной*. Здесь, как и на востоке Белоруссии, известно слово *водяник*, но обозначает оно другое существо.

На реке есть нечистая сила, специального водяного нет. У меня был дед по отцу, сильно рыбу ловил. Так, говорил, развел костер на рыбалке, а потом слышит — зовет кто-то его по имени. Зовет, а потом, говорит, хохочет. А потом этот костерок стал гаснуть. «Я слышу, — говорит, — плывет по реке кто-то, плёскает [шлепает руками] по берегу, плёскает, а сюда не идет. Я давай молиться Богу! “О, догадайся!” — говорит кто-то». [Кто это сказал?] Да кто же! Это нечистая сила (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Топельник тоже сидит в реке или озере. Но в отличие от водяного духа — хозяина водоема, он происходит из «нечистых» покойников, утопленников, его называют также *потопельник* или *потопленник*. Он ведет себя как водяной демон: заманивает в воду, топит, пугает, всячески вредит. В польском фольклоре есть похожий персонаж *topieliec*, *topiec*, *potoplennik*, *topielnik*. Он тоже происходит из утонувших или намеренно утопившихся людей, а также из других «нечистых» покойников (детей, умерших некрещеными, убитых или проклятых своими матерями, душ грешников, отбывающих в воде *покуту* — посмертное наказание за грехи).

Потопленники, они в ночи пугают людей. Там у нас молодой человек утопился, так в ночи зовет. Так не зовет по имени,

а просто зовет. Никогда не отзывайся, иначе придет. [Потопленниками становятся только мужчины?] Мужчины были, только мужчины (с. Замошье Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Представления о внешнем виде водяного духа достаточно скупы. По некоторым свидетельствам, он похож на взрослого мужчину, иногда бородатого, волосатого, голого, высовывающегося из воды по пояс. Водяной может принимать и образ ребенка. Вид маленького хлоп-



Водяные духи. XV в.

чика, паныча характерен и для полесского черта, с которым водяного духа объединяет еще один общий образ — пана в черном костюме, шляпе и с тросточкой, которой он хлещет по воде.

Водяной дух может показываться в образе гуся, утки, иногда рыбы, а также барана или черной собаки. Облик двух последних животных также принимает и черт:

Как кто утопится, и его достанут, говорят, что на утопленнике как баран на нем сидит. Этот баран и есть водяной (с. Оздамичи Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

Важная черта полесского водяного духа — его связь с верчением, кручением, которая отражается в рассказах о его появлении в виде вихря или водоворота. Это не места его обитания, а форма его воплощения и результат деятельности.

Время наибольшей активности водяного духа — полдень, полночь, период после захода солнца, а также Ильин день

и день Ивана Купалы, когда запрещено купаться, чтобы не стать его жертвой. Говорят, что он в воде «есть», «сидит», но отнюдь не хозяйствует:

Водяной дух в белорусском Полесье представлен исключительно как опасный для человека персонаж, основное занятие которого — заманивать людей в воду.

В воде потопля́йник. Если кто спасется, не утонет, говорят, что потопля́йника дома не было, поэтому удалось спастись (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Опасно также смеяться во время купания — на таких людей водяной дух нападает в первую очередь.

Считается, что спасти утопающего практически невозможно, потому что водяной дух удерживает его под водой или сидит на нем.



Водяной дух. Фрагмент. Кон. XIX — нач. XX в.

Водяной дух зовет человека к себе, заманивает в воду. Чтобы не стать жертвой водяного духа, нельзя на реке отзывать на незнакомый голос, особенно ночью — это зовет водяной дух. Водяной дух должен утопить человека в определенный час (в этот момент он высовывается из воды со словами: «Пришла пора — человека нет»). Этот мотив связывает белорусскую традицию как с русской, так и с западнославянской. В польских быличках *topieliec* выходит из воды в полдень и восклицает: «Настал двенадцатый час, но не видно придворного!» — или «Должен был прийти, но еще не пришел!» Русский водяной в такой ситуации произносит: «Судьба есть, а головы нет!» — или «Есть рок, да человека нет!» Водяной дух выступает как аналог судьбы, рока, который невозможно изменить: человек, назначенный водяным в жертву, не может избежать своей участи и умирает, даже если окружающие пытаются предотвратить его гибель.

У нас детям говорили: не ходи в реку, потому что человек сидит в реке. Моя свекровь видела, как вылез человек бородатый, и голос слышался: «Пришла пора — человека нет!» Через несколько минут пришел человек коня поить, упал с коня и утонул. Это ж она, та смерть, вылезала и его ждала, значит, смерть в реке была (с. Велута Лунинецкого р-на Брестской обл., 1991 г.).

В южно-белорусской традиции есть еще один мотив, который объединяет водяного духа с чертом: водяной дух морочит человека, показываясь в виде птицы или рыбы и заставляя гоняться за собой. Когда человек начинает подозревать неладное, демон смеется и исчезает. Польский *topielnik*, например, показывается человеку в виде бегающего по берегу жеребенка и с шумом исчезает, когда человек пытается его поймать, а чешский

водяной дух, обернувшись рыбой, морочит рыбаков. Точно так же над людьми глумится и черт.

Водяной дух, происходящий из утопленников, выходит из воды на берег в одних случаях в лунную ночь, когда при свете луны все хорошо видно, в других случаях днем. В некоторых селах Гомельской области считается, что тот, у кого в семье были утопленники, не должен произносить слово «видно» в лунную ночь или слово «день», когда рассветает, потому что в этот момент топельник падает в воду.

В западнославянских и карпатских поверьях водяной дух (он же бывший утопленник) тоже сушится на прибрежных камнях в лунные ночи. Из потустороннего мира для «пересушивания» периодически возвращаются и другие существа. Так ведут себя русалки, змеи, клады. Кроме того, по белорусским фольклорным записям конца XIX века души умерших периодически выпускают с «того» света «на пересушку», и толкущаяся в вечернем воздухе мошкара — это души умерших, выпущенные «на пересушку»¹.

Единственные надежные средства защиты от водяного духа — крестное знамение и молитва, как универсальный оберег от любых демонических существ.

В белорусской традиции встречаются рассказы о водяных (морских) людях с рыбьими хвостами. Рассказы эти восходят к апокрифическому сказанию о переходе Моисея через «Черемное», то есть Красное, море и о гнавшемся за ним фараоновом войске. Как хорошо известно из Библии, Моисей благополучно перевел свой народ через море, а воины фараона утонули. Согласно преданию, они превратились в полулюдей-полурыб, нижняя часть которых похожа на рыбий хвост. Подобные существа у русских известны как *фараоны* или *фараонки*, у белорусов тоже как *фараонки* или *водяные люди*, у украинцев — как *мелюзины* или *мемозины*, у поляков как *meliuziny*.

ЛЕСНЫЕ ДУХИ

Поверья о мифологическом хозяине леса, аналогичном русскому лешему, известны только в северо-восточных частях белорусской традиции (Витебская, Могилевская области, север Минской области), где его называют: *лясавік, лясной царь, лисавой дзед, лясун, нячистик лясовы, нячистик, што по лясох скаче*. Лесовик безраздельно распоряжается всем, что есть в лесу, и это отличает его от прочих персонажей, обитающих в лесу. На юго-западе Белоруссии лес мыслится местом обитания или черта, или неясной нечистой силы, которая пугает людей своим появлением и криком, но вовсе не является ни хозяином, ни покровителем лесных угодий.

Характерная черта хозяина леса — оборотничество, способность мгновенно принимать любой облик — человека, зверя, птицы, растения. Эта особенность лесовика описывается в рассказах белорусских крестьян Смоленской губернии следующим образом:

«...я пошел утром [в лес], да приустал, на кочку и лег. Лежу, и стало словно в сон меня кидать. Вдруг кто-то за руку меня схватил. Я глядь: а он стоит и шапку с меня снял, а руки у него — как вода студеная, борода — вот как мох бывает, большущая, белая, а нутро у него так и гудит, словно ветер, а он меня манит <...> Я крест ему показал, да и сказал: “Хожу по лесам, по кустам, по мхам, по болотам, <...> куда ль ни хожу, нигде не блужу, солнце по солнцу, луна по луне, при частых звездах, при вечерних зорях хожу, не блужу, а тебе, лесной хозяин, покорность отдал. От меня, раба, отшатнись, в березу обернись. Аминь”. Два раза я сказал, он и пропал, гул по лесу пошел, а я вижу — гриб стоит да трепыхается, а он в гриб обернулся, а он и в лист обернется — ему все равно»².

Встречаясь человеку на лесной дороге, лесовик часто принимает вид знакомого, односельчанина или родственника этого человека. Столь же свободно лесовик меняет свой рост (этим он также похож на русского лешего): в лесу он может показываться наравне с верхушками самых высоких деревьев, а на лугу — ниже травы:



Леший. 1906

Лесовик чаще всего выглядит как старик с белым, как береста, лицом и длинной белой клинообразной бородой. Глаза его тускло-синего цвета неподвижны, не моргают, а по другим сведениям, неподвижен у него только правый глаз, который больше левого. Иногда его описывают как человека со сплюсненным длинным лицом и одним глазом. Нога у него тоже одна и вывернута пяткой вперед. Он может выглядеть и великаном

с головой, напоминающей верхушку сосны, с огромным туловищем, завернутым в звериные шкуры шерстью навыворот, руками и ногами толщиной со ствол дерева. Лесовика можно опознать по тому, что левая пола его одежды запахнута поверх правой.

Лесовик способен подражать голосам всех животных и птиц, которые есть в его лесу. Он пугает людей диким хохотом, воем по-волчьи, рычит по-медвежьи, хлопает в ладоши или ударяет большой дубиной по стволам деревьев. В руках у него длинный кнут, которым он подгоняет сопровождающие его стада животных и стаи птиц. Представления о лесном духе как о пастухе с кнутом в руках, который перегоняет с места на место принадлежащие ему стада лесных зверей (белок, полевых мышей, зайцев, волков), хорошо известны в русской традиции. На востоке Белоруссии этот мотив связан со змеями (см. Змеи), которые перед зимовкой на Воздвижение собираются в стаи.

Дом лесовика находится в самой глухой и непроходимой части леса — маточнике, окруженном болотами и валежником, но он может отдыхать и на вершинах высоких деревьев, и в густых зарослях, в буреломах. По одним сведениям, лесовик холостяк, по другим — у него есть семья и дети. Если в лесу есть полоса поваленного ветром бурелома, считается, что там промчалась свадьба лесовика, которая, как и любые его перемещения, сопровождается порывами ветра. Жена лесовика — *лешиха* или *лешуха* — похожа на обыкновенную женщину с распущенными волосами, в которые вплетены зеленые ветки. Лешихи — души загубленных лесовиком девушек, которые были прокляты своими родителями. По ночам они качаются на ветвях деревьев, а на день уходят в подземный дворец. У семейной пары лесных духов рождаются уродливые и прожорливые дети, которых они стараются подменить: новорожденного человеческого ребенка забирают

себе, а своего подменыша оставляют на воспитание людям. Иногда считается, что леший может вступать в сожительство и с обычными женщинами — от такой связи рождаются полудемонические существа, которых сам отец-лесовик может загубить.



Девушка в лесу. 1905

Лесовик может быть опасен для человека и часто вредит ему, но почти никогда не убивает. Лесовик пугает людей, пришедших в лес по грибы или ягоды, громким хохотом, свистом, шумом, а также морочит человека и глумится над ним — у грибника прячет шапку или корзину, у дровосека — топор, откликается эхом на крики людей. Основная забава лесовика — сбивать человека с дороги, заводить в глубину леса, заставлять

блуждать в течение многих часов. Чтобы избежать этого, нужно, входя в лес, что-то из своей одежды надеть наизнанку, так же следует поступить, если уже заблудился, — тогда можно понять, где находишься, и найти дорогу домой.

Отправляясь в лес, следует взять с собой кусок хлеба. Хлеб — главная еда человека и универсальный оберег во всех славянских культурах. Он охраняет от нечистой силы, порчи, сглаза, не дает сбиться с дороги. Хлеб также брали в лес в качестве подношения лесовику, чтобы задобрить его. Если дети шли в лес за ягодами или грибами одни, то, чтобы они не заблудились, мать должна сама отвести их в лес, положить на пень кусок хлеба, завернутый в тряпочку, поклониться на все стороны и сказать: «Царь лесовой и царица лесовица! Прими наш подарок и низкий поклон, и прими ты моих малых ребят, и отпусти их домой, чтобы они по лесу не плутали...»

Женщину, которая, не послушав отца, пошла в лес без куска хлеба, лесовик заставил долго блуждать.

Отношение лесного духа к человеку часто зависит от того, как человек ведет себя в лесу и как относится к лесовику: тем, кто не проявляет агрессии, лесовик также не делает ничего плохого. О лесовом деде и лесовой бабе рассказывают:

«...в лесу есть дед такой, у него баба [жена] Марина. Хозяин леса — буйный, губы великие, нос великий, сам огромный. Борода по пояс, борода и усы. Вечером у него одежда блестит. Баба [одета] — как бабы по-старому одевались: андарак [юбка] красный, фартук, жилетка такая, черные и красные, бывало, шили. Платок носит завязанный под подбородок. Люди поехали в лес, сели у костра. Дед вышел к ним, а они стали в него кидать головнями. Он губами здоровыми как дунет — головни все разлетелись. Скот они не трогают и людей. Не трогай их — и они не трогают» (с. Золотуха, Хойницкого р-на Гомельской обл., 1975 г.).

Человек может заключить с лесовиком сделку, согласно которой тот будет указывать грибные и ягодные места, во время охоты загонять дичь, помогать искать в лесу заблудившийся скот, указывать места нахождения кладов. За такие услуги лесный требует от человека душу после смерти, которая непременно случится в лесу. Чтобы заключить договор с лесовиком, нужно пойти в ночь на Ивана Купалу в лес, встать на осиновый пенек и, повернувшись лицом на север, обратиться к лесному духу с такими словами: «Покажись не волком-зверем, не вороном-птицей, не деревом иглистым, а таким, какой я сам». Лесовик придет на зов, но отношения с ним лучше хранить в тайне, не хватать ими прилюдно и не поминать имя лесовика без нужды, иначе он жестоко отомстит человеку.

Кроме лесовиков, в обычных лесах есть и *пущевики* — лесные хозяева больших лесов, пуши. Пущевиков представляют гигантами, лохматыми и заросшими мхом. Они отличаются свирепым нравом и беспощадны к людям и скоту, попадающим в их уголья.

В юго-западных районах Белоруссии (особенно в Полесье) представления о лесном персонаже развиты слабо, а сведения о нем скупы и немногочисленны — он очень высокого роста, седой старик, страшное существо с высунутым языком и вывернутыми руками или даже как женщина с ногами аиста. Называют его *лясавой* или *лисовик*, он не владеет лесными угольями, а просто обитает в лесу. В местной традиции отсутствуют рассказы об отношениях человека с таким лесным духом, столь характерные для русской мифологии. В качестве лесного демона в белорусском Полесье часто может выступать или черт, или неопределенная нечистая сила. Такого персонажа называют: *черт, лесной черт, пустое, лихое*.

В юго-западных поверьях лесной дух пугает людей своим внезапным появлением и исчезновением, а также разными звуками: хохотом, плачем, криками.

Лесной дух сбивает людей с дороги, лишает их ориентации в пространстве, заставляет блуждать по лесу, не отпускает из лесу, может лишить разума. Этой же функцией наделяют и черта там, где он заменяет собой лесного персонажа.

Лисавый мог заманить хозяина в лес, когда он ехал дрова заготавливать. У нас один человек не вернулся. Другой пришел через неделю — не выпускал лисавый к жене с детьми, еле упросил. А потом помешался тот человек, все всем рассказывал, что в лесу хорошо жить (с. Андроново Кобринского р-на Брестской обл., 1982 г.).



Леший. Фрагмент открытки. 1910-е гг.

В западно-белорусских районах считают, что сбивает с дороги не лесной дух или черт, а неопределенная демоническая сила — *блуд*, *блудник*. Представления о блуде как особом персонаже, заставляющем людей блуждать, широко распространены как в карпатской, так и в польской мифологии. Пугать человека в лесу могут столь же неопределенные существа, как *ляк* (см. Страх) или *пужайка*.

ПОЛЕВОЙ ДУХ

Полевик как хозяин поля известен в витебских и могилевских поверьях, согласно которым он заведует полями, лугами, оврагами, возвышенностями и низинами, и обитает около межевого столба, камня или кустарника. В Гомельской обл. его называют *палудзённик*, потому что он появляется в поле в полдень и делает там заломы.

Палудзённик — в поле, днем он только ходит, делает завить в жите. Тогда говорят: «Наверное это палудзённик не полюбил хозяина поля, сделал завитку» (с. Дубровка Добрушского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

Полевика также называют *межник*, потому что он представляется в виде всадника, в полдень проезжающего по меже, чем и объясняется запрет там спать. Иногда межник ездит и ночью, проверяя поля и наказывая тех, кто спит на меже.

Межник. Когда картошку сажаешь, остаются такие борозды, межи. И вот в двенадцать часов на этих межах проезжает межник на коне, проверяет поле. И потому нельзя спать на меже (с. Вербовичи Наровлянского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Полевика могут делать ниву более плодородной, заботятся о состоянии лугов, гоняют с полей шалунов-мальчишек, которые топчут посевы. Но полевика могут и вредить: разрушают изгороди и межевые вешки, способны направить стадо скота для потравы на поле того человека, которого они не любят, приваливать к земле хлеба, насыпать на растения вредных насекомых, отклонять от поля дождь, мучить работающих в поле людей оводами и слепнями, заманивать в поля детей за цветами, ягодами или горохом, а потом заставлять блуждать, водить там до изнеможения. Полевик пугает людей хохотом, свистом, ревом, передразнивает эхом. Иногда он представляется в виде чудовищной тени, которая гонится за человеком или заманивает его вглубь поля.



Крестьянки, возвращающиеся с полевых работ. 1904

Поле, принадлежащее конкретному хозяину, также включается в сферу ответственности домашних духов. Полевик может являться в образе ужа, что сближает его с домашним ужом. Это два домашних персонажа с разными «сферами

влияния» — домом и полем. По представлениям восточных славян, существует связь между полевым и домашним духами. Аналогичный мотив встречается в западных русских областях, в украинском Полесье (на севере Житомирской области).

Смерть полевого ужа вызывает живой отклик у его домашнего собрата. При этом известие о своей смерти полевой дух передает через хозяина этого дома: «Скажи домовому, что нет полевого».

Домовой уж есть в каждом доме. Он вреда никому не делает, никого не трогает. Нельзя его убивать. Домовой уж есть, и полевой есть. Ну один мужик в поле убил ужа и пошел спать. Лег спать, а ему приснился сон, что кто-то говорит: «Скажи домовому, что нет полевого». Тогда он встал и давай жене рассказывать свой сон. А из-под печки вылез уж, укусил его, и он умер (с. Верхний Теребежов Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).

В гомельской быличке убийство полевого ужа приводит к бедности и разорению хозяйства точно так же, как и убийство домашнего ужа.

Человек сильно богатый был. Ходил он на поле стеречь копны жита. Ходил, а там уж следом за ним, в стороне лежит да лежит возле копны. Человек думает: «Чего этот уж за мной ходит?» Терпел, терпел, да взял и убил его. Пришел домой, да и говорит жене: «Так надоел уж, что взял да убил его, все ходил за мной». Жена говорит: «На что ж ты его убил, то же полевой домовик, домовый поля». А тут из-под печи вылезает уж и говорит: «Ты полевого убил, так и меня не будет у тебя». Из хаты и ушел. Стал тот человек беднеть, беднеть, и не стало сил у него, из сил выбился и помер (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

В отличие от русской и западославянских традиций, в белорусской мифологии не сформировался образ *полудницы* как женского полевого духа, связанного с солярным культом и показывающегося жнецам в полдень. В Гомельской области полудница — это неясное существо с большими, «лупатыми» (вылупленными) глазами. Само название *полудник*, *полудница* встречается в связи с представлениями о Страхе, который пугает людей в полдень и сбивает с дороги путников.

ГЛАВА 5



МИФОЛОГИЗИРОВАННЫЕ ЯВЛЕНИЯ И ПЕРСОНИФИКАЦИИ ЧЕЛОВЕЧЕСКИХ СОСТОЯНИЙ

В белорусской, как и в любой другой мифологии персонажи могут быть «устроены» по-разному — некоторые из них слабо персонифицированы (персонификация — это наделение сил природы и неживых объектов качествами живого существа) и могут вообще не иметь облика. В белорусском фольклоре известен ряд существ, которых нельзя назвать персонажами в прямом смысле слова. Они очень архаичны и связывают белорусскую мифологию с другими славянскими традициями.

Эти элементы при всей их разнородности имеют нечто общее — это не персонажи в прямом смысле этого слова, а реальные (как, например, вихрь или змеи) и ирреальные (как цветок папоротника) явления природы и состояния человека, осмысленные с точки зрения архаического мышления и обладающие той или иной степенью олицетворения, то есть ведущие себя как существа, имеющие собственную волю, характер и стиль поведения. Это относится и к вихрю, белорусские поверья о котором имеют общеславянские соответствия, и к известному сюжету о цветке папоротника, и к верованиям о кладях (которые представляют собой скорее социальное, а не природное явление), и к персонификациям времени — определенным дням недели и праздникам, которые проявляют себя как живые существа, наказывая человека за неправильное поведение. И если короткие формулы-рассказы о вихре как о «нечистом» ветре, в котором крутится, танцует, справляет свадьбу нечистая сила, хорошо известны и в других местах славянского мира, то некоторые белорусские мотивы, связанные с цветением папоротника, уникальны. Они позволяют увидеть неочевидные связи между разными элементами славянской мифологии: с одной стороны,

цветение папоротника связывается с душами детей, умерших некрещеными, которые якобы пребывают в это время в соцветиях, а с другой стороны, с появлением на земле предводителя змей — главной змеи с золотыми рожками на голове. Таким образом, момент цветения папоротника является важной точкой календарного времени, когда на землю выходят из потустороннего пространства хтонические животные и души «нечистых» покойников. Белорусская мифология, в отличие от других славянских традиций, сохранила этот редкий архаический мотив.

В этой главе содержатся сведения о персонификации человеческих состояний. Прежде всего к ним относится Страх (обозначим его с большой буквы, чтобы отличить от страха как эмоционального состояния) — слабо персонифицированное демоническое явление, которое связывает белорусскую мифологию с карпатской и западнославянскими традициями, где представления о нем широко распространены и описываются как персонифицированные субъекты действия (иногда соотносимые с чертом). Основная функция этих существ — морочить голову, пугать путника на дороге, бросаться ему под ноги, затуманивать рассудок, а потом внезапно исчезать. В русской мифологической системе такие явления, как правило, не выделяются в отдельный тип персонажей, хотя рассказы с похожими мотивами встречаются достаточно часто. Это объясняется тем, что в русских быличках они представлены как некое безличное действие или состояние «нечистого» места, лишенное субъекта действия, и обычно описываются безличными или неопределенноличными глаголами: *кажется, чудится, мерещится, видится, грезится*.

Белорусские представления о персонажах, наделяющих новорожденного ребенка судьбой, интересны тем, что сам сюжет о том, как это происходит, имеет прямые аналогии с южнославянскими (и вообще балканскими) рассказами об особых демонах судьбы — трех сестрах, подобных греческим Мойрам,

которых называют на Балканах *судженицами* или *орисницами*. В ночь после рождения ребенка эти сестры приходят к нему в дом и над колыбелью нарекают ему судьбу, изменить которую будет невозможно, — например, решают, что он в день своей свадьбы или совершеннолетия утонет в колодце, стоящем во дворе его дома. Сторонний человек, подслушав это предсказание, сообщает его родителям ребенка, и те прикладывают все усилия, чтобы избежать его (забивают колодец крышкой, заваливают его камнями или землей), но все равно в назначенный день их дитя гибнет на том самом месте. В белорусской мифологии этот сюжет известен довольно широко, однако роль персонификаций судьбы в нем обычно играют сакральные христианские персонажи: Бог, святой Николай или ангелы.

Белорусские поверья о духах болезней (особенно эпидемических, таких как чума, оспа или холера) содержат набор мотивов, известных у всех восточных славян, однако в Белоруссии дольше всего (вплоть до середины XX века) сохранялись архаические обряды, призванные не допустить или изгнать болезнь за пределы села. К ним относилось изготовление обыденного (однодневного) полотна, сотканного за одни сутки, а также ритуальное ночное опахивание деревни, которое производили вдовы и незамужние девушки, — считалось, что за бороду, проведенную таким образом, дух болезни проникнуть не в состоянии.

Смерть, как особое мифологическое существо, в соответствии с общеславянскими представлениями имеет в белорусской традиции устойчивый женский облик: это высокая худая женщина с серпом, косой или ножом. Реже она предстает как животное, появляющееся около дома умирающего. С персонификацией этого явления связан известный сюжет «Смерть-кума»: Смерть становится крестной для ребенка бедняка и помогает тому разбогатеть, рассказав, что если, придя в дом

к больному, она стоит у него в ногах, то он выздоравливает, а если в головах — умирает. Тогда бедняк, который, в отличие от других людей, мог видеть Смерть, ставшую ему кумой, начинает посещать больных, предсказывая, погибнет больной или поправится. Когда приходит пора умирать ему самому, он в попытках обмануть Смерть создает крутящуюся кровать, чтобы всякий раз поворачиваться к ней ногами, но она все равно забирает его с собой.

В народной белорусской педагогике существует обширный класс персонажей, которыми издавна пугали детей, чтобы добиться от них желаемого поведения, в частности ограничить доступ ребенка к опасным для него местам (к реке, колодцу, в лес и пр.). Принципы, по которым они конструируются, универсальны и характерны для всех славянских мифических существ подобного рода — сюда входят как персонажи традиционной мифологии (черт, русалка, ведьма), так и ряд определенных животных (волк, жаба, змея), а также специфические детские персонажи, не имеющие аналогов во «взрослой» мифологии (дед с мешком, железная баба, бабай, цыган и прочие).

ЦВЕТЕНИЕ ПАПОРОТНИКА

Белорусские рассказы о чудесном цветении папоротника и способах его добычи — это часть общеевропейского представления об этом мифологическом явлении, куда входят также восточнославянские и западнославянские поверья. Наиболее популярные белорусские мотивы связаны с особым мифологическим временем цветения; с необычными качествами цветка; со способами, которыми его можно добыть; с попытками нечистой силы, стерегущей цветок, воспрепятствовать человеку в его получении.

Считается, что папоротник цветет раз в году — в ночь на Ивана Купалу, реже — на Петров день (день равноапостольных Петра и Павла, 29.06/12.07) или в *рябиновую (воробьиную)* ночь — одну из страшных грозовых летних ночей, когда черт меряет меркой воробьев. Расцветает не любое растение папоротника, а только то, что растет на кладбище, перекрестке лесных дорог или в глубине леса, где не слышно петушиного крика. Папоротник цветет в полночь ровно один миг — «как глазом моргнуть». Цветок его переливается огнем, блестит и испускает такой жар, что взять его в руки невозможно. Указать место, где цветет папоротник, может летящая звезда, опустившись прямо над ним.

Это на Ивана Купального. Так пойдешь в лес да посидишь, может, до часу ночи. И зайдешь в лес, и сядь там, да будет лететь — вот такая великая звезда, как, может, хорошее решето, и будет вниз спускаться. И спускается она там, где папороть зацветает красным цветом, и заговорят все деревья. Поймай уже этот цветок, и ты будешь все знать, что есть на белом свете (с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Волшебный цветок папоротника дает обладающему им человеку множество возможностей: во-первых, понимание языка животных и растений («сорви этот цвет, и будешь слышать, что собаки говорят, что те насекомые...» (Гомельская обл.)); во-вторых, всеобщее знание и мудрость («будешь знать, что на свете делается, кто что думает»), а также способность понимать все тайны природы, видеть спрятанные клады и, что самое ценное, знать, как достичь бессмертия; в-третьих, возможность быстро разбогатеть, стать удачливым в ведении хозяйства и всех делах. Таким образом, главная выгода, которую получает человек, добывший цветок папоротника, — это особое, тайное

знание. Неудивительно, что получить его стремились прежде всего «знающие»: колдуны — чтобы укрепить свою колдовскую силу; знахари — чтобы успешно лечить людей.



В ночь Ивана Купалы. 1900

Добыча цветка папоротника — дело трудное и опасное, поскольку идущий за ним человек встречает сопротивление нечистой силы, воздвигающей на его пути разные препятствия — ведь в момент цветения к нему слетается вся нечисть. Именно поэтому такому человеку необходимо уметь защитить себя от нападения демонов с помощью оберегов, которые помогли бы ему завладеть папоротником: сретенской свечой, поясом священника, хлебом, солью, свадебной скатертью. Кроме того, от нечистой силы можно защититься, начертив вокруг себя один или три круга.

Черты, охраняющие папоротник, обычно подвергают человека различным испытаниям, пугают, посылают страшные наваждения — все, чтобы помешать ему получить заветный

цветок. Нередко, не выдержав испытаний, он сходит с ума от страха или умирает. Примечательно, что за папоротником необходимо ходить поодиночке: вдвоем идти нельзя, потому что тогда он или не зацветет, или не покажется.

Идут в лес знахари на Ведьмина Ивана. Так надо идти из дому, чтобы никто не знал в семье. Ложатся в папоротник. Там никто не выдержит. Ровно в двенадцать часов один раз в год покажется цветок. Если кто выдержит и сорвет цветок, то будет знать, что зверь говорит, что птички поют, кто что думает. Но будут [наваждения]: как будто машины идут, звери лезут, ужи ползут, змеи бегут. Был один — не выдержал, испугался. Пришел домой, заболел и умер (с. Золотуха Калинковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Когда человек преодолел все испытания и сорвал цветок, он должен еще сохранить его у себя, не дать нечистой силе его отобрать. Класть цветок в карман, кошелек или платок нельзя — откуда черти его обязательно выкрадут. Самый надежный способ сберечь цветок — разрезать себе ножом ладонь левой руки и спрятать его под кожу.

В массиве рассказов о папоротнике существует круг сюжетов о случайной находке простака, который сам не понимает, обладателем какого ценного предмета вдруг оказался. Простак попадает в лес накануне Ивана Купала по своим бытовым делам — например, ищет там заблудившуюся скотину,



За папоротником
в ночь Ивана Купалы. 1896

а цветок незаметно для него самого попадает ему в обувь. Тогда, бредя по лесу, он неожиданно начинает понимать язык зверей и птиц или внезапно приобретает дар ясновиденья: видит, где находится потерявшееся животное, чувствует, какие травы излечивают от каких болезней, знает, где находится дорога домой. В конце концов, вернувшись домой и сменив обувь, он теряет цветок, а вместе с ним и свои необычные возможности. Есть также и другой вариант развития развязки: нечистая сила хитростью выманивает у ничего не подозревающего простака его обувь, где находится волшебный цветок, — например, черт, обернувшись случайным прохожим, предлагает ему обменять свои лапти на его сапоги. Отдав бесу цветок, человек вместе с ним теряет и сверхзнание.

Пастух пас скот и потерял скот свой. Тогда он искал-искал, не нашел, устал, да и заснул в лесу. А в лапоть ему упал цвет-папороть. Он встал и сам не знал, что с ним, а чувствует, что все знает: понимает язык зверей, птиц, как лес разговаривает. И скотина где находится, узнал. А когда возвращался домой, встречает его беда [черт] и говорит: «Дай мне те лапти и на тебе сапоги». А как отдал, у него в руках сапоги остались, и он уже ничего не понимал (с. Пирки Брагинского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

В Ивановском районе Брестской области известно крайне редкое и важное представление о том, что в цветах папоротника «живут души деток, которые сгинули по вине матери», то есть души выкидышей, мертворожденных (см. Дети, умершие некрещеными). Схожие поверья о связи цветения папоротника с душами «нечистых» покойников встречаются и на белорусско-украинском пограничье: там считается, что, когда цветет папоротник, это «красуется» душа русалок (с. Днепровское Черниговского р-на Черниговской обл.), а также

на белорусско-русском пограничье, где верят, что русалки появляются во время цветения папоротника (Велижский р-н Смоленской обл.). Как известно, возникновение русалок связывают с гибелью не только незамужних девушек, но и некрещеных детей.

ВИХРЬ

Белорусские поверья о вихре являются частью общеславянских метеорологических представлений о «нечистом», крутящемся ветре, в котором летают, вертятся, танцуют, дерутся, справляют свадьбу черти, ведьмы, колдуны и погибшие некрещеными дети, а в других славянских регионах — вештицы, летающие змеи, самовилы и иные атмосферные демоны. Демонический статус вихря объясняется негативной семантикой верчения как действия, характерного для нечистой силы, а закрученных предметов — как вредоносных для человека. То же касается и колтуна, залома, водоворота, вывернутых с корнем деревьев, закрученного вихрем полотна и других побывавших в вихре вещей.

Вихрь — демоническое явление, самостоятельное существо, обладающее собственной волей. Иногда он считается воплощением различных демонов, например черта или полесского водяного-топельника. Но одновременно вихрь — место пребывания различной нечистой силы.

Причиной появления вихря считают деятельность различной нечистой силы, которая в вихре справляет свадьбу: «черт крутится, свадьбу играет», «черти женятся», «чертова свадьба», «свадьбу правят черти».

Как вихреник летит, то говорят: черти свадьбу справляют.
Я была девушкой еще и помню. Бывало же лен в поле стелют

[для просушки]. Был лен посланный у нас. И как схватился тот вихреник — и под небо понесло. Это свадьба чертей (с. Кончицы Пинского р-на Брестской обл., 1984 г.).



Вихрь в летний день

В сказаниях вихрь появляется в летнее время — в период косьбы, жатвы и уборки урожая, что соответствует метеорологическим условиям образования этого явления. Обычно он начинается в полдень, реже в полночь (тогда он исчезает с пением первых петухов), то есть в традиционное время пробуждения нечистой силы.

А вихрь летит — это свадьба, говорят, их, лихих. Вихрь появляется в полдень. Точно в полдень. И в ночи — может, в первом часу, в двенадцать. Мы в один год пололи картошку в колхозе. Тихо-тихо было. И вдруг летят: у-у-у! Такая буря налетела и полосой ползет на нас. И мы попадали — юбки только — хлоп-хлоп — закручивало. Уже после войны это было. Ох, Боже мой! И полетело сквозь поле! Это, говорят, свадьба едет. И так вот одной полосой — аж лес погнуло. Это

где-то черт женится (с. Убортская Рудня Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Причиной вихря может стать тяжелая смерть ведьмы, колдуна и любого человека, который при жизни знал с нечистой силой, — это поверье известно в основном в западных и центральных частях Белоруссии. Появление вихря, бури, сильного ветра в момент смерти или похорон таких людей — устойчивый мотив, свидетельствующий об их «нечистом» статусе. Считается, что в вихре черт прилетает за душой ведьмы или колдуна и уносит ее с собой. Другой причиной появления вихря может быть самоубийство — это общий мотив для всех славянских традиций.



Дерево-выворотень. 1849

Вихрь опасен для людей и животных — попав в него, можно получить увечья, заболеть, ослабеть или даже умереть. Вихрь может поднять человека в воздух, закрутить. Болезни, полученные в результате соприкосновения с вихрем, выделяются

в народной медицине в особый разряд и называются *подвей*, *ветренник*, *переполох*. Они обозначают целый ряд симптомов, характерных для заболеваний нервной и костно-мышечной сферы от ревматизма до церебрального паралича и полиомиелита. О причине таких болезней в белорусском Полесье говорят: «вихрь нашел», «вихрь подвоял», «вихрем нанесло». Гораздо реже в белорусской мифологии встречается мотив вселения в человека злых духов из вихря: «То крутятся злые духи, а вселятся в человека и его крутят». В Белоруссии издавна существовало убеждение, что, попав в вихрь, беременная может родить нечистую силу.

Разрушительная, вредоносная деятельность вихря — его основная черта во всех славянских традициях: он вырывает с корнем деревья, разбрасывает сохнувшее на лугу сено, крутит песок, срывает крыши, разрушает дома, закручивает разложенные для отбеливания холсты (домотканые холсты было принято раскладывать на солнце для отбеливания). Место, на котором возник вихрь, считалось «нечистым», вредоносным для человека — на нем не рекомендовалось стоять или строить дом. Предметы, которые соприкасались с вихрем, по поверьям, были опасными для человека, ибо приобретали те же негативные свойства, как и сам вихрь, — например, могли вызывать болезни. Таким образом, переступать через мусор, который крутился в вихре, или пить закрученную вихрем воду запрещалось.

Предметами, побывавшими в такой буре, пользовались колдуны для нанесения порчи — например, чтобы поссорить супругов. Полотно, закрученное вихрем, нельзя было использовать для пошива одежды, по крайней мере без предварительной стирки и освящения, — обычно его жертвовали в церковь, вешали на придорожные кресты или отдавали нищим. Такими же негативными свойствами обладал и выворотень — дерево, вывернутое вихрем с корнем, — оно считалось «чертовым», «нечистым», грешным. Переступивший через него человек мог

заблудиться, потерять дорогу в лесу. Выворотень не использовали ни на дрова, ни для постройки дома — считалось, что в таком случае в нем будет беспокойно жить, в него станет часто бить молния.

Вихровое дерево. Его не переступай — заблудишься в лесу, потому что нечистая сила — вихрь, свадьбу правят черти. Нельзя его жечь в печи — буря будет крышу рвать (с. Ковнятин Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

Согласно поверьям, главная задача человека при встрече с вихрем — уклониться от него, избежать соприкосновения. Для этого лучше всего лечь на землю лицом вниз, закрывшись целиком или спрятав голову, и не смотреть в его сторону, а при возможности — убежать. Делать это нужно для того, чтобы не дать вихрю *подвять* себя, то есть пролететь снизу, под ногами, — это считалось основной причиной развития болезней.

Один из популярнейших белорусских мотивов заключается в том, что, бросив в вихрь нож или топор, можно ранить находящуюся там нечистую силу. Бросать нож также рекомендовалось и в охранительных целях, чтобы остановить вихрь, однако чаще это все же было связано с желанием обнаружить демонов и нанести им увечье: считалось, что на ноже, брошенном в вихрь, остается кровь раненого демона. Этот мотив связывает белорусскую традицию с западнославянскими, где он также широко известен.

Иногда нож или топор, брошенные в вихрь, не падают на землю, а уносятся вместе с ним. Через какое-то время владелец предмета попадает в гости в чужой дом, где с удивлением обнаруживает свой инструмент. Оказывается, что хозяин или хозяйка дома — колдун или ведьма — находились в том вихре и были ранены этим человеком. Данный сюжет распространен и в западнославянской мифологии.

На западе Белоруссии, чтобы отвратить от себя вихрь или повернуть его в другую сторону, в него кидали песок или соломой, при этом крестясь, иногда левой рукой. Насчет того, можно ли крестить сам вихрь, мнения в разных селах расходились — где-то полагали, что этого делать нельзя: «...его не нужно крестить — как перекрестишь, то недобро будет. Как будешь идти, то все крутить будет» (с. Мокраны Малоритского р-на Брестской обл., 1982 г.); а где-то, что можно и нужно. Для отвращения вихря рекомендовалось плюнуть в его сторону.

Еще одна практика избавления от вихря — это демонстрация ему кукиша, которая, однако, может как служить оберегом, так и приводить к опасным последствиям. К примеру, в восточных областях Белоруссии предписывалось показывать вихрю кукиш, чтобы отогнать его, а в центральном и восточном белорусском Полесье полагали, что этот грубый жест может оскорбить, раздражить вихрь и накликать на человека беду. То же самое касается обычая показывать вихрю голый зад, задирая юбку (у южных славян женщины оголялись таким образом для отгона градовых туч).

«Вот, говорят, вихрь прется — уже злые [черти] женятся. Говорили: одна баба дулю показала, так смяло ее, скрутило» (с. Замощье Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Наиболее благоразумным поведением при встрече с вихрем в мифологии считается не провокация грубыми действиями, а чтение молитв, заговоров и отгонных формул. Те же, кому уж очень хочется увидеть крутящуюся в вихре нечистую силу, могут сделать это, посмотрев на него через специальное отверстие, осмысляющееся как проход между этим и «тем» светом: через рукав рубашки, доску с дырой от выпавшего сучка или, нагнувшись, у себя между ног.

КЛАД

В Белоруссии, как и в других славянских традициях, хорошо известны сюжеты о кладах — спрятанном и залятом богатстве, которое охраняется нечистой силой и открывается только тому, кто знает специальные магические способы.

В одних сюжетах спрятанное сокровище предстает как пассивный объект деятельности человека и нечистой силы: человек зарывает или прячет клад, накладывает на него заклятье, нечистая сила сторожит клад и наказывает тех, кто пытается его добыть. В других же он ведет себя как самостоятельное существо, обладающее собственной волей: в определенное время выходит на поверхность или опускается под землю, перемещается под землей или на земле, пугает людей столами и криками, показывается в разных обликах (животного, человека, предмета), дается или не дается искателю.



Заколдованное место. 1891

Белорусские представления о кладах отражают основные общеславянские мотивы о зачатом богатстве. Владелец сокровища, пряча его, накладывает заклятие, не зная которого забрать его нельзя — однако можно подслушать и подсмотреть в тот момент, когда он будет прятать клад и накладывать чары, таким образом узнав все необходимое. Как правило, заклятия эти трудновыполнимы — клад заклиняется на чью-то голову (человека или животного) или даже на определенное число голов — три, семь, девять. Например, сокровище может быть зачато на голову отца или матери того, кто будет доставать его. Тот, кто подслушивает владельца клада, может в последний момент поменять условия заклятия на более легкие, так как действенным является именно последнее, — к примеру, вместо человеческих голов он может загадать петушинные или рыбные.

Пряча сокровище, владелец накладывает заклятие на определенное количество лет. Если после истечения срока клад никто не забирает, он выходит на поверхность и начинает являться людям, пугая их и показываясь в различных видах. Если сокровище спрятано в доме, оно может вести себя как полтергейст, беспокоя жильцов стопами, криками, стуками, звуками. Тот, кто догадается, что перед ним клад (а это, как правило, оказывается «знающий» человек — солдат или странник), должен ударить его, и тогда существо, в виде которого он предстал, рассыплется сокровищем, и его можно будет забрать.

Солдат шел, просит: «Бабушка, пусти меня переночевать». — «Ох, мой сынок, у меня что-то пугает в хате. Мы со стариком не можем нигде спастись — в уголке сидим». — «Да я не боюсь». — «Ну ночуй!» Солдат шинель разостлал, шапку положил. Вот двенадцать часов, уже говорит что-то под печкой: «Вот выхожу, вот вылезаю, вот выхожу, вот вылезаю!» А тот

солдат: «Да вылезай уже ты оттуда наконец!» Вот и вылез из-под печи столб, да и стоит — блестящий. Вот такой столб — блискучий-блискучий. А солдат взял, перекрестился да как дал той шапкой, а столб и рассыпался золотом (с. Лопатин Пинского р-на Брестской обл., 1985 г.).



Сокровища в поле. 1712

Клад может показываться людям в виде различных животных — белого коня, жеребенка, ягненка, петуха, котенка, внезапно и неизвестно откуда появляющейся маленькой девочки или девушки. В любом случае к таким существам нужно прикоснуться или даже ударить их — тогда они превратятся в сокровище. Считается, что клад в виде человека или животного обычно показывается рядом с тем местом, где он спрятан. Иногда он настойчиво просит человека выполнить какую-то неприятную просьбу — например, это может быть

сопливый старик, просящий прохожих утереть ему нос: если кто-то не побрезгует ему помочь, он рассыплется золотом, а в противном случае снова уйдет под землю на определенное число лет.

Если клад находится в земле, то над местом сокрытия в сказаниях часто горит огонь или показывается зажженная свечка — такой огонь отличается от обычного: он имеет синеватый или голубой, а не желтый цвет. Увидев, как горит огонь на поверхности земли, человек может достать клад, бросив на это место какую-то свою вещь. При этом глубина, на которую придется копать, чтобы добраться до сокровища, зависит от того, какая часть одежды будет брошена в яму: если сапог, то копать придется до колена, если ремень, то до пояса, если шапку — то на глубину человеческого роста. Чаще всего клады показываются на поверхности земли в ночь перед большими праздниками — перед Рождеством, Благовещеньем, Пасхой, на Ивана Купалу. Из земли на поверхность они выходят раз в год, семь или десять лет для того, чтобы «пересушиваться», после чего снова опускаются в землю — это прослеживается во всех восточно- и западнославянских традициях. Мотив «пересушивания» в белорусской мифологии связан не только с кладами — «пересушиваются» и русалки в Сухой четверг, утопленники в лунную ночь, покойники в поминальные дни. Семантика «пересушивания» связана с мотивом периодического календарного возвращения на землю мифологических существ из «иного» мира — темного, холодного и мокрого — в теплый и светлый земной мир.

Людам, пытающимся выкопать клад, обычно противостояит нечистая сила, которая его охраняет. Иногда клады сторожат специальные духи — *кладники*, которые одеты в серебряные сапоги с золотыми подковами, серебряные кафтаны с золотыми поясами, а в руках держат дорожные посохи из чистого золота. Они стерегут несметные сокровища, но не могут взять

из них ни копейки себе на еду, а питаются только кусками хлеба, подобранными на улице, или выпрашивают милостыню. В других сюжетах клад охраняет нечистая сила. Мифологические охранники клада могут показываться человеку в разных обликах — огромными собаками, котами, львами, кривыми стариками или различными видениями, пугающими искателей криками, шумом и стонами. Черты, охраняющие клад, обычно являются человеку в крайне характерном для белорусских представлений облике — в виде людей в шляпах-капелюшах («в капелюше» — устойчивый белорусский и украинский эвфемизм, обозначающий черта в шляпе).



В лесу. 1905

Люди сказывали, что в лесу, на бугре, яма была и на дне что-то блестело, сказывали — золото. И люди за золотом пошли. И вдруг являются какие-то в шляпах-капелюшах: «Что вам надо?» Люди бежать хотят, а они воздухом крутят, бурю устроили и говорят: «Вот вам деньги!» А старуха одна им с собой мак-ведук [самосейный, дикий мак] дала, люди его вокруг себя рассыпали, а черти, пока не соберут весь, сделать ничего не могут. Так люди и убежали. «Пусть лежит, не трогай», — так о том золоте сказали (с. Ручаевка Лоевского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

Заклятые клады считаются дьявольскими, принадлежащими нечистой силе, поэтому человек, нашедший такое сокровище, часто оказывается несчастлив, а найденные деньги

не идут ему впрок: он тяжело болеет и преждевременно умирает или сходит с ума. Часто проклятие падает также и на семью кладоискателя и его потомков. Кроме того, считается, что клад способен забрать лишь тот, «кому судьба» — кому это суждено, а человек, которому он не предназначен, забрать его не сможет — сокровище лишь глубже уйдет в землю.

ПЕРСОНИФИКАЦИЯ СТРАХА

В белорусской мифологии существуют демонические существа, основная функция которых заключается в том, чтобы пугать человека. В говорах их обычно обозначают существительными, образованными от глаголов *страшиць*, *пугаць*: *страх*, *ляк*, *лякоўка* (от глагола *лякаць* — «пугать»), *пужайло*, *пужака*, *зда́нки* (от глагола *здава́цца* — «казаться»), «когда-то там пужало, лякало» (брест.).



Страх. XVIII в.

Очевидно, что на формирование белорусских персонажей такого рода напрямую повлияли польские и западноукраинские представления, где таких существ называют *starch*, *strachy* (Польша), *strashidlo* (Чехия). Для удобства мы будем называть данные явления Страхом (с заглавной буквы, чтобы отличить от страха как эмоционального состояния). В русской мифологии Страх почти не осознается и не выделяется как самостоятельный персонаж, а присущие ему мотивы и функции, как правило, связываются с другими персонажами, например с чертом или лешим.

Человек, столкнувшийся с таким существом, не может понять, принадлежит ли оно реальной действительности или является плодом его воображения, зрительным или слуховым обманом, результатом плохой видимости. Страхи произвольно и внезапно появляются перед людьми в разных обликах, пугают их звуками и шумом, преследуют, преграждают путь, препятствуют движению по дороге, сбивают с пути, заводят в непроходимые места и внезапно исчезают. Они воздействуют на психику человека, вызывая у него страх, панику, растерянность, потерю ориентации в пространстве, а также помрачают сознание, подчиняя его своей воле и лишая способности самостоятельно принимать решение.

Страхи привязаны к определенному месту, которое в местной традиции имеет статус «нечистого», опасного, демонического. Часто это некие пограничные пространства, проходы между «тем» и этим светом: мосты, границы сел и полей, перекрестки, окрестности кладбищ или места совершения самоубийства. Результатом встречи со Страхом обычно бывает сильное душевное потрясение, иногда — болезнь, в редких случаях — смерть визионера.

Один хлопец на вечеринке был. Как возвращался, ему на плечи вечером пужайло село, белое такое, может, мертвец, а может, что другое. Как тот хлопец дождался рассвета, так пужайло исчезло. На него оглядываться не надо, а то задушит (с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Как правило, всевозможные виды Страхов проявляют себя в пограничное время — в полдень, полночь или особую глушь в час ночи. Они показываются путнику на дороге, возникают со стороны кладбища, мешают идти, бросаются под ноги, пугают своим молчаливым присутствием.

Один из наиболее распространенных мотивов, связанных со Страхом, — преследование идущего в темноте путника животным (собакой, бараном, свиньей и пр.) или предметом (чаще всего — копной сена). Демоническое существо обычно повторяет движения человека: останавливается, когда тот стоит, и движется быстрее, если он ускоряется. Как правило, непонятное животное или предмет исчезают, доведя свою жертву до определенного рубежа (до моста, перекрестка дорог, до ворот дома). Такое поведение напоминает действия ведьмы, которая тоже может преследовать идущего по дороге человека, однако в рассказах подобного рода это явление осмысливается как самостоятельное мифологическое существо.

Шла я с вечёрок поздно, и надо идти через огород. И за деревней я только ступила на огород свой, смотрю — баран стоит. Я так на него махнула — не убежал. Идет сивый баран ровно рядом со мной. Я бегу — и он бежит, я иду помаленьку, и он так. Иду до самой хаты с тем бараном. Я тогда поняла: это просто ляк идет за мною. И давай я бегом! Смотрю — он около меня. До двери добегаю и закрыть не могу защелку от страха (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Со Страхом в белорусской мифологии (особенно в западных областях) связан еще один популярный сюжет, который в разных рассказах может соотноситься с чертом или водяным духом *топельником*. Персонаж показывается человеку на дороге животным (обычно ягненком, поросенком, козленком и пр.). Путник пытается поймать это животное, но оно каждый раз ускользает. После многих безуспешных попыток он начинает понимать, что перед ним нечистая сила, и произносит имя Божье или совершает крестное знамение — тогда животное исчезает, обернувшись вихрем или порывом

ветра. Этот сюжет широко известен также и в карпатской мифологии. Нередко Страх принимает вид клубка или копны сена, которая мешает человеку или лошади двигаться, все время бросаясь под ноги.

Страх может показываться человеку в виде неясной и молчаливой человеческой фигуры, которая, не вступая в общение, идет рядом с ним определенный участок пути, а потом исчезает. Как правило, такое виденье возникает ночью или на закате солнца на каком-нибудь пограничье: на меже, на мосту, у реки — а затем пропадает, особенно при появлении других людей.

Мы гуляли на пастбище давно, перед Пасхой, в пост. Гуляли-гуляли, нас много было. Идем домой, уже поздно было. Идем, а около нас некто в такой накидке, да прямо к нам во двор. О, а мы уже как закричали — а оно назад. А это пужайло было. Месячно-месячно было (с. Убортская Рудня Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Кроме того, Страх может показываться и в качестве звуковых ощущений: при этом человек слышит рядом с собой звуки музыки, пения, танцев и веселья, но ничего не видит. Такой мотив, время от времени встречающийся в белорусской традиции, широко известен в польской мифологии и на Карпатах: там Страх нередко является человеку в виде шумной свадьбы, веселящейся компании, проезжающего мимо деревенского оркестра. У южных славян такие звуковые проявления связывают со святочными демонами *караконджулами*, появляющимися перед путником поздно ночью в облике свадебных гуляк с музыкантами, которые заводят его на бездорожье.

Подобно другой нечистой силе Страх исчезает с рассветом и при свете в целом, а также после крика петуха, знаменующего наступление утра.

Оберегами от Страха обычно становятся универсальные охранительные средства, помогающие и от других видов нечистой силы: крест, крестное знамение, вывернутая наизнанку одежда, освященный мак или лен. Из льняных нитей делают фитили для свечей и лампад, поэтому он считается сильным оберегом, а льняное поле — местом, где можно спастись от демонических существ.

ПЕРСНИФИКАЦИИ СУДЬБЫ (ДОЛЯ И ЗЛЫДНИ)

В белорусской традиции представления о человеческой судьбе имеют народно-христианскую основу, согласно которой судьба человеку дается Богом, и вся его жизнь в целом также подчинена Божьей воле. Тем не менее параллельно с этим существуют и поверья о мифологических существах, которые определяют счастье или несчастье человека. Персонажи одного типа олицетворяют судьбу как рок, который дается человеку при рождении, другие же связываются с пониманием судьбы как удачи, которую человек при желании способен изменить к лучшему.

Как уже упоминалось выше, у славян есть специальные персонажи, подобные греческим Мойрам, наделяющие новорожденного судьбой. При этом рядом, как правило, находятся люди-посредники (обычно это «знающие» — повитуха, странник, нищий, цыган), способные подслушать демонов судьбы и передать их прорицание родителям новорожденного. Попытки изменить судьбу ребенка на более счастливую, как правило, кончаются провалом, и все, что нарекли орисницы, в назначенный срок исполняется.

У белорусов, как и у всех восточных славян, персонификации Судьбы, подобные южнославянским орисницам, практически не известны, за исключением единичных случаев, как, например, в рассказе из села Холмеч Лоевского района Гомельской

области: в нем путнику придется заночевать у одиноко живущей в лесу старушки. Ночью он слышит стук в окно и чей-то голос: «Народилось двенадцать младенцев. Какая у них судьба?» Хозяйка избы отвечает, что у этих младенцев будет счастливая судьба. Через два часа снова раздается стук в окно, за которым следует вопрос о судьбе новых двенадцати младенцев. Старуха отвечает, что их будет ждать и радость, и беда. Когда то же самое спрашивают в третий раз, прорицательница в раздражении кричит: «Будь ты проклят со своими младенцами!» — и этим обрекает детей на несчастье.

Сюжет о наречении судьбы сакральными персонажами достаточно популярен как в белорусской, так и в других восточнославянских традициях, однако, как правило, судьбу новорожденному в подобных рассказах нарекает либо сам Бог, либо святой Николай, либо три ангела, которые спорят над колыбелью ребенка о его будущей жизни, а «знающий» подслушивает их решение и передает родителям. В одной из версий этого сюжета Бог в облике заночевавшего в доме странника советует повитухе, принимающей роды, посмотреть после рождения ребенка в среднее окно, чтобы узнать его судьбу.



Спящий младенец. 1902

Пошел Господь по селу, просится ночевать. Никто в хату не пускает. Он зашел в хату на краю села, где жила старая повитуха, и там остался на ночлег. К ней ночью приходит человек под окно: «Баба, баба, поди ко мне, моя жена рожает!» Она отвечает, что не пойдет, уже поздно, устала, а Господь

говорит: «Нельзя отказываться. Иди и сразу погляди в окно — что новорожденный делать будет». Она пошла, поглядела в окно, а дитя в колыбели колышется (а оно еще не родилось). Вот оно родилось, возвращается повитуха и рассказывает, что в колыбели дитя колыhalось. Господь говорит: «То дитя повесится!» Опять пришли за повитухой, опять Господь велит ей посмотреть в том доме в окно. Пошла та баба и снова посмотрела в окно — а то дитя купается в воде. Приняла роды, вернулась и говорит: «В воде купалось дитя». Он говорит: «То утопится». Приходят за ней в третий раз. Посмотрела она еще в окно и у третьего новорожденного. Видит, что дитя сидит за столом в такой одежде хорошей и пишет. Господь говорит: «Этот будет государь» (с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

В белорусских представлениях о человеческой судьбе (чаще в сказках, чем в мифологических представлениях) известен также образ Доли (и Недоли — несчастливой судьбы) как личного жизненного пути человека. Внешний вид Доли может быть разным: в одних случаях она выглядит как красивая обнаженная молодая девушка с распущенными волосами, повсюду незримо сопровождающая человека, в других она имеет вид горбатой старухи в рваной одежде, живущей в лесной избушке.

В отличие от судьбы-рока, Доля представляет скорее судьбу-удачу, которую человеку необходимо отыскать и заставить служить себе, — то есть, найдя собственную Долю (свое дело в жизни), судьбу можно изменить к лучшему. У каждого человека Доля своя — это предназначение в жизни, в котором он может реализовать себя. Например, существует предание, по которому один человек в поисках своей доли набрел на поляну, на которой танцевали три молодые девушки — одна из них была Долей бедняка, другая — рыбака или охотника, а третья — хлебороба.

Считается, что хорошая Доля помогает человеку в делах, благодаря чему он становится удачлив и богат. Если же человек беден и хозяйство его хиреет, это значит, что его ленивая Доля не помогает ему и отлынивает от своих обязанностей. Когда он идет искать ее, то находит либо в дупле осины, либо качающейся на ветвях березы — истории об этом известны в Речицком Полесье.

У двух братьев, одного богатого, другого бедного, хлебные поля были рядом. Однажды бедный брат пошел посмотреть, как растет его жито, и увидел, что по его полю ходит женщина, срывает с его поля колосья и перебрасывает их на поле брата. Человек стал стыдить женщину, а та ему ответила: «Не ругайся, я — его Доля и ему обязана помогать». Человек спросил, где же его Доля, а женщина ответила, что его Доля на березе колышется. Человек нашел свою Долю на березе, и она ему посоветовала заниматься не крестьянским трудом, а торговлей. Человек последовал совету своей Доли и разбогател.

В других вариантах сюжета найденная бедным братом Доля дает ему чудесный предмет, который помогает ему поправить свое положение. Например, в одной из гомельских сказок она прячется в дупле осины и дает ему торбу. Если ее открыть и сказать: «Скок из торбы!» — из нее появляется разная еда, а если произнести: «Скок в торбу!» — остатки еды убираются назад. Примечательно, что подобные сюжеты о поисках своей Доли существуют и в украинской традиции.



Зима. Кон. XIX в.

Кроме хорошей Доли, существует и несчастливая Доля — тот, кому она выпала, не может избавиться от бедности и несчастий, хотя и трудится в поте лица. Персонификация злой доли — Беда — преследует человека, и избавиться от нее чрезвычайно сложно. Тем не менее, постаравшись, ее можно утопить в реке.

Жили два брата. Один бедный, другой богатый. Бедного Доля губила. Он пошел в другое место жить. А Доля за ним идет и говорит: «Ты меня никогда не оставишь». Шел тот брат по мостику через речку, страхнул с себя да ту дурную Долю и утопил. С тех пор зажил хорошо. Богатый брат захотел его погубить. Вытащил ту Долю из реки, так она к нему и пристала (с. Ополь Ивановского р-на Брестской обл., 1986 г.).

В другом варианте этого сюжета бедному брату удалось хитростью заманить злую Долю в пустую кость (ей захотелось съесть там костный мозг), которую затем он заткнул колышком и завалил тяжелым камнем. В результате его дела поправились настолько, что богатый брат стал ему завидовать и выведал все о том, куда тот спрятал злую Долю. Но когда он освободил ее, желая навредить брату, она накинулась на него самого и так прилипла к нему, что через несколько лет у него не осталось даже суммы, с которой он мог бы пойти нищенствовать.

В русской традиции злую Долю называют *Лихом одноглазым*, и фигурирует она в основном в сказках, а не в мифологических рассказах.

Олицетворением злой, несчастливой Доли также могут быть многочисленные мелкие персонажи — Злыдни, имеющие вид худых, облезлых животных: то ли кошек, то ли собак — или маленьких существ в больших сапогах и шапках. Эти существа, как и Доля, чаще бывают персонажами сказок, а не мифологических представлений. Напав на жилище человека и поселившись

в подпечье или за печью, Злыдни приводят все хозяйство в упадок: привлекают убытки, а семья становится все беднее и беднее. Они пакостят в любом деле: портят тесто в квашне, крадут у кур яйца, бьют горшки, в кашу подсыпают песок. Избавиться от них крайне трудно, но можно действовать так же, как и в случае с Бедой: попытаться хитростью заманить их в мешок или какой-нибудь крепкий ящик и утопить в болоте, для верности придавив камнем. Тот, кто случайно или по глупости освобождает их, тут же подвергнется нападению и навлечет на себя неприятности.

ДУХИ БОЛЕЗНЕЙ

В народной культуре большинство болезней наделялось демонической природой и объяснялось результатом сглаза и вредоносной порчи, насылаемой ведьмами и колдунами или особыми, олицетворяющими их нечистыми духами. Одушевленными существами с человекоподобной внешностью считали детскую бессонницу (*ночницы, криксы*), эпилепсию (падучая, черная болезнь), лихорадку (*шухля, хинтя, трясуха, трасца*), а также все эпидемические болезни — чуму, холеру, оспу, моровые болезни скота (*Коровья Смерть*), губящие людей и животных.

Ночной плач ребенка, беспокойство, бессонницу объясняли тем, что на него нападают ночницы, мучают, мешают спать: «крыкухы приходят до малых», «ночныця напала», «ходить ночныця». Их могли представлять в виде женщины, птицы или невидимых существ. Чтобы обмануть ночницу и отвлечь ее от ребенка, к нему в колыбель клали валёк для стирки белья — *прач*. Его пеленали, делая из него своеобразного «двойника» младенца, потом некоторое время ждали, чтобы ночница залезла на него, и выбрасывали через окно (как считалось, вместе

с недугом). Причиной прихода ночницы считалась оставленная хозяйкой на ночь или накануне праздника недопряденная пряжа на прялке:

«Нужно допрясть все, иначе придут ночницы и спрядут ее, заберут. В праздники не пряли, иначе ночницы пугать будут» (с. Туховичи Ляховичского р-на Брестской обл., 1987 г.).

Лихорадку представляли в образе высокой худой женщины с распущенными волосами, и в суеверных рассказах она обычно предстает либо как одиночное существо («пани в шляпе», «паненка, тонкая в поясе»), либо (обычно в заговорах) множеством сестер-лихорадок, каждая из которых «отвечает» за определенный болезненный симптом — озноб, дрожь, ломоту в теле и прочие. Этот широко известный у славян сюжет о сестрах-лихорадках, дочерях Ирода, попал в восточнославянский фольклор из византийских апокрифических текстов. Он стал известен в текстах разных жанров — духовных стихах, легендах, а особенно в заговорах от лихорадки. Число злых сестер, по разным представлениям, может варьировать от семи до семидесяти семи, а их черты слагаются в длинный перечень: босые, голые, простоволосые, растрепанные, косматые, косые, кривые, хромые, дурные, распоясанные.

В белорусской традиции существовало убеждение, что сестры-лихорадки могут иметь вид семидесяти семи мух, каждая из которых старается попасть в пищу или питье, чтобы человек проглотил ее, — именно после этого он и заболевает. Чтобы избавиться себя и своих близких от опасности, нужно поймать одну такую муху, завязать ее в тряпочку и подвесить в печной трубе — тогда ни одна лихорадка к дому не подойдет. Чтобы избавиться сразу от всех сестер, каждая из которых по-своему мучит больного, больному нужно сварить вкрутую яйцо, разрезать его на семьдесят семь частей, завязать в тряпочку, а на закате

солнца пойти к какому-нибудь водоему и левой рукой бросить этот узелок как можно дальше от себя, сказав: «Вас семьдесят семь, нате вам ужин всем!» — после чего без оглядки бежать домой — тогда голодные лихорадки набросятся на кусочки яйца и оставят человека в покое.



Ян Брейгель Старший, Триумф смерти. 1597

В окрестностях Волковыска (Гродненская обл.) известны рассказы о мужике, сумевшем перехитрить двух сестер-лихорадок, планировавших забраться к нему внутрь и мучить его три года. Говорят, он пахал в поле, устал и лег на краю поля отдохнуть, но тут увидел, что к нему со стороны болота идут две паненки — Трясцы, поэтому решил притвориться спящим. Те остановились над ним и, думая, что он спит, стали рассуждать, как бы проникнуть к нему внутрь, ведь губы у него были плотно сжаты. Тогда одна из них сказала: «Когда он вернется домой, то очень захочет яичницы, а я сяду пылинкой к нему на правое ухо, упаду в ложку, и он меня проглотит — я три

года буду в нем гулять. После этого Трясцы пропали. И действительно, когда мужик вернулся домой, он очень захотел яичницы. Жена ему ее приготовила, он сел есть, а сам следит, когда Трясца упадет к нему в тарелку. Когда это случилось, он быстро вынул из кармана табакерку и положил яичницу внутрь, закрыл, завязал как следует суровой ниткой и повесил в печной трубе. Три года провисела лихорадка в табакерке. Когда мужик ее выпустил, она пообещала, что больше не будет мучить людей, а уйдет жить на сухие леса.

Эпидемическая болезнь может иметь вид молодой «паненки», появляться в облике высокой и худой женщины в белом или черном покрывале, в виде сгорбленной старухи с клюкой в руке или неясной фигуры в белом, а также может быть и вовсе невидимым существом, присутствие которого в селе ощущают только собаки:

«Кто-то скоро помрет — Нядуга по селу ходит. Это болезнь ходит, поскольку собаки сильно гавкали, вели по селу болезнь. Никто ее не видит. Белая идет, ее собаки видят. Может быть как кот» (с. Барбаров Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).



Чумной доктор. 1720

«Моровые девицы», распространяющие эпидемические болезни, выглядят как красивые панны с распущенными волосами, но при этом с зооморфными частями тела (например, с лошадиными или коровьими копытами). Иногда моровая болезнь может принимать вид животного: кошки, собаки, свиньи, сивого коня — тот, кто прикоснется к нему, умрет.

Покажется в глазах — женщина в белом, высокая, вечером. В белом платье. Наша мать рассказывала: «Я сижу, пряду кудель. Месячно, звезды светят, двенадцать часов». Она бедная была и прядла ночью. «На дворе — ух! Мои свиньи из хлева выскочили, как они открыли дверь? Я смотрю: бежит через село такая телушка белая-белая, большая такая, из конца в другой конец села. Я свиней закрыла, прихожу — страшно». То болезнь свинячья была, много их умерло потом (с. Лисятичи Пинского р-на Брестской обл., 1981 г.).

У всех славян есть общие мотивы, связанные с духами моровых болезней, поветрий: в одних сюжетах некая фигура в белом или черном ночью обходит село, стучит в окна домов, вызывает людей по имени — кто откликнется на ее зов, тот заболеет и умрет; в других незнакомая женщина просит возницу подвезти ее в село (часто — переправить на лодке или на спине через реку, служащую границей села), после чего в селе начинается эпидемия или мор скота — только у человека, оказавшего болезни услугу, все домочадцы и скот оказываются здоровыми; в третьих дух болезни заставляет человека носить себя от села к селу на плечах. Например, на западе Гродненской области рассказывали, как человек, ехавший возом в город, посадил к себе в повозку старую, страшную, оборванную женщину, такую худую, что видны были только кожа да кости.

«Ну садись, баба, подвезу!» — «А ты знаешь, кого ты везешь? Я такая баба Холера!» — «А почему ты Холера?» — «Вот увидишь, — говорит, — что тут завтра в городе будет!» — «А что такое?» — «А тут от холеры умрет сорок пять человек!» — «Неужели это правда?» — «А вот поглядишь!» — «А где же я с тобой завтра увижусь?» — «Там за городом есть развалины городской стены, придешь завтра утром в девятом часу, меня увидишь». Приехали в город, она слезла и куда-то пошла, он

не видел. Ночью он слышит: какое-то смятение, суета, люди бегают, плачут, уже некоторые поумирали. Утром он вышел на улицу, сказали, что шестьдесят человек умерло. Уже интересно ему стало, есть ли та баба в развалинах. Приходит, видит — сидит та баба в уголке. «Ах ты, баба Холера, сказала, что умрет сорок пять человек, а умерло все шестьдесят!» — «Я, — говорит, — за пятнадцать человек не виновата, они умерли от страха, а сорок пять — от холеры».

В центральных частях Белоруссии болезни представляли в виде *моровой панны*, которая, носясь в воздухе, машет черным платком: над каким селом помашет — там начинается мор; в окно какого дома просунет руку с платком — вся семья там заболит. К примеру, холера может иметь вид высокого худого существа, животного, а иногда — тучи, из которой на землю выпадает ядовитая влага, вызывающая смерть. В других случаях она ходит ночью по домам в облике высокой черной худой страшной женщины и делает квас и другие напитки, оставленные непокрытыми, ядовитыми. Похожим образом представляли себе и Оспу — в виде худой бабы в длинном черном блестящем одеянии, — там, где она пройдет, народ умирает. Обобщенно заразная болезнь может называться *Нядуга* или *Зараза* и выглядеть как очень худая (кожа да кости) старуха, но такая сильная, что любого человека может задушить, как муху. К примеру, эпидемическая чума скота представлялась в виде безобразной старухи, вооруженной острым шилом и передвигающейся на спине черной коровы.

Считалось, что моровая болезнь может являться человеку во сне, символически предрекая смерть одних людей и выздоровление других.

В Белоруссии, как и у всех восточных славян, в качестве основного способа борьбы с повальными болезнями были изготовление обыденного (однодневного) полотна и ритуальное опаживание. Обыденное полотно получало магическую силу

благодаря своеобразному «спрессовыванию» времени, поскольку весь технологический цикл его изготовления от прядения нитей до готового изделия должен был занимать одни сутки. Незамужние девушки и женщины, вышедшие из детородного возраста (то есть «чистые» в половом отношении), собирались в одной хате и в полном молчании за сутки изготавливали узкое, но достаточно длинное полотнище для того, чтобы под ним можно было прогнать весь сельский скот. Затем его или относили в церковь, или вывешивали на придорожный крест.

Обрядовое опахивание также производили только женщины, свободные от сексуальных отношений, — глухой ночью и в полном молчании. Одни из них впрягались в соху или плуг, а другие им управляли, проводя борозду вокруг всего села и замыкая ее в том месте, откуда начали. Земля из-под плуга обязательно должна была ложиться во внешнюю сторону, от села.

СМЕРТЬ

Белорусы называли Смерть «матерью грехов», но насчет того, по какому принципу она забирает человеческую жизнь, мнения разнились. Одни считали, что она живет в пекле и выходит оттуда за людскими душами по велению главного черта, другие же полагали, что она забирает ту душу, которую предназначает Бог, и что предварительно она советуется с Ним, получая от Него указания. Согласно одной из белорусских легенд, первым людям Адаму и Еве Бог дал возможность после смерти снова воскреснуть и прожить еще некоторое количество лет, но Адам отказался, предпочтя окончательно остаться на «том» свете, чем еще раз переживать смерть, поскольку умирать крайне тяжело. Забрав душу человека, Смерть сопровождает ее в загробный мир, где та в зависимости от наличия грехов попадает в руки ангелов или чертей и предстает перед Богом.

Образ Смерти как лишенный плоти скелет с косой в руках, столь характерный для западнославянской и западноевропейской мифологии, у восточных славян встречаются, как правило, в древнерусской иконографии, духовных стихах, книжных миниатюрах, лубочных картинках — то есть в источниках книжного характера. В большинстве белорусских быличек и восточнославянских поверий о Смерти она предстает в виде человекоподобного женского существа в белой одежде:

«Идет рядом со мною в белом убранная, как жонка, только все белое на ней» (с. Олтуш Малоритского р-на Брестской обл., 1985 г.).



Дитя. 1882

Иногда Смерть упоминается в черном одеянии, что является влиянием современной похоронной культуры. Важно помнить: исконно славянский цвет траура — белый, а черная одежда как знак смерти — это позднее западнославянское влияние.

В описании Смерти встречается еще один постоянный признак: как правило, это высокая, длинная, сухая, худая, костлявая, бледная женщина с холодными пальцами. Чаще всего ей приписывают достаточно молодой или средний возраст: «в белом платье, высокая, худая, молодая еще».

Рассказывал один старик. Ехал он возом через лес, подъехал к самой деревне, видит: высокая женщина в белом переходит ему дорогу — и сразу исчезла. Приехал он к себе во двор, а ему говорят, что его жена умерла. Так это он Смерть увидел на дороге (с. Ручаевка Лоевского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

В руках или на плече у Смерти может быть коса, серп или нож, которыми она подсекает человеческую жизнь, но часто эти орудия просто являются ее постоянными атрибутами, а убивает человека она либо взглядом и просто присутствием, либо же душит, забирая из него душу.

Смерть может выглядеть как молодая женщина, пригожая, с распущенными волосами и венком на голове, что актуализирует архаичное представление о Смерти-невесте и похоронах как свадьбе.

Часто рассказывают, что для обычных людей Смерть невидима, а увидеть ее может или больной, умирающий человек, за которым она явилась, или тот, кто знается с нечистой силой. Смерть не только забирает у человека душу, но и насылает на людей мор, садится к человеку на телегу (при этом лошади становятся очень тяжело везти такую пассажирку) или запрыгивает ему на спину и просит подвезти до села, стучит в окно, окликая свою жертву, — эти действия сближают ее с духами повальных болезней.

Смерть нередко выступает в качестве персонажа-предсказателя в рассказах об ожидаемых бедствиях: неурожае, голоде, массовых

болезнях, гибели стариков или молодежи. В этих рассказах Смерть предстает как голая или одетая в белое женщина, которая просит проезжающего мимо человека привезти ей белое либо черное полотно на платье. Получив желаемое, она предсказывает будущее: станут умирать дети, или будут гибнуть на дорогах молодые люди, или будет хороший урожай, но воспользоваться им окажется некому и прочее.

Говорили, ехал шофер. И стоит женщина на дороге, совсем голая. А он говорит: «Что ты стоишь?» — «Так дай мне одетая». Он зашел в магазин и купил ей платье новое. Дал ей, и она надела. А она говорит: «Если бы дали мне старое платье, я бы старых забирала, а как новое дали, так я молодых беру». Дак она — Смерть — уже стала молодых брать (с. Жаховичи Мозырского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Один из наиболее популярных сюжетов, связанных со Смертью, — это «Смерть-кума». Чаще всего он встречается в виде сказки, а не в виде мифологического рассказа, но в ряде случаев



Смерть у порога. XIX в.

может быть представлен и как поверье о конкретном случае родственных взаимоотношений человека со Смертью. Этот сюжет включает в себя набор постоянных мотивов: 1) из-за бедности или из-за того, что у героя постоянно умирали во младенчестве дети, никто не хочет идти в крестные к его новорожденному; 2) человек выходит на дорогу и решает взять в крестные первого встречного — им оказывается Смерть, которая соглашается стать ему кумой; 3) Смерть-кума

помогает герою разбогатеть, обучив его способности предсказывать, умрет больной или выздоровеет: если Смерть, придя в дом к больному, стоит у него в головах, он умрет, а если в ногах — выздоровеет. Поскольку для всех, кроме кума, Смерть невидима, он начинает считаться хорошим знахарем и благодаря предсказаниям становится богатым; 4) когда приходит пора герою умирать самому, он просит Смерть немного подождать, и она соглашается; 5) он создает крутящуюся кровать, которая всякий раз поворачивается к Смерти ногами, когда та попытается встать у него в головах. И все же Смерть пресекает попытки ее обмануть, произнеся заключительную фразу: «Крути, не крути, а нужно умерти!»

На западе Белоруссии встречаются рассказы о человеке, которому пусть временно, но все же удалось обмануть Смерть: тот сделал деревянную колоду (в другом варианте — коляску), в которую загнал Смерть. Пока она находилась внутри, люди на земле не умирали.

ПЕРСОНАЖИ, КОТОРЫМИ ПУГАЮТ ДЕТЕЙ

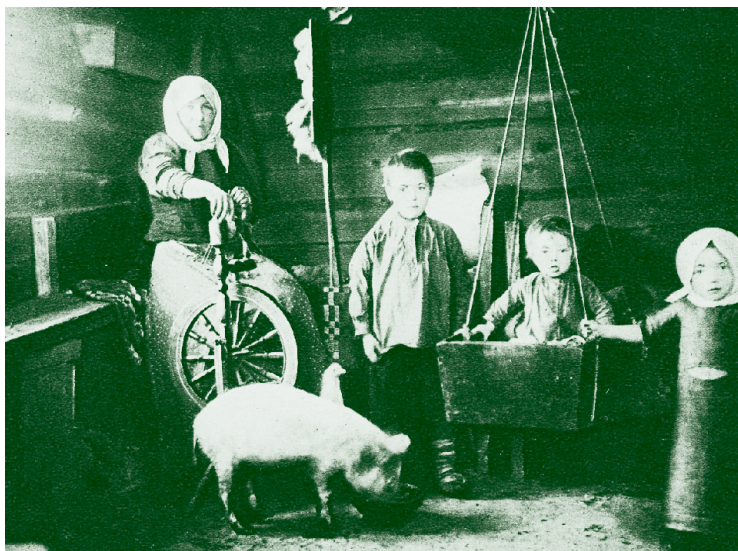
В белорусском фольклоре существует персонажи, которыми запугивают детей, чтобы добиться от ребенка желаемого поведения (чаще всего для того, чтобы он не ходил в опасные для него места — к реке, к колодцу, в лес, в поле).

Обычно детям указывают на запретное место: туда нельзя ходить, потому что там есть (сидит, живет) некое существо: «там русалка сидит», «там в реке черт», «там бабай сидит», «там дикие люди». Персонаж, которым пугают, может проявлять вполне конкретную агрессию: «там смерть с косою голову отрезет», «железная баба сидит, и потянет в воду и задушит», «там потопленник съест вас». Он может забрать ребенка из привычного домашнего пространства и увести неизвестно куда, оставив

его у себя: «там баба Яга сидит в лесу, поймает и не пустит», «придет злой дед, что детей забирал, так заберет вас», «там цыган затаился, схватит и возьмет себе». Среди атрибутов устрашающих существ известны мешок, сумка, повозка: «дед с железным мешком, вас половит, и в мешок», «волк стучит в окно, возьмет в мешок»

Чтобы дети не ходили к колодцу, их пугают живущими там русалкой, железной бабой, дедом с бородой, жабой, щукой, которые в формулах устрашения нередко выступают как синонимы. В некоторых случаях персонаж может и вовсе заменяться неопределенным «нечто»:

«Не ходите, ибо там нечто напугает, да тебя схватит да сунет туда. Нас пугали. А мы ж думаем, что там будет сидеть нечто. Убегали» (с. Радчицк Столинского р-на Брестской обл., 1984 г.).



Крестьянка с детьми. Фото, нач. XX в.

В качестве устрашающих существ обычно выступают персонажи традиционной белорусской мифологии: русалка, волколак, топельник, черт, ведьма, домовик и другие. В формулах запугивания привычный образ этих персонажей уменьшается до двух-трех устойчивых мотивов, основная цель которых — устрашение непослушных детей. Например, русалка в подобных формулах запугивания постоянно находится в каком-либо запретном для ребенка пространстве (в поле, лесу, огороде) и может защекотать или забить его своей железной грудью («Русалка цыцкой истолчет!») или истолочь в ступе:

«Не ходи в жито, а то русалка железным толкачом побьет, в ступе истолчет!» (с. Оброво Ивацевичского р-на Брестской обл., 1987 г.).

Остальные мотивы, присущие образу русалки, в таких упрощенных формулах отсутствуют.

Железные атрибуты (грудь, ступы, песта), которыми русалка наделяется в подобных формулах, сближают ее с такими специфическими детскими персонажами-урашителями, как железная баба, железный дед, баба с железными зубами или Баба-яга:

«Железная баба схватит, если пойдешь к колодцу. Она там сидит и караулит маленьких детей!» (с. Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Эти собственно детские персонажи запугивания (баба, баба Агата, голобаба, дед, дядька, бабай, нимка, марушка, тэрэнька) практически не имеют аналогов во «взрослой» мифологии и не существуют вне формул устрашения детей. Наиболее обширную группу здесь составляют «чужие взрослые» — дед, баба, дядька, мужик. Наделение их мифологическими свойствами происходит

либо за счет прибавления к этим словам имени собственного (баба Барабаха, дед Бабай, дед Гунда), либо за счет приписывания им постоянной характеристики («Говорили: дурная баба или дурной дед заберет!»), а также какого-либо атрибута (бороды, длинных рук, железных зубов, мешка, ступы, клюки).

В категорию персонажей запугивания попадают также социальные и этнические чужаки (цыган, цыганка, еврей, поп, нищий, местный сумасшедший).



Ведьма, похищающая ребенка. Кон. XIX — нач. XX в.

В роли устрашителей может выступать значительный круг животных (собака, коза, жаба, змея, уж, мышь, волк), а также некоторые птицы, рыбы (особенно сом) и насекомые (например, говорят, что непослушного ребенка съест жук). Их образы служат для того, чтобы не пускать детей в чужое, опасное пространство или ограничить их пребывание на огороде, где они могут испортить посевы (например, оборвать горох или огурцы). Поскольку большинство из этих существ обладают отчетливой хтонической символикой, их способность выступать

в роли персонажей запутывания объясняется именно этим, а не реальным вредом, который они могли бы причинить ребенку. Если судить по фольклорным материалам, одним из наиболее агрессивных и опасных для детей животных является жаба, которая в таких формулах наделяется фантастическими свойствами — она способна укусить, съесть ребенка, схватить его за голову, утянуть за косы или за уши:

«А как к колодцу идет дитя, говорим: тебя жаба схватит за волосы да утянет» (с. Хильчицы Житковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).



Дети на речке. Ок. 1890

Столь же необычными свойствами могут обладать и искусственно конструируемые персонажи, такие, например, как *ним-ка* (которая кричит: «ним-ним-ним!»), *кровосос* или *гарбуза́ с лапами* (то есть тыква с лапами), которая почему-то поджидает непослушных детей в реке.

ГЛАВА 6



НЕЛОКАЛИЗОВАННЫЕ ПЕРСОНАЖИ

В белорусском фольклоре есть персонажи, обладающие исключительной подвижностью и незакрепленностью в каком-то определенном пространстве. Они с легкостью перемещаются из одного места в другое и пребывают в движении, встречаясь то на перекрестках и дорогах, то в воздухе, то в лесу, то в доме.

Прежде всего речь идет о черте — одной из наиболее важных фигур белорусской мифологии, происхождение и формирование которой фольклористам до сих пор окончательно не ясно¹. В фольклорных текстах разных жанров (в легендах, быличках, сказках) образ черта каждый раз предстает несколько иным. На него повлияли переработанные народной культурой книжные представления о носителе абсолютного зла и противнике Бога Сатане. В легендах о сотворении мира черт предстает как демиург, который наравне (или почти наравне) с Богом творит элементы мира. В быличках черт — это персонаж, обладающий собственным набором признаков и характерных особенностей, — он вредит людям, пугает их, стремится получить их души, подталкивает к грехам, в том числе к самоубийству. В бытовых сказках и анекдотах черт часто предстает как простак, которого легко обмануть. В белорусской мифологии, особенно в Полесье, где почти отсутствуют представления о духах — хозяевах пространств типа лешего или водяного, их нередко замещает именно черт, будучи своеобразным персонажем-джокером, обитающим и в водоемах, и в лесу, и в поле, и в доме.

Второй персонаж — это летающий змей, который в полесских поверьях предстает как демон-обогадатель, приносящий своим хозяевам богатство и принимающий различный

облик, в зависимости от того, в каком пространстве — в воздухе или на земле — находится. Представления о подобных духах хорошо известны в разных славянских регионах (особенно на Карпатах и у западных славян)². Эти духи привязаны к определенному дому и его хозяину, однако, в отличие от домового, осмысляются не как хозяева-опекуны жилища, а как слуги конкретного человека; к тому же богатство своим владельцам они приносят, ворую его у кого-то еще. В других восточнославянских регионах (например, во многих областях России, украинском Полесье) облик летающего змея связывается с иной функцией — мифологического любовника, который прилетает к женщине, тоскующей по умершему мужу или возлюбленному.

Третий вид персонажей, о которых говорится в этой главе, служит наглядным свидетельством развития живой мифологической системы — это доброхожие. Имена *доброхот*, *доброхожий* известны в записях белорусского фольклора с XIX века. Этими именами называли разных существ: домовика, лешего или другую нечистую силу, — но самостоятельный образ с таким именем и качествами появился всего несколько десятилетий назад. Это совсем молодой персонаж, который находится еще в стадии формирования и «притягивает» на себя функции некоторых других образов, в том числе лешего. Всех доброхожих объединяет общая черта — пребывание в движении, нахождение в пути, в дороге, где с ними и сталкивается человек.

ЧЕРТ

Черт считается самым опасным, изворотливым, вездесущим и вредоносным существом. Его не называют напрямую, а используют имена-заместители: *недобрый*, *нечистый*, *нехороший*,

лукавый, лихой, поганный, дурной, окаянный, неприятель, враг, изверг, беда, не свой дух; внешние признаки: рогатый, хвостатый, пан в черном костюмчике, а также иносказательные обороты, например: *приходит то, поганое — два рога на лбу — и говорит...* При упоминании чертей принято добавлять охранительные формулы типа: «пусть его не будет», «пусть они исчезнут», «чтоб мы его не знали», «не при хате будет сказано». Иногда слово *черт* заменяют его менее опасными «книжными» названиями — *дьявол, сатана, Антихрист*. Слово *черт* может обозначать нечистую силу в целом и употребляться в отношении почти любого мифологического персонажа.

В белорусской мифологии на представления об облике черта сильно повлияли, с одной стороны, популярный иконописный образ дьявола как человекоподобной темной фигуры с хвостом, рогами и копытами и, с другой стороны, западноевропейский (через польское посредничество) тип социального и этнического чужака, пана, шляхтича, немца в городской одежде. Черта представляли в одежде немецкого покроя — в короткой курточке и узких панталонах, в шляпе и с тросточкой либо в мундире государственного служащего или военного (солдата, офицера, лесника, милиционера) с блестящими (золотыми, серебряными, стеклянными) пуговицами. Такие элементы облика черта, как шляпа (капелюш, от польского *kapielus* — «шляпа») и блестящие (блискучие) пуговицы — гудзики (от польского *gudzik* — «пуговица»), стали даже обозначениями черта:

«Идет весь в черном, на нем гузики такие блискучие и сапоги» (Брестская обл.); «[Черти] — ну, в шляпах, что вот так разодеты, так, как люди ходят в капелюшах» (с. Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл., 1985 г.); или: «[Черт] — человек в капелюше, в пальто черном, в гудзиках» (с. Дяковичи Житковичского р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Вместе с тем в быличках сохраняются архаические зооморфные признаки черта — звериные или птичьи ноги (гусиные, куриные, конские, коровьи, козьи, собачьи), короткие или тонкие, иногда вывернутые пяткой вперед; шерсть на ногах, спине или даже всем теле; звериные когти на руках; иногда собачья или свиная морда. Еще одна характерная деталь в облике этого персонажа — отсутствие кожи на спине, из-за чего у него видны все внутренности (о черте говорят, что у него «нет спины» или что у него «спина корытом»).



Крестьянин и черт грузят бревно на телегу. Ок. 1900

Одно из типичных свойств черта — способность мгновенно менять и принимать любой облик — мужчины, женщины, ребенка, животного, птицы, предмета. Кое-где даже считалось, что у черта нет собственного облика, и он всегда предстает в чужом обличье или же что людям не полагается видеть подлинный облик черта — только его человеческую ипостась.

Стремясь сбить человека с толку и одурачить, черт часто принимает вид знакомого, родственника, односельчанина, соседа. Часто в описаниях облика черта присутствует мотив неясности, неопределенности: «свинья не свинья, собака не собака» — или способности быстро менять личины: «стоит баран, потом он уже кот, потом собака». В быличках часто подчеркивается ложная доступность мнимого «барашка», или «ягненка», или «гуся», лежащего где-нибудь у дороги, и одновременно его абсолютная неуловимость. Черт нередко развлекается тем, что, прикинувшись животным или птицей, морочит человека, заставляя за собой гоняться, а затем ускользает у него из-под носа ветром или вихрем.

Мы пошли к болоту сено грести. Гребем мы сено, нагребли уже тридцать три копны. Вот мы кладем копну — аж прилетает такая утка большая. Села на копну. И такая тяжелая, такая сытая, такая, что не может лететь да катится. Я говорю: «Девушки, давайте поймаем ее! Вот какая сытая, что никак не может взлететь». Как мы подбежим к ней, граблями хотим ударить, а она на другую копну! И ты знаешь, как она нас вела! Тридцать три копны! И она привела на последнюю, вот! Вот уже та копна около лозы. Как мы к ней — вот уже заберем! А она... Как поднялся ветер, как понес ту копну, пошел в камыши, и сено то разлетается! Вот тебе и нечистое, правда? Вот я никогда не забуду той утки. А оно то скинулось, то нечистое — уткой (с. Ласицк Пинского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Часто, измучив человека бесплодной погоней, мнимый «барашек» или «козлик» передразнивает человека, повторяя произнесенные им фразы, и с хохотом исчезает или превращается в другой предмет (этот мотив отражен и в русской традиции: его отголосок мы находим в «Бежином луге» Ивана Тургенева: псарь

Ермил берет в руки белого барашка, стоявшего на могиле утопленника, гладит его и говорит: «Бяша, бяша», а тот, оскалив зубы, отвечает: «Бяша, бяша!»).

Как и ведьма, черт может принимать вид разных предметов, чаще всего — клубка пряжи, колеса, столба, камня, а также копны сена или куля ржаной, ячменной и овсяной соломы, но не пшеничной — по гродненским поверьям, на нее черт не имеет права, так как из пшеничной муки пекут облатки для причастия (у католиков).

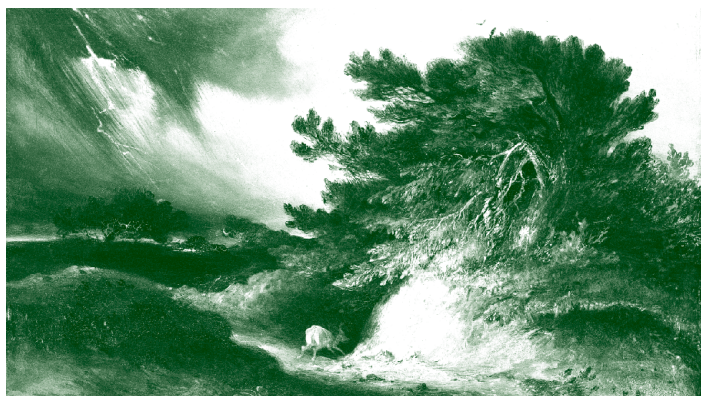
Черт не связан с каким-либо определенным пространством (в отличие от домашних и природных духов), и считается вездесущим (*повсюдным*, по определению белорусов). Притом что черти постоянно находятся в аду, в потустороннем мире, они легко преодолевают границу с земным миром, где могут вредить людям. При этом у них есть свои излюбленные места — это труднодоступные, дикие, заросшие природные участки: овраги, глухие заросли, кладбища, болота, омуты, водовороты. Черти часто бывают и на различных пограничьях — дорогах, перекрестках, мостах или любых переправах через воду, полевых межах, границах сел, а также в заброшенных и разрушенных постройках, даже если это бывшие часовни или церкви. Постоянное присутствие нечистой силы в крутящемся вихре или сильном, порывистом ветре свидетельствует о том, что черти также могут находиться и в воздушном пространстве. Они проникают и в жилое пространство человека, если оно недостаточно защищено оберегами.

Черти чаще всего появляются на земле в переломное, «пограничное» время суток — в полночь (или в «глухой час», в «глухую ночь»), а также в полдень.

Глухая ночь, говорят, ибо нельзя ничего такого говорить, потому что уже полночи минуло, другая начинается. Уже тогда, как мы говорим, черти разъезжают. Ты если [в это время] заговоришь,

считается, что ты в его [черта] половину переходишь, в его руку переходишь (с. Онисковичи Кобринского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Особую активность черти проявляют в определенные календарные периоды, наделенные «пограничной» символикой, — дни зимнего (святки) и летнего (троицко-купальский цикл) солнцеворотов, в кануны больших христианских праздников — Рождества, Крещения, Благовещения, Пасхи, Ивана Купалы (Рождества Иоанна Крестителя). Они слетаются на годовые сборища в пору созревания рябины — так называемые *рябиновые ночи*, поэтому в период с Петрова дня до Ильина дня Бог насылает на них свои громовые стрелы, из-за чего в это время случаются сильные грозы — это Бог нечистиков бьет.



Пейзаж в грозу. 1843

С чертом (как и с водяным духом) связан мотив смены мест пребывания в зависимости от сезона и освящения воды и растений. Предположительно, он отражает некие весьма архаичные представления о пребывании мифологических существ

в растениях в зависимости от их цветения и плодоношения: сначала — в вербе и лозе, затем — в жите и траве, потом — в яблонах и яблоках, после чего — в воде, где и остаются до Крещения, а после снова переселяются на вербу и лозу. Вероятно, в более позднее время этот мотив закрепился за образом черта и стал связываться с христианским обрядом освящения воды на Крещение, вербы — на Вербное воскресенье, колосьев жита, а позже — яблок на Яблочный Спас. Один из его вариантов был известен на западе Гродненской губернии, где считалось, что с праздника Крещения до Вербного воскресения («Вербницы») черт сидит на вербе, а после ее освящения до Пасхи скрывается «в пирогах, сырах, мясе и яйцах» (то есть в скоромной, запрещенной во время Великого поста пище). Когда же на Пасху это все освящают, черт переходит на цветы и травы, после их освящения на Вознесение — в колосья, груши и яблоки, после Яблочного Спаса (Преображение Господне, 6/19.08) — снова в воду до Крещения.

В сказаниях черта часто видят сидящим или раскачивающимся на дереве (он же в белорусской мифологии соотносится и с русалкой, которая качается на ветвях) — ольхе, дубе, березе, вербе, орешнике, которое он иногда даже вырывает с корнем. В одной из брестских быличек черт «в капелюшике», сидя на дереве, плетет лапти, в других таится в дупле или укрывается под корнями. Его видят то раскачивающимся на ольхе, то скачущим по березам.

[Можно ли увидеть черта?] — Видели. Вот Ксения Драгуновска с Ульяною пасла скот. Потеряла она половину скота. Слышит: что-то как будто покрикивает. Когда посмотрела: а сидит на березе в шляпе, в черной. Сидит на березе, а потом, говорит, с березы на березу скачет и покрикивает. И они, говорит, обмерли, уже догадались, что это черт. Он, говорит, со второй березы на третью перескочил и: «У-у-у!» Только не так, как мы

кричим, а страшным голосом: «Гу-у-у!» — хрипло так. Ну, говорят, тот скот помаленьку он угнал. Да оттуда они давай убегать, когда ветер заходит, лес гнется, гнется — и уже ничего нет. [Он был как человек?] — Как человек, а мы, она говорила, видим по плечи, а больше ничего не видим (с. Стодоличи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1984 г.).



Договор с чертом. XIX в.

Хорошо известен сюжет о заключении чертом договора с человеком, который скрепляется кровью: в обмен на душу человека черт способен предоставить ему любое богатство, сделать его успешным в любом деле и выполнить любые пожелания. Ведьмам черти помогают отбирать молоко у чужих коров, колдунам — устраивать их зловредные дела, мельнику — по ночам молоть зерно. Они куют в кузнице вместо кузнеца, пастуху

помогают пасти стадо, музыканта обучают игре на скрипке. По условиям договора человек может отдать черту не свою душу, а кого-то из кровных родственников, чаще всего ребенка. Дети при этом внезапно умирают без видимой причины или от несчастных случаев. Часто в подобных рассказах человек в последнюю минуту отказывается подписать договор, чтобы не загубить себя и своих близких.

Черт забирает душу подписавшего с ним договор, равно как и души грешников, в момент их смерти. Грех богоотступничества и продажи души нечистой силе — один из самых страшных, поэтому тяжелая, затяжная смерть таких людей, кто при жизни знался с чертами, — один из наиболее распространенных связанных с ними мотивов. Иногда это представление реализуется в виде спора ангела с чертом у постели умирающего:

«Борются ангел с чертом: тот себе, а тот себе душу умирающего тянет» (с. Смоляны Пружанского р-на Брестской обл., 1989 г.).



Ангел и черт борются за душу человека. XIX в.

Черт также может влезть в тело умершего колдуна и ходить в нем под видом покойника.

Один из наиболее характерных видов зловредной деятельности черта — искушение человека, склонение его к дурным делам и греховным поступкам: дурным мыслям, зависти, самоубийству, ссорам, пьянству, изменам, краже и другим преступлениям. Он вводит человека в соблазн, подбивает на злые дела.

Черт способен сбить человека не только с пути истинного, но и с дороги в прямом смысле этого слова: он заставляет путника блуждать, водит по разным непроходимым местам, заманивает в лесную чащу. В восточной Белоруссии (как и в русской традиции) этот мотив, как правило, закреплен за лесным духом — лесовиком. Но на юго-западе страны, особенно в полесской традиции, где отсутствуют представления о специальных лесных персонажах, эту функцию выполняет черт, о чем свидетельствуют устойчивые формулы, описывающие ситуацию потери пути: *черт водит людей, нечистый крутит дорогу, черт очи замотал, нечистый запутал*.

Любимое занятие черта — пугать людей в разных ситуациях. Черт показывается в странных образах, необычных, необъяснимых явлениях, звуковых и зрительных галлюцинациях. Это может быть странный барашек на дороге, говорящий человеческим голосом; светящийся столб в лесу; ночные стуки и шумы в доме; работающие ткацкий станок или прялка; детский плач в темноте на мосту. Черт морочит людям голову, старается сбить с толку, испугать.

Нечистый может не только испугать, но и убить человека во время святочных гаданий, которые устраиваются в «нечистое» время в «нечистом» месте — ночью в бане, овине, на перекрестке. Особенно опасным издавна считалось гадание с зеркалом, предметом, связывающем земное и потустороннее пространство. Необходимость немедленно перевернуть или

закрывать зеркало, когда там покажется «жених», объясняется тем, что под видом суженого в зеркале может показаться черт, способный погубить гадающую девушку.

Иногда на ночные святочные посиделки или вечёрки в другие праздники к девушкам под видом парней приходили черти и приносили угощение. Например, существует предание о том, как, пока все девицы сидят за столом, одной из них удастся заглянуть под стол, якобы чтобы подобрать упавший клубок, и она видит у «парней» лохматые ноги с копытами. Сообразив, что под видом женихов на посиделки явились черти, она под благовидным предлогом убегает из этого дома и таким образом спасается, а все оставшиеся девушки утром оказываются задушенными.

Девушка, забравшая у черта предмет одежды (чаще всего шапку), подвергает себя опасности — нечистый приходит к ней под окно, требуя вернуть его вещь, однако при попытке отдать ее убивает девушку или уносит ее с собой. В восточнославянских быличках этот сюжет обычно связан с покойником, с могилы которого человек уносит какую-то вещь (как правило, побившись об заклад, что не побоится пойти ночью на кладбище и что-либо там взять).

Чрезвычайно популярный у восточных славян сюжет о музыканте, приглашенном играть у черта на свадьбе, хорошо известен и в белорусской традиции: незнакомец просит музыканта поиграть на свадьбе или вечеринке за хорошее вознаграждение, и тот выполняет просьбу. Утром же после роскошного пира музыкант обнаруживает себя в болоте или лесной глуши, а вместо денег и золота, которыми его одарили накануне, в карманах находит лишь сухие листья и конский навоз:

«Шел некий музыкант, искал себе работы. Его пригласили играть на свадьбе. А там всего, что хочешь, и колбасы, и всего!

А это свадьба чертей была. Музыкант утром проснулся — а он на голой горе, кругом никого, только жабы да другая радость» (с. Симоници Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1986 г.).

Мотив свадьбы чертей связывается в белорусской мифологии с самыми разными представлениями: вихрь воспринимается как свадьба чертей и другой нечистой силы; самоубийство также осмысливается как женитьба самоубийцы с чертями; ведьмы зачастую танцуют на свадьбе чертей; существуют поверья о незримой женитьбе нечистой силы, при которой слышны только звуки музыки, пения и танцев, а самих танцующих не видно. Нередко заночевавший в лесу человек слышит со стороны болота звуки свадебного поезда — шум колес, музыку, веселые голоса или грохот едущей по дороге незримой свадьбы и понимает, что та «нечистая», когда шум затихает на кладбище:

Гулянье чертей может быть и вполне зримым, и, если встреченный ими человек поддается на их уговоры присоединиться к ним, он, разумеется, оказывается в полной степени одурачен нечистой силой.

Защититься от черта трудно, но все же возможно, если знать определенные правила. У всех славян (в особенности на Карпатах и Балканах, а также и у восточных славян) широко известно, что любое мифологическое существо, в частности черта и ведьму, можно лишить силы, если ударить его левой рукой наотмашь (то есть отводя руку от себя). При этом бить нужно только один раз — это принципиально важное условие. Если ударить черта или ведьму второй раз (а они будут просить об этом!), то это придаст им двойную силу. В славянской картине мира цифре 2 приписывается демоническая символика: удвоение, двойственность, двойничество воспринимается как опасное пребывание сразу в двух мирах — земном

и потустороннем (поэтому и опасно гадание с зеркалом, ибо оно удваивает реальность, создавая двойника из «иногo» мира). В витебских поверьях во время грозы преследующая черта молния (*пярун*) убивает его одним ударом, но, если бьет по нечистоту второй раз, он оживает.



Старик в церкви. 1881

Справиться с чертом помогают христианские символы: крест, крестное знамение, упоминание имени Божьего, молитва (особенно «Отче наш», «Да воскреснет Бог...» и 90-й псалом «Живый в помощи...», известный в народе как «Живые помощи»). Столь же действенны и любые освященные предметы (ладан, просфора, свеча, крещенская вода, освященный мак, части ризы священника и подобное) — это универсальные обереги, губительно действующие на всю нечистую силу.

Одним из наиболее действенных средств против черта, как и против «ходячего» покойника, считаются магические травы, наделенные чудесными свойствами: рута (*Ruta graveolens* L.), тоя (*Aconitum Napellus* L.), марена (*Asperula Odorata* L.), а также ряд других — безвершник (*Veronica latifolia* L.), буркун (донник лекарственный, *Melilotus officinalis*). По преданиям, они помогают в тех случаях, когда к девушке или женщине начинает ходить ее покойный жених или муж, а также скрывающийся под их видом черт. Жертве посещений потустороннего существа (часто тайно от нее самой) вплетают в волосы или затыкают в одежду одно-два из спасительных растений, чтобы нечистый не мог к ней подойти. Объединяет обширный круг восточнославянских быличек с этим сюжетом заключительная рифмованная реплика черта, упоминающая опасные для него травы: «Кабы не рута и не тоя, то была бы девка моя!» — или: «Выкинь тою, будешь моя!»

Важным оберегом от черта (как и от других мифологических персонажей) также служит хлеб — главная человеческая пища и одна из высших ценностей, воспринимаемая как «дар Божий», способный противостоять любому злу. Считается, что к человеку, у которого в кармане или за пазухой есть краюха хлеба, не пристанет ни сглаз, ни порча, а также не сможет приблизиться нечистая сила. Сакральный статус хлеба в славянской народной культуре настолько высок, что о нем даже говорили: «Не мы хлеб носим, а он нас носит». В белорусском Полесье известен сюжет о человеке, заночевавшем в лесу у костра и неосторожно откликнувшегося на незнакомый голос (чего делать категорически нельзя, особенно ночью). Этим откликом путник открывает нечистой силе доступ к себе, и спасает его в этой опасной ситуации только краюха хлеба.

Один мужик заночевал в лесу и спросонья слышит, как кто-то зовет. А он чувствует, что никого нет. Откликнулся он, а это идет ближе и зовет, подходит ближе и зовет. Сонный

был — и откликнулся. Ночью нельзя откликаться [на незнакомый зов]. А у него в сумке хлеб лежит. А он съел перед этим хлеба, а краюшек остался. И краюшек говорит: «Положи меня около огня, а сам притаись, будто спишь, когда кто-нибудь придет». Мужик послушался. Пришло то, что звало. «Кто меня звал?» — «Я», — хлеб говорит. — «А чего?» — «Чтобы ты меня от огня убрал, потому что мне жарко». Черт отодвинул хлеб и ушел (с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1986 г.).



Крестьянский обед в лесу. XVII в.

Одно из наиболее мощных средств защиты от черта — ругань, особенно матерная. Непристойные выражения весьма уместны в ситуации, когда нужно справиться с нечистой силой. К примеру, в Полесье при встрече с чертом считалось необходимым сначала прочитать молитву и перекреститься,

а если после этого он не исчезнет, плюнуть в его сторону и выругаться матом. Полезно также при этом произносить проклятия и грубые отгонные формулы вроде: «Поцелуй меня в ср...!», «Иди к чертовой матери!», дополняя эти выражения оскорбительными жестами: кукишем или оголением зада.

Чтобы не спровоцировать появление нечистой силы, необходимо соблюдать определенные правила поведения, поскольку сам по себе правильный с точки зрения традиции порядок действий служит действенной превентивной мерой против всевозможных сил зла сам по себе. К числу таких регламентаций относится запрет вносить в дом осиновые дрова и ветки, поскольку на осине повесился черт; свистеть в доме — черт явится; стучать ложкой по столу; а также сидя качать одной ногой — так черта призываешь; откликаться на чей-то зов, особенно в лесу и ночью — «нечистый дух ходит и вызывает»; громко смеяться и петь в неположенных местах и в неположенное время — «присмеёшь», прикличешь к себе черта; думать о черте и упоминать его имя — иначе явится. Из-за боязни спровоцировать появление черта также запрещалось брать на строительство (а часто и на дрова) выворотень — дерево, вывернутое вихрем с корнем, или громобой — сбитое молнией, поскольку они считались «нечистыми», связанными с чертом. В гомельском Полесье дерево, разбитое молнией, связывалось со старой дуалистической легендой о споре Бога с чертом и о молниях как стрелах, которыми Всевышний бьет нечистика.

ЛЕТАЮЩИЙ ЗМЕЙ

Летающий змей — персонаж с двойственным обликом. Если наблюдающий змея человек видит его в воздухе, он представляется в виде летящего по небу огня — огненного змея, шара, веника, звезды и прочего. Когда он прилетает в нужный ему дом,

то рассыпается искрами над крышей или печной трубой и изменяет свой облик на тот, что соответствует его земной ипостаси. Этот персонаж зовется или просто *зме́й*, или *спарні́к* (от слов *спор*, *спори́на* в значении «жизненная сила, удача, богатство», ср. русское выражение «дело *спóрит*ся»). Белорусский *спарні́к* достаточно близкий родственник европейскому средневековому *василиску*³. Представления о таком персонаже больше распространены на востоке Белоруссии, в частности в Гомельской области.

Летающий змей обычно ведет себя как дух-обогадитель — это персонаж, живущий у колдунов и ведьм на положении помощника и приносящий им богатство (деньги, молоко, сметану, зерно), которые он ворует у других людей (у русских он называется *змея-деньгоносица*, *зме́й-носа́к*, *больша́чонок*).

Змий прилетал к человеку, которому гроши носит, богатство носит. У нас говорили, к Плеваку [фамилия односельчанина] змей прилетал этой ночью. Зеленый и красный такой, все прилетал, носил деньги, богатство (с. Пирки Брагинского р-на Гомельской обл., 1984 г.).



Женщина и змей. 1910

На западе Белоруссии, где слово *домовик* обычно обозначает обитающую в доме нечистую силу, им также может именоваться и летающий змей, хотя в таком случае это название обычно относится не к мифологическому хозяину дома, а к персонажу совсем другого типа, держать которого в доме даже считается грешно. На Карпатах и в польской традиции сходное существо также может называться *домовык*, *domowyj czort*, *domownik*:

«Летающий змий — то домовый, похож на человека. Его чертом называют» (с. Онисковичи Кобринского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Характерный облик летающего змея в воздухе — огненный предмет (шар, клубок, коромысло), который оставляет за собой сноп искр. Змей часто представляется светлой или огненной птицей. В польском фольклоре есть похожий персонаж в виде цыпленка или курицы и называется *skrzat*, *skrzatek* (от пол. *skrzętać* — «пищать, верещать»), так как считается, что он верещит, как большая стая цыплят).

Отношения между духом-обогабителем и его хозяином-человеком строятся наподобие договора с чертом: при жизни такой дух служит ему, а после смерти забирает себе его душу, поэтому во многих рассказах также называется чертом, нечистым. В преданиях говорится, что такой змей есть только у тех, кто занимается колдовством, отрекшись от Бога и связавшись с нечистой силой. Чтобы он носил богатство, нужно содержать свой двор в чистоте (спарник не терпит грязи, нечистот) и ставить ему на ночь яичницу. В Гомельской области известен сюжет, крайне популярный в карпатской и польской традициях: некто желающий досадить хозяину, имеющему духа-обогапителя, подсыпает ему в яичницу мусор или нечистоты, после чего тот жестоко мстит за оскорбление, как правило, сжигая все хозяйство целиком.

Спарник, наверное, летает к тому, кто шептать умеет [то есть занимается знахарством, колдовством]. Он забирает от одного [человека], а к знахарю носит. Спарнику надо яичницу нажарить и поставить на ночь. А он и поест. Это для того, чтобы спарник только доброе делал. Однажды проследил сосед яичницу и поел, и нагадил на сковороду, которую оставили спарнику. Спарник тогда запалил гумно, и гумно сгорело у хозяина, а то он ему все добро приносил. Спарник летит да светит огнем, как молния блеснет. Шептать он умел, этот хозяин (с. Присно Ветковского р-на Гомельской обл., 1982 г.).

В одном из гомельских рассказов объясняется, каким образом можно получить такой дух: он выводится из яйца, которое снес семилетний петух и которое несколько недель носили под мышкой. О таком способе выведения демона-обогатителя хорошо известно на украинских Карпатах, в Польше и у южных славян, а также в балтийских и западноевропейских традициях.

ДОБРОХОЖИЕ

На востоке Белоруссии, а также в примыкающих западнорусских районах, (в частности, в Брянской области), существуют представления о персонажах, которых называют *доброхожами*, *доброхочими* или *невидимыми людьми*. Насколько можно судить по фольклорным записям XIX–XX веков, этот достаточно молодой элемент белорусской (и отчасти русской) традиции, формирование которого стало происходить лишь в последнее столетие, — убедительное свидетельство того, что мифология является не раз и навсегда сложившейся и законсервированной данностью, а вполне живой и способной к развитию системой,

одни элементы в ней постепенно утрачивают актуальность и исчезают, а другие проявляются вновь.

Имена персонажей со значением доброты у восточных славян совсем не редкость. По свидетельствам XIX века, чаще всего такие названия употребляли в качестве иносказательных имен персонажей для их задабривания. Например, в русской традиции *добрая* или *добруха* — популярные в народе названия лихорадки, а *доброхотом* могли называть как домового, так и черта. Кроме того, в белорусских заговорах XIX века упоминается *Свят Доброхот*, которому молились от излечения болезней, и *Игнаций Доброхочий* (по-видимому, лесной дух), к которому обращались с просьбой защитить скотину от волков. Довольно часто в восточных районах Белоруссии *доброхотами*, *доброхочими* или *доброхожими* называют покровителей домашних и природных пространств: домовика и хлевника, лесовика, водяника, полевика (реже этим словом могут называть русалку или умерших некрещеными детей) — словом, тех мифологических существ, чье поведение по отношению к человеку может быть двойственным и часто зависит от его правильного или неправильного поведения. Уважительное отношение к духам пространств обеспечивает людям благополучие и достаток. Если же они нарушают правила поведения, сквернословят или ведут себя неаккуратно, неуважительно по отношению к хозяину пространства (в лесу — к лесовику, в доме — к домовику), то бывают жестоко наказаны болезнью, отсутствием улова, неудачной охотой, блужданием в лесу и пр. Задабривающие же имена при обращении к этим персонажам являются формой уважительного к ним отношения.

Говорили: дабрахожий или домахазяин. Моя мама говорит: «Бывало, пойду в хлев, а около коня свечка стоит, горит. “Доброго дня”, — скажу, голову склоню». Так ничего моей

маме не было. Дабрахожий, он и за конем глядит, он и домашний хозяин. Я сама видела: в синем ехал. Я сама в хлев иду, так: «Добрый день хозяину домовому, полевому, его деткам и соседкам!» И в погреб иду, так говорю (с. Новое Залядье Ветковского р-на Гомельской обл.)⁴.

В подобных рассказах название *доброхожий* явно обозначает персонажей, покровительствующих определенным странствам. Вместе с тем доброхожими могут называть существ, чьи особенности и характерные действия несколько размыты, но все же вполне узнаваемы — их также называют *невидимыми людьми* и *богатырями*. Основная особенность *доброхожих* — это невидимость: «Они невидимые <...> Они кому надо — покажутся».

Важно, что такие персонажи характеризуются в сказаниях именно как люди, а не демоны. Статус подобных персонажей оказывается размытым: они то ли особенные люди (их считают добрыми и даже святыми), то ли нечистая сила.

Показываются доброхожие всегда в человеческом облике: это может быть человек в белой одежде или статный молодой муж в черном одеянии или военном костюме с блестящими пуговицами. Их мужественный вид, похоже, и стал основанием для именования их богатырями, хотя никакого отношения к богатырям из древнерусских былин они, разумеется, не имеют. Черный костюм с блестящими (золотыми, серебряными, стеклянными) пуговицами в белорусской и украинской традициях — стереотипный облик черта (возникший, очевидно, под влиянием западнославянской мифологии), но в данном случае этот образ был перенесен на совсем другой тип персонажей.

Происхождение доброхожих связывается с известным у восточных славян сказанием о многочисленных детях Адама,

утаенных им от Бога, — считается, что за это Господь сделал их невидимыми. В некоторых случаях говорится, что это «с того света люди» или что они происходят из детей, умерших некрещеными.

С доброхожими можно столкнуться на перекрестках, в саду, на старых межах, во дворе, на пастбище и в лесу, но их основное место — дорога, а самая узнаваемая черта — движение, в котором они все время находятся. Самые узнаваемые образы доброхожих — это странник в белой одежде, молодой мужчина на коне или свадьба, которая стрелой движется по дороге. При этом дорога доброхожих может не совпадать с человеческой: «как им Господь покажет, так они и идут».

Главная опасность для человека в случае с доброхожими — нечаянно осквернить дорогу, по которой они передвигаются, например помочиться там или оставить на ней мусор, что сделать довольно легко из-за того, что она может проходить абсолютно где угодно — скажем, по саду или двору. За это доброхожие сурово наказывают.

Дорогу доброхожих можно узнать по тому, что там никогда не растет трава. Ее необходимо содержать в чистоте, чтобы не рассердить духов; также там нельзя ставить никакие постройки. К примеру, в одном из сказаний хозяин хочет поставить хату на дорожке, которая проходит через его двор, но мудрый строитель убеждает его этого не делать и построить дом немного в стороне, что оказывается правильным решением. Тем не менее свекор рассказчицы по недомыслию ставит на этом месте клеть — хозяйственную постройку.



Дорога через поле. 1889

...клеть попала на эту дорогу. В этой клетке невестка спала. Сколько спала — все ей чудилось, казалось. Они же не любили, что на этой дороге [клеть поставили], эти самые люди, что звались богатырями. Где они ездят, там трава не растет, не будет расти. <...> Обыкновенная дорожка с земелькой — по этому признавали люди (п. Лядо Ветковского р-на Гомельской обл.)⁵.

Запрет что-то строить, мочиться, находиться, спать на дороге мифологического персонажа у восточных славян обычно связывается или с домовым, лешим (вспомним северорусскую традицию не спать на лесной дороге — ведь по ней ездит леший) или полевым (нельзя спать на меже, по которой он ездит). Этот мотив на белорусско-русском пограничье может относиться и к доброхожим.

С доброхожими соотносится еще один сюжет, который у восточных славян обычно связан с русалкой или с женским лесным персонажем — лесовихой, лесной бабой: человек видит в лесу колыбель с одним или двумя голыми детьми. Из жалости он накрывает их чем-то из своей одежды (женщина — фартуком, мужчина — рубашкой). На выходе из леса его догоняет баба с распущенными волосами и в награду за добрый поступок одаривает его чудесным предметом (чаще всего нескончаемым свитком полотна, от которого можно отрезать сколько угодно, но нельзя разворачивать до конца). В одном из таких рассказов эта функция приписывается доброхожей, которая наделяет бедного старика вечной удачей в делах за то, что он накрыл ее детей своей рубахой.

...гонится женщина в такой рубахе, в длинном, белом всем: «Старик, бедняга! Подожди, подожди, голубчик!» Он оглянулся. «Ты моих деток спас? Это ты моих деток прикрыл? Что тебе дать за это? Или чтобы знать, о чем лес говорит? Или чтобы богатый был, чтобы во дворе у тебя богатство было? Или чтобы беды никакой не знать?» А он дрожит, испугался, век не видел

таких людей. Так вот что ему было: целый век и кони велись, и зайцев у нас нет, а он набьет и несет домой (с. Старые Малыничи Чечерского р-на Гомельской обл.)⁶.

При этом человека, который в подобной ситуации не только ничем не накрыл детей, но и грязно на них выругался, доброхожие жестоко наказывают тем, что все его собственные дети умирают, не дожив до года.

БЛУЖДАЮЩИЕ ОГНИ

Блуждающие огни — мифологические существа, которые в белорусской традиции появились под влиянием польской мифологии.

У западных и южных славян — католиков (словенцев и хорватов) блуждающие огни представляются в виде перемещающихся небольших человекоподобных бледных огоньков или свечек, из-за чего называются *błądniki*, *błądne ogniki* (пол.), *świeczniki* (пол.), *světloňši* (чеш.) и считаются душами умерших людей, избывающих *покуту* (пол. *dusze pokutujące*) — посмертное наказание за грехи, которое дает душе умершего возможность после их искупления перейти в рай.



Кающиеся души. Ок. 1900

В народной интерпретации такие души также обречены отбывать назначенный им свыше срок покаяния на земле в виде блуждающих огней. Они встречаются на дороге в вечернее или ночное время и зовут человека за собой, заставляют блуждать, а также сбивают с пути, поэтому часто называются *bludički* (чеш.). Тем не менее такое существо может и помочь заблудившемуся человеку, проводить его до дому, если тот будет обращаться с ним вежливо. Более того, если человек после этого догадается помолиться, отслужить панихиду или хотя бы поблагодарить блуждающий огонек, находящаяся в нем душа заслужит прощение у Бога, прекратит свои скитания и переместится в загробный мир.

В брестских поверьях блуждающий огонь, встречающийся человеку в природном пространстве, осмысливается как ипостась души умершего или нечистая сила. Обычно он движется рядом с идущим, а потом внезапно уходит в сторону, где рассыпается и исчезает. К примеру, в одной гродненской быличке рыбаки, в темноте возвращающиеся с рыбалки, встречают такой огонек на мосту. Поравнявшись с телегой, тот начинает двигаться и вспыхивать — пых-пых-пых! — чтобы людям было лучше видно дорогу. Рыбаки решают, что таким образом он их пугает, поскольку двигается так перед повозкой целую версту. Они сильно пугаются и начинают креститься, и тогда огонек смещается на обочину дороги, двигаясь так, чтобы они могли его видеть. Рыбаки, изо всех сил нахлестывая лошадей, стараются побыстрее доехать до дома.

Иногда перемещающийся огонь не связывается с душами умерших, а считается признаком зарытого в землеклада:

«Как огонь горит, видишь бегучие огни, то постели на землю венчальный платок или красный пояс — так золото туда прикатится. Это золото бежит» (с. Замощье Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

По преданиям, когда человек в тихую летнюю ночь видит такие огни, это значит, что черт пересушивает или пересчитывает деньги. Говорится также, что вид огня может принимать разная нечистая сила — черт или летающий змей. К примеру, в одном из гомельских рассказов летающий змей спарник перемещается по чужому огороду в виде огонька или горящей свечки.

ПЕРСНИФИКАЦИИ ПРАЗДНИКОВ И ДНЕЙ НЕДЕЛИ

В славянской мифологии некоторые периоды сакрального времени представляют в виде мифологических существ. Олицетворения конкретного календарного или суточного периода ведут себя как одушевленные существа, контролируют поведение человека и соблюдение им запретов, как правило, на определенные виды работ.

К их числу в белорусской традиции относятся олицетворения некоторых дней недели, налагающие запреты на прядильно-ткацкие работы: Среда, Пятница, Неделя (в белорусском языке *неделей* называют воскресенье), а также праздничные дни христианского календаря, которые в народной традиции обычно обозначают именами соответствующих святых: Евдока (день святой Евдокии), Варвара (день великомученицы Варвары), Параска (день святой Параскевы), Креститель (день Иоанна Крестителя), Коляда (Рождество Христово), Водянуха (Крещение) и другие.

В быличках и поверьях святые, олицетворяющие праздник, показываются ночью или в полночь в виде то высокой женщины в белом с распущенными волосами, то высокого мужчины в черном. Они приходят в дом, видят все, что там происходит, разговаривают с людьми, могут выполнять домашние работы и пугать и наказывать нарушителей запретов.

«Пятница сама ходит по хатам в пятницу и смотрит, кто что делает» (с. Малые Автюки Калинковичского р-на Гомельской обл., 1984 г.).

О праздниках часто говорят, что они гnevаются, сердятся на нарушителей и даже испытывают боль от укулов веретена, если кто-то прядет в неположенное время. Например, предписание прятать на праздники орудия труда нередко объясняются тем, что их «не должна видеть Коляда» или «Пасха», а также существует поверье, что если оставить в ночь на пятницу веретено и пряжу непокрытыми, то «придет Пятница и будет пряхь».



Девушка за ткацким станком

В традиционной культуре понятие суток принципиально отличается от представлений о сутках современного городского жителя. Сутки отсчитываются не от полуночи одного дня до полуночи другого, а с момента захода солнца накануне одного дня до захода солнца на следующий — то есть границей между сутками является не полночь, а время захода солнца. На практике это означает, что повсеместно известный запрет пряхь по пятницам начинает действовать не в двенадцать часов ночи с четверга на пятницу, а вечером в четверг после захода солнца. Если накануне пятницы оставить на прялке недопряденную пряжу или пряхь в это время, то Пятница накажет рукодельницу за внеурочную работу.

В народном календаре прядильно-ткацкие работы (прядение, мотание ниток, снование основы и собственно работа на ткацком станке — *крóснах*) приурочены к осенне-зимнему периоду и ранней весне. Тем не менее выделяются особые дни

и праздники, когда эти занятия строго запрещаются, а сами прядельно-ткацкие инструменты или закрываются полотном, или выносятся в нежилую часть хаты. К примеру, в Белоруссии издавна запрещалось прясть в пятницу и в *неделю* (то есть в воскресенье), в дни, посвященные женским святым — Параскеве-Пятнице (28.10/10.11), Варваре (4/17.10), Анне (9/12.12), Евдокии (1/14.03), — и некоторым мужским святым — Андрею (30.11/13.12), Иоанну Крестителю (7/20.01), Алексею (17/30.03), а также на *Пилиповку* — Рождественский пост (15/28.11–24.12/6.01). Все эти святые по ночам могли приходить к нарушительнице запретов в дом, чтобы наказать ее заслушание. Впрочем, часто в данной традиции отсутствует ясное понимание о том, кто именно осуществляет кару: святые, души предков, домовик, черт или неопределенная нечистая сила — *лякачка* (от белорусского глагола *лякаць* — «пугать»), *веретёница*, *коляда*, *ночница*, *кто-то*, *нечто*.

Мифические существа ведут себя подобно полтергейстам: пугают, шумят, не дают домочадцам спать, стучат прялкой и ткацким станком, прядут недопряденную пряжу (в Витебской области таким же образом ведет себя кикимора):

До Рождества еще живет Варвара. Варвара придет в хату ночью и не даст спать. Кто будет после двенадцати часов прясть, того Варвара пугает. И после захода солнца в субботу не пряли, иначе Варвара стучит в окно, пугает (с. Кривляны Жабинковского р-на Брестской обл., 1985 г.).

При этом эти существа могли быть невидимы — человек лишь наблюдал, как крутится веретено и прядется кудель или стучат детали ткацкого станка. Сделанная работа в таком случае, как правило, оказывается никуда не годной: пряжа обмусолена, полотно испачкано мышинным пометом, нитки запутаны.



Шерстяной пояс. Польша, XIX в.

[Можно прясть в пятницу?] — Нельзя! Говорят, Пятница ночью допрядает. Одна женщина в пятницу пряла, так ночью к ней сама Пятница явилась. Слышно было, как всю ночь кросна гремели. Кросна гремят, бердо все выломало, нитки запутало (с. Симоничи Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

Если не доделать работу перед праздником, то олицетворяющий его персонаж может сжечь недопряденную пряжу прямо на животе недостаточно проворной пряжи, испортить незакрытые ткацкие инструменты или даже превратить их в ужей, которые затем уползут в лес.

В белорусской традиции популярен сказ (известный всем восточным славянам) о том, как мифическое существо забрасывает в трубу или в окно пряже сорок веретен и велит ей напрядь их все до утра под угрозой серьезной расправы. Женщина догадывается намотать на каждое веретено по одной ниточке и выкидывает их обратно за окно. Тогда мифологическое существо

произносит сакраментальную фразу (которую часто говорят разные представители нечистой силы, когда человеку удастся обмануть их): «А, догадалась!» Например, так восклицает Пятница в гомельском рассказе. В одной же из витебских быличек Пятница после этого даже объясняет женщине, что с ней было бы, поступи она по-другому: «Разумная ты, молодлица, что сделать догадалась, не сделай ты этого, а отдай мне голые веретена, я бы тебя саму, как голое веретено, скрутила бы и иссушила. Я святая Пятница. Гляди — избавь тебя Боже, ни разу в пятницу не пряди!» Впрочем, помимо олицетворяющего свой праздник святого, точно так же может себя вести и черт, о чем свидетельствуют былички с аналогичным сюжетом.

У нас одна женщина задумала рано встать, чтобы пряхь. А она встала — еще *неделя* [то есть воскресенье] была — она встала и напярла. А это раньше были такие хаты, что такой вот вверху дымник — ну, курные называли. Так ей черт накидал туда веретен. Но она догадливая была: взяла, на каждое веретено понаматывала ниток и закинула обратно. Поднялась вверх — нет этих веретен. Это ей черт накидал. Нельзя в воскресенье пряхь. Она же в ночь с воскресенья на понедельник встала. А ей через ту дырку черт накидал веретен. И это точно правда, это не выдумка, точно! (с. Онисковичи Кобринского р-на Брестской обл., 1985 г.).

Считается, что персонажи, олицетворяющие собой тот или иной праздник, карают за нарушение запретов на работу в праздное (то есть свободное от работы время), потому что орудия труда, крутящиеся инструменты, а также отходы от прядильных работ (пыль от волокна, кострика) наносят ущерб им, а также душам предков. Это может запылить их, засыпать им глаза кострикой, замотать нитками дорогу, проткнуть грудь и глаза веретенами. Особенно часто от неразумного поведения людей

страдает Пятница (а также Богородица, с которой она смешивается в подобных сюжетах), Варвара и олицетворения других женских праздников.



Прялка. XVIII в.

Как правило, страдающая Пятница или подобное ей существо приходит к нарушительнице запрета наяву или во сне и жалуется на то, что исколота веретенами, демонстрируя свои раны («как в пятницу прядешь, то и придет Пятница, а у нее в боках веретена торчат»), и просит не прядь. Мотив израненной Пятницы визуально поддерживается широко известной иконой Богоматери под названием «Семистрельная», изображающей ее с семью мечами или стрелами в груди. Сказители, говоря о запрете прядь в неположенные дни, как правило, апеллируют именно к ней, смешивая таким образом Пятницу, святую Варвару и Богородицу.

В пятницу ткать ткали, а только не пряли. Так говорили, что в пятницу прядешь, то <...> называется Пятница, ну вроде, как сказать, — Божья Мати. И как в пятницу прядут, то веретенами ее колют. Будто, говорят, была раньше даже икона. Как ляжешь спать, даже я раньше слышала: то сама Пятница ночью приходит и прядет — слышно, что крутится веретено (с. Симоници Лельчицкого р-на Гомельской обл., 1983 г.).

В качестве персонажей могут выступать не только персонификации праздников, но и прядельно-ткаческие орудия труда, прежде всего веретена, основа и кудель — прялка или прядельный гребень с насаженной на них пряжей. При этом они ведут себя как одушевленные существа, преследуя нерадивую хозяйку, не завершившую работу до наступления праздничного времени (чаще всего — до Рождества) и оставившую ее на праздник: в течение всех двух недель святок кудель или основа пугают нарушительницу, таскаясь за ней и бегая по селу, а неубранные веретена превращаются в змей или ужей («пойдут веретена ужами»).

ПРИЛОЖЕНИЕ

ОБ ИЗУЧЕНИИ БЕЛОРУССКОЙ МИФОЛОГИИ И «БОГЕ ЛУНЫ» КЛЯСКУНЕ

Коротко остановимся на наиболее важных для белорусской фольклористики исследованиях в этой области, на тех источниках и материалах, которые послужили основой для настоящей книги. Однако начать хотелось бы не с тех работ, которые выдержали проверку временем и достоверность которых (несмотря на все несовершенство научных методов раннего этапа фольклористики) не вызывает сомнений, а с одного очень известного текста, в свое время немало повлиявшего на восприятие, увы, всего лишь блестящей фальсификацией. Сказать об этом необходимо потому, что печальные следы этого влияния, искажающего подлинную картину белорусской мифологической системы, видны и в некоторых современных изданиях, тиражирующих фантомные сведения об образах, которых никогда в действительности не существовало. Речь идет о статье Павла Михайловича Шпилевского, писавшего под псевдонимом П. Древлянский (Павел Міхайлавіч Шпілеўскі, 1823–1861), «Белорусские народные предания», три части которой были опубликованы в 1846–1852 годах¹. Написанная в форме словаря работа Шпилевского включала описания пятидесяти двух белорусских «богов» и «богинь», среди которых, в частности, упоминаются Бордзя — «покровительница брака», Ваструха — «то же, что Астрей, богиня правды и целомудрия», Дзева — «верховное божество, заимствованное у поляков», Дзевоя — богиня девства, Зорка — «то же, что Аврора,

богиня счастья и судьбы», Лелё — «купидон с крылышками», Ляля — «богиня весны», Чур-бог — «бог границы», Гарцуки — «горные духи» (интересно, где в Белоруссии горы?), Зюзя — «бог зимы», Кляскун — «бог луны и летних забав и удовольствий, божество, похожее на Бахуса», и другие. Как очевидно из этого списка, указанные «боги» и «богини» Шпилевского, во-первых, не имеют абсолютно никаких соответствий в других славянских традициях, во-вторых, сведения о них полностью отсутствуют в работах других исследователей белорусской народной культуры и, в-третьих, не подтверждаются никакими экспедиционными записями, полученными от реальных носителей традиции. Зато налицо стремление Шпилевского найти своим персонажам соответствия в мировой мифологии (Воструха — Астрья, Зорка — Аврора, Кляскун — Бахус и т. д.)².

Совершенно очевидно, что «Белорусские народные предания» написаны не с целью ввести в заблуждение или разыграть читателей, они не являются сознательной мистификацией. Эту работу нужно рассматривать как памятник определенного этапа развития этнографической и фольклорной мысли, когда еще не было выработано представление о достоверности, аутентичности научного факта в том смысле, в каком мы его понимаем. В первой половине XIX века еще нормальным считалось сложившееся в предыдущую эпоху описание славянской мифологии не в том виде, в каком она реально существует в народных представлениях, а в том, в каком она должна существовать, по мнению исследователей преднаучного периода фольклористики. Для авторов этой эпохи важно было, в какой степени их национальная традиция соответствует ими же самими заданному эталону, стандарту мифологической системы, которую они видели в античных образцах. «Подтягиванием» своей мифологии под античный эталон задолго до Древлянского занимались и польский историограф Ян Длугош, пытавшийся создать пантеон польских божеств по аналогии с античным

в его знаменитом труде *Historia Polonica*, и сам Михаил Васильевич Ломоносов, составивший параллельный список русских и римских божеств (Юпитер — Перун, Юнона — Коляда, Нептун — Царь морской и пр.)³. В XVIII веке, когда этнографические исследования только зарождались (а это, напомним, была эпоха классицизма с ее ориентацией на античность), исследователям того времени казалось, что все национальные мифологии должны быть похожи на древнегреческую или римскую, что в мифологии каждого народа должны быть персонажи, подобные Юпитеру или Юноне, а если их нет, то не грех немного «дорастить» имеющиеся персонажи до статуса «богов» или придумать собственных. Очевидно, что задача поисков подобного рода соответствий — подтвердить «полноценность» своего мифологического пантеона и собственной национальной культуры. Чтобы лучше понимать стиль текстов Шпилевского, стоит привести отрывок из его статьи о волках-оборотнях⁴. Комментируя слова Геродота о нёврах, умевших оборачиваться волками, Шпилевский замечает: «К свидетельству Геродота прибавим то предание жителей Пинского Полесья (Минской губ.), что Овидий жил некогда возле нынешнего г. Пинска в пещере на высокой горе, окруженной со всех сторон озерами и черотом (тростником большим), куда будто ссылали его за дерзкие стихи...» По мысли Шпилевского, Овидий, живя в ссылке в пинском Полесье, подслушал у белорусов предания о волколаках, на основе чего написал свои «Метаморфозы» «на польско-пинском или белорусском наречии»⁵. Думаю, что комментарии в данном случае излишни.

Однако работа Шпилевского включала не только полностью вымышленные персонажи, иначе она не оказала бы существенного влияния на умы других авторов (а Шпилевского цитировал и А. Н. Афанасьев, и другие ученые его времени). Значительное число описанных им персонажей представляют собой сложную конструкцию из подлинных мифологических

элементов, взятых им из белорусской традиции, и авторских фантазий. Среди этих персонажей можно выделить несколько групп в зависимости от того, насколько их описание соответствует реальным фактам народной культуры, и от того, какие имена использует автор для их обозначения. К первой группе можно отнести имена реальных мифологических персонажей, более-менее адекватно описанных автором (вавкалака, русалки, цмок, падпечник). Вторую группу составляют персонажи, обозначенные реально существующими в восточнославянской народной культуре мифологическими именами (росомаха, кадук, лозовик, Баба-яга), но снабженные частично вымышленными образами. К третьей группе относятся квазиперсонажи, сконструированные на основе названий значимых календарных праздников: например, «божество веселья и радости» Каляда получило имя по народному названию Рождества и святок; «покровитель цветов и плодов» Купало происходит от названия праздника Ивана Купалы, «бог пиршеств» Щедрец — от белорусского названия *шчадзец*, «канун Нового года». К четвертой группе можно отнести имена языческих богов древнерусского пантеона, таких как Перун или Ярило, о которых Шпилевский пишет так, как будто верования в этих древнерусских божеств были реальными в Белоруссии и в первой половине XIX века. Пятую группу составляют мифологические фантомы, названиями для которых служат имена нарицательные, действительно имеющиеся в белорусском языке, но не несущие никакого мифологического смысла: например, имя «бога зимы» Зюзи заимствовано из детского языка, обозначающего холод, мороз, а «похожий на Бахуса бог луны и летних забав» Кляскун получил свое имя от существительного «шалун, производящий шум и треск линейкой»⁶. Можно заметить, что Шпилевский не всех подряд объявляет «богами» и «богинями», а «выращивает» их на той языковой и обрядовой почве, которая дает для этого некоторые основания.



Пинское предместье Каролин. 1875

Вторая половина XIX — начало XX века — период интенсивного и всестороннего развития фольклористики и этнографии на территории Российской империи, — время, когда из любительского, во многом наивного интереса к славянскому фольклору постепенно формируется объективное знание о традиции, вырабатываются собственно научные методы ее изучения, а главное — начинается непрерывный и целенаправленный процесс накопления фактов в разных областях народной культуры: собираются и публикуются сказки, загадки, легенды, песни, сведения по семейным и календарным обрядам, а также мифологические представления. Разрабатываются специальные программы-вопросники по разным областям народной культуры для сбора фольклорных сведений. Здесь нужно вспомнить обширную «Программу этнографических сведений о крестьянах Центральной России, составленную князем В. Н. Тенишевым», включавшую 491 вопрос о разных сторонах крестьянской бытовой и духовной жизни (в частности, раздел «Ж» содержал

подробные вопросы о мифологических представлениях). Материалы по восточнославянской мифологии, в том числе и по белорусской, собранные по этой программе, составили книгу нашего замечательного этнографа С. В. Максимова «Нечистая, неведомая и крестная сила»⁷, сведения из которой используются и в нашей книге. Поскольку в этот период три восточнославянских народа — русских, белорусов и украинцев — принято было считать этническими вариантами единого русского народа, а сам термин *русский* обычно использовался в значении «восточнославянский» (собственно русские назывались *великороссами*), то значительное количество ценных сведений по белорусской мифологии содержится в работах этого периода, посвященных восточнославянской традиции в целом. Сюда относится знаменитая книга известного этнографа и фольклориста Д. К. Зеленина «Очерки русской мифологии»⁸, в которой впервые на восточнославянском материале было сформулировано представление об особом классе славянских мифологических персонажей, происходящих из «нечистых» (то есть умерших «неправильной» смертью) покойников — русалках, кикиморах, упырях, которых Зеленин назвал «заложными» по особенностям их захоронения (в настоящее время их, как правило, называют «нечистыми» покойниками). Краткое описание белорусских мифологических представлений содержится и в более поздней книге Зеленина «Восточнославянская этнография», впервые опубликованной в 1929 году на немецком языке⁹.

В конце XIX века начали выходить журналы, специально посвященные вопросам фольклора и этнографии, такие как «Живая старина» и «Этнографическое обозрение», в которых наряду с публикациями фольклорных текстов печатали и аналитические статьи, посвященные проблемам возникновения и развития фольклора, схожести и различия сказочных и мифологических сюжетов в разных славянских традициях. К этому времени уже сформировалось четкое представление

о достоверности полевого материала (записей фольклорных текстов и вообще любых сведений, полученных от носителей традиции) как необходимым условием для его изучения и публикации. Это означает, что исследователь обязан фиксировать тексты, записанные от рассказчиков, в том виде, в каком они были ими переданы, не искажая материал собственными фантазиями и дополнениями.

Во второй половине XIX века появился ряд замечательных исследователей собственно белорусской традиции и конкретно мифологических представлений. Одним из важных источников этого периода является первый словарь белорусского языка¹⁰, созданный замечательным лексикологом, этнографом и фольклористом Иваном Ивановичем Носовичем (Иван Насовіч, 1788–1877), содержащий большое количество диалектной лексики, щедро иллюстрируемой отрывками из народных песен, поверий, фразеологизмов и другой ценной информацией по белорусской народной культуре (по насыщенности этнографическими сведениями он напоминает словарь русского языка В. И. Даля).



Выезд воеводы на витебское воеводство. XVII в.

Большое значение для изучения белорусской мифологии имеют работы Николая Яковлевича Никифоровского (Мікалай Якаўлевіч Нікіфароўскі, 1845–1910), оставившего нам подробное этнографическое и фольклорное описание Витебской Белоруссии. Сын бедного сельского пономаря, закончивший семинарию и вынужденный всю жизнь работать простым учителем, Никифоровский активно занимался этнографией и фольклором родного края, публиковался в научных журналах и сотрудничал с известными филологами своего времени, также занимавшимися белорусским языком и традиционной культурой, в частности с П. В. Шейном и Е. Ф. Карским. Его книга «Очерки простонародного життя-быття в Витебской Белоруссии и описание предметов обиходности» (1895) представляет собой полное описание бытовой, повседневной культуры крестьян Витебской губернии и их занятий. Его вторая работа «Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах» (Витебск, 1897) включает народные представления о беременности, рождении и воспитании детей, брачных отношениях, смерти, календарных праздниках и природных явлениях. Однако наиболее интересна для нас книга Никифоровского «Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе» (Вильна, 1907) — это полное описание системы витебских мифологических персонажей, поверья о которых хорошо были знакомы автору с детства, проведенного в крестьянской среде.

Этнограф, фольклорист, языковед и публицист Александр Казимирович Сержпутовский (Аляксандр Казіміравіч Сержпутоўскі, 1864–1940), рожденный в бедной семье случкого крестьянина, также в своих этнографических и фольклорных исследованиях опирался на опыт, полученный в детстве, посвятив ряд своих работ традиции родного ему Слуцкого края. Для нас наибольший интерес представляют его книги, посвященные фольклору белорусского Полесья: «Казкі і апавяданьні беларусаў-палешукоў»

(1911), «Казкі і апавяданні беларусаў із Слуцкага павету» (1926), «Прымхі і забабоны беларусаў-палешукоў» («Суеверия и предсудки белорусов-полешуков», 1930), хотя, безусловно, необычайно важно и его изучение бытовых сторон жизни крестьян Мозырского и Слуцкого уездов Минской губернии, которым он занимался по поручению Русского музея.

Говоря об источниках нашей книги, необходимо упомянуть фундаментальный труд Евдокима Романовича Романова (Еўдакім Раманавіч Раманаў, 1855–1922), известного белорусского и русского этнографа, фольклориста, археолога и публициста, члена Русского этнографического общества, собравшего ценнейшую и обширнейшую коллекцию белорусских этнографических материалов (значительная часть которой в настоящее время хранится в Русском этнографическом музее в Санкт-Петербурге). Основной труд его жизни — подготовленные к изданию пятнадцать томов «Белорусского сборника» — можно без преувеличения назвать энциклопедией белорусской народной картины мира, содержащей все основные жанровые формы фольклора: этиологические легенды, апокрифические сказания, сказки, заговоры, мифологические представления. Девять томов этого ценнейшего труда (1887–1912) успел издать сам Романов, один был опубликован уже после его смерти, остальные пять, к несчастью для науки, были утрачены в годы Великой Отечественной войны.

Важный вклад в изучение белорусской народной традиции внес известный русский фольклорист Павел Васильевич Шейн (1826–1900). Судьба этого неустанного собирателя и публикатора восточнославянского фольклора (преимущественно русского и белорусского) удивительна и во многом трагична. Выходец из могилевской еврейской купеческой семьи, до тринадцати лет вообще не говоривший по-русски, в детстве он тяжело переболел полиомиелитом, оставшись инвалидом, всю

жизнь передвигавшимся на костылях. Обстоятельства жизни и перенесенная болезнь, казалось бы, не оставляли ему шансов на занятие славянским фольклором. Однако, освоив русский язык, крестившись и окончив школу при московской лютеранской церкви, Шейн не вернулся к своей семье, а стал служить учителем в дворянских семьях и школах (в том числе в яснополянской школе Льва Толстого), скитаясь и испытывая немалые лишения. После сближения с московским славянофильским кружком К. С. Аксакова и А. С. Хомякова Шейн начинает серьезно и систематично заниматься сбором фольклорных текстов, сначала в одиночку, а позже и с помощью добровольных респондентов из сельской интеллигенции. Он создает программу по сбору фольклора, налаживает запись материалов сначала по русской, а позже и по белорусской народной традиции, подключив к этой работе целую плеяду известных деятелей белорусской культуры — А. Е. Богдановича, Ю. Ф. Крачковского, Н. Я. Никифоровского, Е. Ф. Карского и др. Итогом его многолетних усилий стал трехтомный сборник «Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края» (1887–1902), содержащий обширные сведения по всем сторонам белорусской традиции, в том числе и по мифологии.

Один из респондентов Шейна, этнограф, краевед, историк культуры (и по совместительству свояк Максима Горького) Адам Егорович Богданович (Адам Ягоровіч Багдановіч, 1862–1940), известен несколькими своими работами в области белорусской народной культуры, где наиболее важной является книга «Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Этнографический очерк» (1895). В ней Богданович попытался проследить наиболее архаичные дохристианские элементы в современных ему народных представлениях.

Еще один респондент Шейна, Евфимий (Ефим) Федорович Карский (Яўхім Федаравіч Карскі, 1860–1931), внебрачный сын сельского дьячка из Гродненской губернии, известный

белорусский и русский этнограф-славист, палеограф, основоположник белорусского языкознания, ректор Варшавского университета (с 1905 года), академик Российской академии наук (с 1916 года), директор петербургского Музея антропологии и этнографии (Кунсткамеры), знаменит своим фундаментальным многотомным трудом «Белорусы» (1903–1922), позволяющим считать Карского признанным классиком белорусоведения.

Безусловную важность для исследований по белорусской мифологии представляют статьи Павла Петровича Демидовича (Павел Пятровіч Дземідовіч, 1871–1931) «Из области верований и сказаний белорусов»¹¹ и Евгения Александровича Ляцкого (Яўген Аляксандравіч Ляцкі, 1868–1942) «Представления белоруса о нечистой силе»¹². Из целого ряда историко-этнографических и археографических работ Юлиана Фомича Крачковского (Юльян Фаміч Крачкоўскі, 1840–1903) наибольший интерес представляет его книга «Быт западно-русского селянина» (1874). По сути, это собранная Крачковским обстоятельная компиляция ранее опубликованных материалов других авторов по свадебной и календарной обрядности из Борисовского, Новогрудского, Кобринского и других уездов, в которой также содержится ряд этиологических легенд и отдельных мифологических представлений.

Народной культуре русско-белорусского пограничья (по большей части — традиции Смоленской губернии с ее смешанным русско-белорусским населением) посвящены исследования известного фольклориста Владимира Николаевича Добровольского (1856–1920). В его четырехтомном «Смоленском этнографическом сборнике» (1891–1903)¹³ первый том включает значительный корпус легенд и быличек о разных мифологических персонажах. Ценный материал по мифологии этого региона содержится и в его статье «Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии)»¹⁴.

Значительный вклад в изучение белорусской традиции, в том числе и в области мифологии, внесли польские исследователи, в частности Михаил Адольфович Федеровский (Michał Ignacy Federowski, Michał Federoўski, 1853–1923). Сын польского повстанца, позже эмигрировавшего во Францию и погибшего во время франко-прусской войны, Федеровский поселился на Пружанщине (ныне Пружанский р-н Брестской обл.), в друственной семье Швыковских, где у него родилась идея создания всеобъемлющей монографии о народной жизни этого края. Посвятив себя изучению западных районов нынешних Брестской и Гродненской областей и Белостокского воеводства (в тот момент территория Российской империи), Федеровский собрал огромный этнографический, статистический, краеведческий, фольклорный материал, самостоятельно записывая фольклорные тексты и обряды в Пружанском, Лидском, Слонимском, Сокольском, Бельском, Гродненском, Слуцком, Новогрудском, Белостокском (ныне территория Польши) уездах. Результатом его тридцатилетних трудов стала восьмитомная монография *Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905* («Белорусский народ на Литовской Руси. Материалы по славянской этнографии, собранные в 1877–1905 гг.»)¹⁵, последние пять томов которой вышли уже после смерти автора.

Одним из исследователей славянской народной культуры и, в частности, фольклора Речицкого Полесья был известный польский славист, лингвист и фольклорист Казимир Мошиньский (Kazimierz Teofil Franciszek Moszyński, 1887–1959), начавший собирать фольклорные сведения на территории Полесья еще накануне Первой мировой войны. Записанные им материалы были опубликованы в 1929 году в книге «Восточное Полесье»¹⁶. Интерес к славянской крестьянской культуре возник у Мошиньского в связи с его исследованиями ранней истории и культуры славянства — он справедливо решил, что ценные

данные в области славянской архаики сохраняются в актуальной народной традиции, и их можно выявить с помощью специальных методов, поэтому так важны сбор полевых материалов и комплексное описание всех современных славянских традиций. Всеобъемлющее описание славянских традиций было воплощено Казимиром Мошиньским в его двухтомном фундаментальном труде «Народная культура славян», первая часть которого вышла в 1929 году, а вторая — в 1939-м¹⁷, в нем содержатся также данные и по белорусской мифологии. Заметим, что практически одновременно та же концепция родилась и у Д. К. Зеленина, назвавшего этот метод реконструкции славянских древностей «методом ретроспекции» и частично воплотившего его в работе «Очерки русской мифологии», а во второй половине XX века метод реконструкции древнейших слоев славянской культуры на основе позднего состояния традиции был разработан академиком Н. И. Толстым и лег в основу работ Московской этнолингвистической школы.

Значительный вклад в исследование восточной части белорусского Полесья внес польский и белорусский этнограф и фольклорист Чеслав Петкевич (Czesław Pietkiewicz, Часлаў Пяткевіч, 1856–1936). Уроженец Речицкого Полесья, Петкевич большую часть своей жизни вынужден был совмещать интерес к традиции родного края с работой управляющим в панских имениях и только во второй половине жизни, после переезда в Варшаву в 1923 г., благодаря знакомству с Казимиром Мошиньским смог заняться собственно научной работой в области этнографии и фольклористики. Собранный им богатый материал на территории Речицкого Полесья лег в основу трех монографий, одна из которых, вышедшая в 1928 году, была посвящена этнографическому описанию этой части белорусской земли¹⁸, вторая — «Духовная культура Речицкого Полесья»¹⁹, представляющая для нас особый интерес, — была

опубликована в 1938 году уже после смерти автора, а значительная часть третьей книги, описывающей общественные стороны жизни полешуков, к несчастью, была утрачена в годы Второй мировой войны.

Важным этапом в изучении мифологии белорусского Полесья стала организованная под руководством Никиты Ильича Толстого этнолингвистическая экспедиция (начало 1960-х — 1992), ставившая своей задачей всестороннее исследование диалектной лексики и народной традиции белорусского и украинского Полесья. Опираясь на идеи Зеленина и Мошиньского о возможности реконструкции праславянской культуры на основе позднего состояния славянских традиций, Толстой видел в Полесье территорию наиболее древнего расселения славян, сохранившую многие архаические черты, утраченные другими традициями. Программа-вопросник для сбора материалов по мифологии была одной из двадцати с лишним программ, по которым проводился комплексный сбор материалов по всем сторонам народной жизни Полесья²⁰. Мифологические материалы этой экспедиции были опубликованы в четырехтомном издании «Народная демонология Полесья»²¹.

Тексты из данного издания (из Гомельской и Брестской областей) используются в настоящей книге в переводе на русский язык в тех случаях, когда нет ссылок на другие издания. Немало сведений по белорусской мифологии содержится также в пятитомном этнолингвистическом словаре «Славянские древности»²², цель которого — комплексное описание значимых элементов (в том числе мифологических персонажей) народной культуры на основе всех славянских традиций.

За последние три десятилетия был опубликован целый ряд книг и статей, посвященных белорусской мифологии. Стоит упомянуть некоторые из них. В 1994 году вышла в свет книга Владимира Василевича (Уладзімір Васілевіч) «Міфы

Бацькаўшчыны»²³, в которой в виде словаря в основном на базе дореволюционных публикаций были собраны сведения о белорусских мифологических персонажах. К сожалению, наряду с реальными мифологическими представлениями в книгу были включены и фантомные «персонажи» из упоминавшейся выше работы Шпилевского, что значительно снижает ее научную ценность. То же самое касается двухтомной энциклопедии «Беларускі фальклор». Этого недостатка, к счастью, лишен словарь по восточнославянской мифологии, подготовленный профессором Гомельского государственного университета Владимиром Ивановичем Ковалем²⁴, составленный также преимущественно на основе уже ранее опубликованных материалов.



Коложа. Беларусь (Гродно). 1852

Заметным событием в изучении белорусских мифологических представлений стал энциклопедический словарь «Беларуская міфалогія», созданный коллективом фольклористов²⁵.

Он убедительно показывает, что мифологические представления в народной культуре не ограничиваются только набором персонажей, поскольку мифологизации подвергаются все уровни традиции — народные знания об устройстве мира и космоса (деление мира на «тот» и «этот», рай и ад), растениях, животных, птицах, особенностях ландшафта (например, отдельно стоящие камни, «нечистые» места, водоемы, возвышенности, связанные с пребыванием нечистой силы), о календарной системе (в частности, представления о святках как об «опасном времени» разгула нечисти), метеорологических явлениях (например, вихрь), а также об атрибутах и признаках существ (например, правая сторона всегда наделяется положительным значением, а левая — отрицательным, соотношенным с нечистой силой) и многом другом. Важно, что авторы статей этого издания опираются только на строго научные исследования и достоверные источники.

В настоящее время фольклорные и этнографические экспедиции, выезжающие в разные районы Белоруссии, продолжают изучение актуальной народной традиции, а новые публикации записанных полевых материалов показывают, что белорусские мифологические представления, частично изменяясь и развиваясь, вполне успешно сохраняются в памяти народа.

ПРИМЕЧАНИЯ

ГЛАВА 1

1. Сержпудоўскі А. К. Прымхі І забабоны беларусоў-палешукоў. Менск, 1930. С. 22.
2. Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 163.
3. Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 165.
4. Подробнее об этом мифе у славян и других народов: Кузнецова В. С. Дуалистические легенды о сотворении мира в восточнославянской фольклорной традиции. Новосибирск, 1998; Березкин Ю. Е. Из Старого Света в Новый Свет. Мифы народов мира. М., 2009.
5. Романов Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. С. 153–154.
6. Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 149.
7. Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. T. 1. S. 149.
8. Подробнее об этом: Бадаланова Ф. Каин окаянный. Болгарские фольклорные и литературные версии одного библейского сюжета // Живая старина. 1997. № 2. С. 43–45.
9. Pietkiewicz Cz. Kultura duchowa Poliesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938. S. 152–153.
10. Там же, S. 154–157.
11. Шейн П. В. Там же. 1893. Т. 2. С. 344.

12. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3. С. 313–314.
13. Кербелите Б. Типы народных сказаний. Структурно-семантическая классификация литовских этимологических, мифологических сказаний и преданий. СПб., 2001. С. 69.
14. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3. С. 314.
15. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1897. Т. 1. S. 201.
16. Крачковский Ю. Ф. Быт западно-русского селянина. М., 1874. С. 212–213.
17. Булашов Г. О. Український народ у своїх легендах, релігійних поглядах та віруваннях. Київ, 1992. С. 156.
18. Белова О. В. «Народная Библия». Восточнославянские этимологические легенды. М., 2004. С. 29.
19. Federowski M. Lud Białoruski na Rusi Litewskiej. Kraków, 1903. Т. 3. S. 281.
20. Евангелие от Матфея. 16:27.
21. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1902. Т. 3. С. 89.

ГЛАВА 2

1. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków, 1897. Т. 1. S. 68–69.

ГЛАВА 3

1. Археографический сборник документов, относящихся к истории Северо-Западной Руси. Вильна, 1867. Т. 1. С. 295–297.
2. Историко-юридические материалы, извлеченные из актовых книг губерний Витебской и Могилевской. Витебск, 1878. С. 291–297.

3. Запольский М. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 49–71.
4. Baranowski 1981:255.
5. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków, 1897. T. 1.

ГЛАВА 4

1. Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Собрал в Витебской Белоруссии Н. Я. Никифоровский. Витебск, 1897. С. 206.
2. Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2. С. 521–522.

ГЛАВА 6

1. Подробнее о формировании образа черта в славянской мифологии: Березович Е. Л., Виноградова Л. Н. Черт // Этнолингвистический словарь «Славянские древности». М., 2016. Т. 5. С. 519–527; Виноградова Л. Н. Черт // Народная демонология Полесья / Сост. Виноградова Л. Н., Левкиевская Е. Е. М., 2019. Т. 4. С. 460–701.
2. Подробнее об общеславянском образе духа-обогаителя: Левкиевская Е. Е. Славянские представления о способах коммуникации между тем и этим светом // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 185–212.
3. О подобных славянских персонажах подробнее см.: Левкиевская Е. Е. Славянские представления о способах коммуникации между тем и этим светом // Концепт движения в языке и культуре. М., 1996. С. 185–212.
4. Лопатин Г. И. «Людзей жа нявидзімых столькі, сколькі відзімых». Белорусские мифологические верования в «доброхожих» // Живая старина. 2005. № 3. С. 34–37.

5. Лопатин Г. И. «Людзей жа нявидзімых столькі, сколькі відзімых». Белорусские мифологические верования в «доброхожих» // Живая старина. 2005. № 3. С. 36.
6. Там же. С. 36.
Ż Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków, 1897. T. 1. Wiara, wierzenia I przesady ładu z okolic Wołkowyska, Słnima, Lidy i Skółki. 1897. S. 145.

ПРИЛОЖЕНИЕ

1. Древлянский П. Белорусские народные предания // Прибавления к Журналу Министерства народного просвещения. 1846. Кн. 1. С. 3–25; Древлянский П. Белорусские народные поверья. Статья вторая // Там же. Кн. 3. С. 85–125; Шпилевский П. Белорусские народные поверья. Статья третья // Там же. 1852. Кн. 3. С. 37–68.
2. Подробный анализ работы П. Шпилевского «Белорусские народные предания» содержится в статьях: Левкиевская Е. Е. Механизмы создания мифологических фантомов в «Белорусских народных преданиях» П. Древлянского // Рукописи, которых не было. Подделки в области славянского фольклора. М., 2002. С. 311–351; Топорков А. Л. О «Белорусских народных преданиях» и их авторе // Там же. С. 245–254.
3. Подробнее см.: Толстой Н. И. Язык и народная культура. 1995. С. 270.
4. Шпилевский П. М. Исследование о волколаках. На основании белорусских поверий // Московитянин. 1853. № 5. Кн. 1. Отд. III. С. 8.
5. Там же. С. 8.
6. Носович И. И. Словарь белорусского языка. 1870. С. 239.
7. Максимов С. В. Нечистая, неведомая и крестная сила. СПб., 1903.

8. Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. Пг., 1916. Второе издание: Зеленин Д. К. Очерки русской мифологии. М., 1995.
9. Русское издание этой книги: Зеленин Д. К. Восточнославянская этнография. М., 1991.
10. Носович И. И. Словарь белорусского наречия. СПб., 1870.
11. Демидович П. П. Из области верований и сказаний белорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 1. С. 91–120.
12. Ляцкий Е. А. Представления белоруса о нечистой силе // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 25–41.
13. Добровольский В. Н. Смоленский этнографический сборник. СПб., 1891. Ч. I: Диалектологические заметки, народные рассказы, былички, сказки.
14. Добровольский В. Н. Нечистая сила в народных верованиях (по данным Смоленской губернии // Живая старина. 1908. Вып. 1. С. 3–16.
15. Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków, 1897. T. 1; 1902. T. 2; 1903. T. 3; 1935. T. 4; 1958. T. 5; 1960. T. 6; 1969. T. 7; 1981. T. 8.
16. Moszyński K. Polesie Wschodnie. Materiały etnograficzne z wschodniej części b. powiatu mozyrskiego oraz z powiatu rzeczyckiego. Warszawa, 1929.
17. Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. T. 1. Kultura materialna. T. 2. Kultura duchowa. Cz. 1–2.
18. Pietkiewicz Cz. Polesie Rzeczyckie. Materyały etnograficzne. Cz. 1. Kultura materialna. Kraków, 1928.
19. Pietkiewicz Cz. Kultura duchowa Polesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938.
20. Подробнее о целях экспедиции и методах обследования Полесья см.: Полесский этнолингвистический сборник. М., 1983.
21. Народная демонология Полесья. Публикации текстов в записях 80–90 гг. XX в. / Сост. Л. Н. Виноградова, Е. Е. Левкиевская. М., 2010. Т. 1; 2012. Т. 2; 2016. Т. 3; 2019. Т. 4.

22. Этнолингвистический словарь «Славянские древности» / Под ред. Н. И. Толстого. М., 1995–2012. Т. 1–5.
23. Міфы Бацькаўшчыны / Уклад. У. А. Васілевіч. Мінск, 1994.
24. Коваль У. І. Народныя ўяўленні, павер'і і прыкметы. Дапаведнік па ўсходеславянскай міфалогіі. Гомель, 1995.
25. Беларуская міфалогія. Энцыклапедычны слоўнік / С. Санько, Т. Валодзіна, У. Васілевіч і інш. Мінск, 2004.

БИБЛИОГРАФИЯ

Боганева Е. М. «Харошыя былі людзі, толькі іх не видзеў ніхто...» (Мифологические тексты о доброхожих по материалам экспедиций 2002–2004 гг.) // Живая старина. 2009. № 4. С. 14–16.

Богданович А. Е. Пережитки древнего мирозерцания у белорусов. Гродно, 1895.

Демидович П. Из области верований и сказаний белорусов // Этнографическое обозрение. 1896. № 1. С. 91–120.

Довнар-Запольский М. Чародейство в Северо-Западном крае в XVII–XVIII вв. // Этнографическое обозрение. 1890. № 2. С. 49–71.

Казначеев В. В. Сучасны стан усходнепалескай міфалагічнай традыцыі // Гавораць чарнобыльцы (3 мясцовых гаворак чарнобыльскай зоны ў Беларусі). Мінск, 1994. С. 164–2008.

Легенды і паданні / Склад. М. Я. Грынблат, І. А. Гурскі. Мінск, 2005 (Беларусская народная творчасць).

Лобач У. А. Міф. Прастора. Чалавек: Традыцыйны культурны ландшафт беларусаў у сяміятычнай перспектыве. Мінск, 2013.

Лопатин Г. И. «Людзей жа нявидзімых столькі, сколькі вядзімых». Белорусские мифологические верования в доброхожих // Живая старина. 2005. № 3. С. 34–37.

Ляцкий Е. А. Представления белоруса о нечистой силе // Этнографическое обозрение. 1890. № 4. С. 25–41.

Міфы Бацькаўшчыны / Уклад. У. А. Васілевіч. Мінск, 1994.

Неверович В. О праздниках, поверьях и обычаях у крестьян белорусского племени, населяющих Смоленскую губернию // Памятная книжка Смоленской губернии на 1859 г. Смоленск, 1859. С. 123–234.

Никифоровский Н. Я. Простонародные приметы и поверья, суеверные обряды и обычаи, легендарные сказания о лицах и местах. Витебск, 1897.

Никифоровский Н. Я. Нечистики. Свод простонародных в Витебской Белоруссии сказаний о нечистой силе. Вильна, 1907. Витебск, 1995.

Романов Е. Р. Белорусский сборник. Витебск, 1891. Вып. 4. Сказки космогонические и культурные; Вып. 5. Заговоры, апокрифы и духовные стихи.

Сержпутоўскі А. К. Казкі і апавяданьні беларусаў з Слуцкага павету. Л., 1926 (Матер'ялы да вывученьня беларускае мовы, этнаграфіі і літаратуры. Кн. 1).

Сержпутоўскі А. К. Прымхі і забобоны беларусаў-палешукоў. Мінск, 1995.

Шейн П. В. Материалы для изучения быта и языка русского населения Северо-Западного края. СПб., 1893. Т. 2; 1902. Т. 3.

Federowski M. Lud białoruski na Rusi Litewskiej. Materiały do etnografii słowiańskiej zgromadzone w latach 1877–1905. Kraków, 1897. Т. 1. Wiara, wierzenia I przesady ładu z okolic Wołkowyska, Słnima, Lidy i Skółki. 1897.

Moszyński K. Kultura ludowa Słowian. Warszawa, 1967. Т. 2.

Pietkiewicz Cz. Kultura duchowa Poliesia Rzeczyckiego. Warszawa, 1938.

ИСТОЧНИКИ ИЛЛЮСТРАЦИЙ

1 National Gallery of Art. **2** Muzeum Narodowe w Warszawie. **19** The Metropolitan Museum of Art. **20** Rijksmuseum. **25** The Metropolitan Museum of Art. **27** Rijksmuseum. **30** The Metropolitan Museum of Art. **32** Rijksmuseum. **35** The Metropolitan Museum of Art. **36** Muzeum Narodowe w Warszawie. **38** The Metropolitan Museum of Art. **41** The Metropolitan Museum of Art. **44** National Gallery of Art. **46** Rijksmuseum. **54** Muzeum Narodowe w Warszawie. **56** Muzeum Narodowe w Warszawie. **58** Muzeum Narodowe w Warszawie. **59** Muzeum Narodowe w Warszawie. **63** Muzeum Narodowe w Warszawie. **65** Muzeum Narodowe w Warszawie. **67** Muzeum Narodowe w Warszawie. **69** Muzeum Narodowe w Warszawie. **72** Rijksmuseum. **74** Rijksmuseum. **77** ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение». **78** Rijksmuseum. **79** Wellcome Collection. **80** Muzeum Narodowe w Warszawie. **83** Muzeum w Nieborowie i Arkadii, dział Muzeum Narodowe w Warszawie. **84** Muzeum Narodowe w Warszawie. **87** Muzeum Narodowe w Warszawie. **89** Muzeum Narodowe w Warszawie. **91** Muzeum Narodowe w Warszawie. **100** Wellcome Collection. **102** Muzeum Narodowe w Warszawie. **105** Muzeum Narodowe w Warszawie. **107** Muzeum Narodowe w Warszawie. **110** Muzeum Narodowe w Warszawie. **113** ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение». **115** Rijksmuseum. **117** Muzeum Narodowe w Warszawie. **118** Muzeum Narodowe w Warszawie. **120** Muzeum Narodowe w Warszawie. **122** © Саратовский государственный художественный музей имени А.Н. Радищева. **125** Muzeum Narodowe w Warszawie. **127** Muzeum Narodowe w Warszawie. **129** Muzeum Narodowe w Warszawie. **131** Muzeum Narodowe w Warszawie. **133** iobard/Shutterstock. **136** Muzeum Narodowe w Warszawie. **138** Muzeum Narodowe w Warszawie. **139** Rijksmuseum. **143** Muzeum Narodowe w Warszawie. **144** Muzeum Narodowe w Warszawie. **145** Muzeum Narodowe w Warszawie. **150** Muzeum Narodowe w Warszawie.

153 Muzeum Narodowe w Warszawie. 154 Muzeum Narodowe w Warszawie. 158 Muzeum Narodowe w Warszawie. 161 Rijksmuseum. 164 Muzeum Narodowe w Warszawie. 172 Muzeum Narodowe w Warszawie. 176 Muzeum Narodowe w Warszawie. 178 © Ивангородский филиал ГБУК ЛО «Музейное агентство» — Ивангородский музей 180 Muzeum Narodowe w Warszawie. 184 Muzeum Narodowe w Warszawie. 186 Muzeum Narodowe w Warszawie. 189 Wellcome Collection. 191 Muzeum Narodowe w Warszawie. 194 ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение». 195 Muzeum Narodowe w Warszawie. 197 Rijksmuseum. 198 Muzeum Narodowe w Warszawie. 202 © Ивангородский филиал ГБУК ЛО «Музейное агентство» — Ивангородский музей 204 Muzeum Narodowe w Warszawie. 207 ГАУК ТО «Тюменское музейно-просветительское объединение». 209 Muzeum Narodowe w Warszawie. 220 Muzeum Narodowe w Warszawie. 221 Muzeum Narodowe w Warszawie. 224 Grey Zone/Shutterstock. 225 Muzeum Narodowe w Warszawie. 229 © Российская государственная библиотека. 231 Rijksmuseum. 233 Muzeum Narodowe w Warszawie. 234 Rijksmuseum. 239 Muzeum Narodowe w Warszawie. 241 Muzeum Narodowe w Warszawie. 245 Wikimedia Commons. 246 Wikimedia Commons. 250 Muzeum Narodowe w Warszawie. 252 Muzeum Narodowe w Warszawie. 254 Muzeum Narodowe w Warszawie. 256 The Metropolitan Museum of Art. 257 Muzeum Narodowe w Warszawie. 264 Muzeum Narodowe w Warszawie. 267 Rijksmuseum. 269 Rijksmuseum. 270 Rijksmuseum. 274 Muzeum Narodowe w Warszawie. 276 Rijksmuseum. 278 Muzeum Narodowe w Warszawie. 283 Muzeum Narodowe w Warszawie. 285 Muzeum Narodowe w Warszawie. 288 Muzeum Narodowe w Warszawie. 290 Muzeum Narodowe w Warszawie. 292 Muzeum Narodowe w Warszawie. 298 Muzeum Narodowe w Warszawie 300 Muzeum Narodowe w Warszawie. 308 Muzeum Narodowe w Warszawie

МИ∞ Культура

ИСКУССТВО

АРХИТЕКТУРА И УРБАНИЗМ

БИОГРАФИИ И МЕМУАРЫ

ПУБЛИЦИСТИКА И ЭССЕИСТИКА

НОН-ФИКШН ИСТОРИИ

МУЗЫКА, ТЕАТР, ТАНЕЦ

КУЛЬТУРА ДРЕВНОСТИ

ЛИТЕРАТУРА

СТРАНОВЕДЕНИЕ

#mifculture

Подписывайтесь
на полезные книжные письма
со скидками и подарками:
mif.to/kultura-letter

Все книги по культуре
на одной странице:
mif.to/culture



mifculture

КУЛЬТУРА

Научно-популярное издание

Мифы от и до

Левкиевская Елена

Белорусские мифы
От Мары и домашнего ужа
до волколака и Злыдни

В оформлении обложки использованы иллюстрации
по лицензии от Shutterstock.com

Руководитель редакционной группы *Надежда Молитвина*

Шеф-редактор *Дарья Калачева*

Ответственный редактор *Наталья Довнар*

Бильд-редактор *Мария Мирон*

Креативный директор *Яна Паламарчук*

Арт-директор *Максим Гранько*

Верстка *Владимир Снеговский*

Корректоры *Анна Матвеева, Мария Топеха*

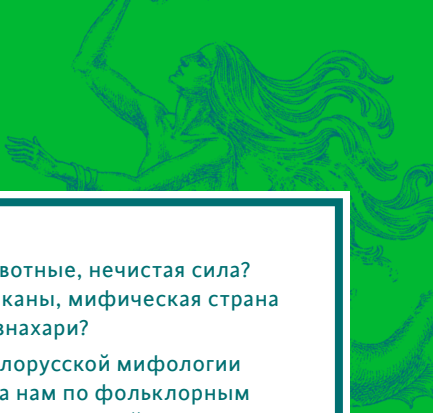
ООО «Манн, Иванов и Фербер»

123104, Россия, г. Москва, Б. Козихинский пер., д. 7, стр. 2

mann-ivanov-ferber.ru

vk.com/miftculture





Как на Земле появились люди, животные, нечистая сила?
Кто такие окаменевший пахарь, великаны, мифическая страна
Вырей, колдуны и знахари?

В этой книге рассказывается о белорусской мифологии
в том виде, в котором она известна нам по фольклорным
и этнографическим записям, начиная со второй половины
XIX в. и заканчивая фольклорными экспедициями
нашего времени.

Из книги «Белорусские мифы» вы узнаете, как белорусы
представляли окружающий мир, в каких духов верили, как
почитали предков и защищались от нечистой силы и козней
демонических персонажей. В многочисленных быличках вы
услышите живую речь жителей Беларуси и окунетесь в новый
и немного загадочный мир славянской культуры.

Елена Левкиевская — доктор филологических наук, ведущий
научный сотрудник Института славяноведения РАН, профессор
ЦТСФ РГГУ, исследователь славянской традиционной культуры
и мифологии, культурной антропологии, этнолингвистики
и фольклора, автор более 360 публикаций.

#белорусскиемифы

